

Гербартъ, Штрюмпель

и ихъ

педагогическія системы.

В. Г. Алексѣва,

Ординарнаго Профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1907.

Гербартъ, Штрюмпель

И ИХЪ

педагогическія системы.

В. Г. Алексѣва,

Ординарнаго Профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1907.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ
Юрьевскомъ Университетѣ. Т. XI.

І. Ф. Гербартъ и его педагогическая система ¹⁾.

„Дѣйствительной завершительницей воспитанія служитъ философія, но предотвратить опасности философіи есть обязанность математики. Гербартъ ²⁾.

Философія подобна гигантскимъ вьющимся растеніямъ тропическихъ странъ, о которыхъ намъ рассказываютъ путешественники. Они вьются своими отпрысками вокругъ стволовъ и вѣтвей дѣвственнаго лѣса, ползутъ съ дерева на дерево . . . Точно также и философскія мысли своими отпрысками пронизываютъ всѣ части нашей культуры: всѣ искусства, всѣ государственныя и общественныя учрежденія, также и тихое жильѣ у домашняго очага.

Штрюмпель ³⁾.

. . . при помощи математическихъ наукъ, съ одной стороны, складывается самымъ лучшимъ образомъ удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ общества, съ другой — вносится гармонія и порядокъ въ міросозерцаніе.

Бугаевъ (Мат. Сборн. т. XXI).

Едва ли возможно указать среди всѣхъ дѣятелей въ различныхъ сферахъ теперь объединенной Германской имперіи на протяженіи всего XIX столѣтія такое лицо, вліяніе котораго на складъ семейной, общественной и государственной жизни нѣмецкой націи могло бы равняться съ вліяніемъ Гербарта на весь строй и все современное культурное развитіе Германской имперіи. Это вліяніе Гербарта проявилось не вдругъ, не въ видѣ кратковременной блестящей вспышки въ культур-

1) Эта статья представляет переработку статьи, помѣщенной въ книгѣ 7-й Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1906 г.

2) Pestalozzi's Idee eines ABC der Anschauung. IV, n° 15.

3) Abhandlungen aus dem Gebiete der Ethik, der Staatswissenschaft, der Aesthetik und der Theologie. Leipzig. 1895. Heft 5. I.

номъ развитіи народа; нѣтъ, оно дѣйствовало медленно, постепенно, но проникло во всѣ самые потаенные уголки соціальной жизни нѣмецкаго народа и способствовало быстрому матеріальному и духовному обогащенію послѣдняго, совершившемуся почти на нашихъ глазахъ ¹⁾.

Научная система воспитательнаго обученія есть названіе великаго творенія Гербарта, столь много способствовавшаго преобразованію при посредствѣ школы всего соціальнаго строя жизни германскаго народа.

И по сіе время въ школахъ Германіи процвѣтаетъ система Гербарта, если не по формѣ, то по духу ²⁾. Хотя въ настоящее время имѣются уже попытки измѣнить эту систему, но онѣ дали пока возможность преобразовать лишь нѣкоторыя ея детали и не получили еще законченной формы ³⁾. Изъ этихъ попытокъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ не измѣненіе, а скорѣе развитіе системы Гербарта въ трудахъ одного изъ наиболѣе выдающихся его послѣдователей — его

1) См. мое сочиненіе: „Плоды воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта (Гольдене Ауэ и Киффгойзеръ). Юрьевъ. 1906. (Сборн. т. X)

2) Послѣдователи Гербарта нѣсколько утрировали форму его системы, что создало много враговъ гербартовскаго направленія. Такъ, напримѣръ, школьные инспекторы, приходя на урокъ, требовали, чтобы матеріаль урока былъ по минутамъ распредѣленъ по формальнымъ ступенямъ Гербарта. Это чрезмѣрное усердіе и формалистика „ортодоксальныхъ гербартианцевъ“ теперь отжили свое время, и для школьнаго дѣла въ настоящее время имѣетъ значеніе болѣе глубокое пониманіе идей Гербарта.

3) Нѣкоторые изъ современныхъ педагоговъ особенно увлекаются новыми данными экспериментальной психологіи лейпцигскаго профессора Вундта и его теоріей волюнтаризма. Они разсчитываютъ преобразовать систему Гербарта на этихъ новыхъ началахъ. Самъ Вундтъ не раздѣляетъ пока увлеченій своихъ пылкихъ приверженцевъ и говорилъ мнѣ лично, что „педагогическая система Гербарта остается до настоящаго времени самую совершенною и законченною“. Профессоръ Бартъ, извѣстный издатель журнала „Vierteljahrsschrift für wissenschaftl. Philos. und Sociologie“, только-что выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе „Die Elemente der Erziehungs- und Unterrichtslehre auf Grund der Psycho-

ученика Л. Штрюмпеля, создавшего новую область педагогических исследований — Педагогическую Патологию, которая выдвинула, с одной стороны, вопросы о ненормальностях детей в педагогическом отношении, а с другой — пролила много света и на применение системы Гербарта в деле обучения-воспитания детей нормальных.

На исследованиях Штрюмпеля возникло или, лучше сказать, вполне оформилось, новое течение в педагогике, имеющее название „Kinderforschung“, журнал которого „Kinderfehler. Zeitschrift für Kinderforschung mit besonderer Berücksichtigung der pädagogischen Pathologie“ был основан при непосредственном содействии самого Штрюмпеля и приверженцы которого составляют в Германии „Verein für Kinderforschung“, устраивающий от времени до времени общия собрания своих сочленов в различных городах. Предпоследнее собрание (по счету шестое) имело место в Лейпциге с 14 по 16 октября 1904 года, а в этом году в начале октября имело место в Берлине „Kongress für Kinderforschung und Jugendfürsorge“, на котором весьма разносторонне обсуждались способы исследования духовного и физического мира ребенка и в частности указывалось на большое значение для этих исследований детских садов¹⁾. На этом конгрессе, по поводу доклада директора лейпцигской школы ручного

logie der Gegenwart“, которое представляет полную систему педагогики, построенную на началах психологии и философии Вундта, но сохранившую еще много существенных принципов педагогики Гербарта. Проф. Мейманъ, издающий журнал „Archiv für gesamte Psychologie“ и занявший в настоящее время кафедру философии и педагогики в Кёнигсберге, особенно усердно занимается экспериментальной педагогикой; онъ издаетъ журналъ „Die experimentelle Pädagogik“.

1) В журналъ „Kindergarten“ (за 1907 годъ, вып. 1, стр. 1) говорится: „Und dass der Kindergarten, diese „pädagogische Kinderklinik“, wie Rudolf Virchow ihn einst treffend nannte, „heute mehr und mehr geschätzt wird als eine Stätte, in der Eltern, Erzieher und Fachgelehrte wertvolle Studien zu machen Gelegenheit finden, das haben wir jüngst auf dem Kongress für Kinderforschung in Berlin mit Befriedigung erfahren können.“

труда П а б с т а ¹⁾, обсуждался также весьма важный педагогический вопрос о значении ручного труда в школьном дѣлѣ.

Позволю себѣ привести здѣсь начало рѣчи председателя лейпцигскаго собранія, директора Т р ю п е р а ²⁾, прекрасно характеризующее направленіе означеннаго общества: „Мм. г-ни и г-ри! Наши стремленія идутъ отчасти противъ теченія настоящаго времени, когда социализмъ и социальныя изслѣдованія стремятся завладѣть и подчинить своему вліянію всю нашу общественную жизнь. Благодаря социализму, равенство всѣхъ сдѣлалось паролемъ для массы, устройство этого равенства должно дать свободу, братство и величайшее счастье множеству. Его обратная сторона и его заблужденіе заключаются въ томъ, что онъ не допускаетъ каждаго индивидуума съ его особенностями добиться своихъ полныхъ правъ.“

„Мы слѣдуемъ по пути, совсѣмъ противоположному. Запросъ на изученіе ребенка произошелъ изъ того убѣжденія, что особенности дѣтей не достаточно учитываются при ихъ воспитаніи и обученіи, и вслѣдствіе этого тысячи дѣтей погибаютъ или, по крайней мѣрѣ, получаютъ тѣлесныя и душевныя поврежденія. Подобно тому какъ социализмъ въ экономической и политической жизни производитъ числовой расчетъ средней работоспособности, такъ школа и обученіе нерѣдко продѣлываютъ то же самое съ среднею душою, съ нормальною душою, у которой все выдающееся и все ограниченное отсутствуютъ почти сполна и т. д. (Bericht über VI. Versammlung des Vereins für Kinderforschung. Langensalza. 1905).

Въ Лейпцигѣ ученики и послѣдователи Ш т р ю м п е л я группируются около научнаго общества „Vereinigung zur Pflege exakter Pädagogik im Leipziger Lehrerverein“. При этомъ обществѣ въ 1906 г. уже основанъ „Институтъ

1) См. „Deutsche Schule“. X, 11. 1906. A. Pabst. Die psychologische und pädagogische Begründung des praktischen Unterrichts.

2) Директоръ образцово устроеннаго воспитательнаго заведенія въ Іенѣ: „Erziehungsheim und Kindersanatorium auf der Sophienhöhe bei Jena“.

для экспериментальной психологии и педагогики ¹⁾“, который несомненно будет способствовать развитію нашихъ свѣдѣній о разнообразіи какъ нормальныхъ способностей, такъ и недостатковъ дѣтей. Этимъ вопросомъ Штрюмпель сталъ заниматься почти съ самаго начала своей научно-педагогической дѣятельности и уже въ 1844 году обнародовалъ статью „Die Verschiedenheit der Kindernaturen“, послѣднее изданіе которой появилось въ 1894 году. Первые идеи его работъ по этому вопросу, — по словамъ его ученика д-ра А. Шпитцнера ²⁾, — находятся даже въ неопубликованномъ сочиненіи „Ueber den Begriff des Individuums“, относящемуся къ 1837 году.

Классическое сочиненіе по изученію недостатковъ дѣтей въ педагогическомъ отношеніи — „Pädagogische Pathologie“ написано Штрюмпелемъ на восьмидесятомъ году жизни, и въ настоящее время готовится д-ромъ А. Шпитцнеромъ его четвертое изданіе. Громадное значеніе этого труда Штрюмпеля было неоднократно выясняемо на педагогическихъ съѣздахъ. Такъ, на примѣръ, на съѣздѣ въ Бреславлѣ (Pfungsten 1898) д-ромъ К а а л е мъ было установлено, что „высокое филантропическое, педагогическое и социалэкономическое значеніе педагогической патологіи признано теперь всѣми“. Точно также на вышеупомянутомъ лейпцигскомъ съѣздѣ предсѣдательствующимъ Т р ю п е р о мъ въ его рѣчи было сказано: „Здѣсь проявлялъ свою дѣятельность профессоръ Л. Штрюмпель,

1) Занятія въ этомъ институтѣ открыты съ апрѣля 1906 года подъ руководствомъ привать-доцента Б р а а н а.

2) Д-ръ Шпитцнеръ занимается въ настоящее время изслѣдованіями, совмѣстно съ профессоромъ Лампрехтомъ, по весьма важному вопросу „психологии народовъ“ (Völkerpsychologie) — о параллелизмѣ въ развитіи народовъ и въ развитіи отдѣльныхъ индивидуумовъ, который даетъ много фактическаго матеріала при осуществленіи идеи Гербарта о культурныхъ ступеняхъ обученія, подробно развитой Циллеромъ (см. дальше въ концѣ гл. II). Между прочимъ, при означенныхъ изслѣдованіяхъ сравниваются развитія способности воспроизводить предметы на рисункахъ (см. Levinstein, Kinderzeichnungen bis 14 Jahren. Leipzig).

который въ своихъ практическихъ занятіяхъ по научной педагогикѣ съ многочисленными учениками вводилъ послѣднихъ въ изученіе дѣтской души, который въ своей „психологической“ педагогикѣ указалъ означенному дѣлу новыя точки зрѣнія и который, имѣя уже почтенный 80-ти лѣтній возрастъ, написалъ классическое сочиненіе для изученія недостатковъ дѣтей. Его „Педагогическая Патологія“, вновь изданная нашимъ сочленомъ д-ромъ Шпитцнеромъ, сдѣлалась прокладывательницею новыхъ путей въ этомъ направленіи“.

Однако, признаваемое въ настоящее время многими педагогами важное значеніе идей Штрюмпеля сначала не было понято даже великимъ учителемъ послѣдняго — Гербартомъ. Когда 22-хъ-лѣтній Штрюмпель, послѣ двухгодичныхъ занятій въ Кёнигсбергѣ у Гербарта, слушалъ лекціи профессора математики въ Лейпцигскомъ университетѣ Дробиша — по математической психологіи и продолжалъ вести оживленную переписку съ Гербартомъ, у него зародились впервые его идеи по усовершенствованію гербартовской психологіи. Штрюмпель былъ убѣжденъ, что эти его идеи не идутъ въ разрѣзъ съ основными принципами психологіи Гербарта, а лишь служатъ необходимыми дополненіями къ послѣднимъ. Но другого мнѣнія былъ его учитель. Когда появилась въ печати въ 1834 г. первая часть обширно задуманнаго сочиненія Штрюмпеля: „Erläuterungen zu Herbart's Philosophie, mit Rücksicht auf die Berichte, Einwürfe und Missverständnisse ihrer Gegner“, Гербартъ осыпалъ упреками своего до того времени любимаго ученика въ томъ, что послѣдній „забылъ“ его психологію, что послѣдній „пошелъ изъ его психологическаго сада по ложному пути“ (aus seinem psychologischen Garten verirrt) и, наконецъ, послѣ нѣкотораго обмѣна письмами прервалъ окончательно сношенія со Штрюмпелемъ.

Такъ какъ въ то время вліяніе Гербарта во всей Германіи было чрезвычайно большое и вездѣ въ педагогиче-

скомъ мірѣ царило „ортодоксальное гербартіанство“, не отступавшее ни на іоту отъ формъ созданныхъ Гербартомъ, то Штрюмпелю пришлось отказаться отъ всякихъ надеждъ на научно-педагогическую карьеру въ предѣлахъ Германіи, и онъ принужденъ былъ переселиться, уже въ слѣдующемъ 1835 г., въ Курляндію, сначала въ качествѣ домашняго учителя у графа Медема. Лишь черезъ десять лѣтъ — въ 1845 г. Штрюмпель получилъ профессору въ Дерптскомъ университетѣ, которую занималъ въ теченіе 25 лѣтъ, и затѣмъ возвратился въ Лейпцигъ, гдѣ жилъ до конца своихъ дней, занимая должность профессора педагогики.

Разрывъ съ Гербартомъ былъ особенно тяжелъ для Штрюмпеля, потому что послѣдній все время до конца своей жизни оставался преданнѣйшимъ почитателемъ генія своего учителя. И по возвращеніи Штрюмпеля въ Лейпцигъ, послѣ его дватцатипятилѣтней плодотворной дѣятельности въ качествѣ профессора Дерптскаго университета, когда имъ было опубликовано много сочиненій объ изслѣдованіяхъ Гербарта, его разрывъ съ Гербартомъ не былъ забытъ многими гербартіанцами. Тѣмъ не менѣе, въ 1876 г., при открытіи памятника Гербарту въ г. Ольденбургѣ, Штрюмпелю было поручено составленіе и произнесеніе торжественной рѣчи, хотя противъ этого порученія сильно возражалъ ближайшій коллегa Штрюмпеля, тоже профессоръ педагогики Лейпцигскаго университета — Циллеръ, припоминая враждебныя отношенія Гербарта къ Штрюмпелю. Въ этой рѣчи Штрюмпель далъ полный просторъ изліяніямъ своего глубокаго уваженія и благодарности къ памяти геніальнаго учителя.

До настоящаго времени вопросъ объ отношеніи педагогической системы Штрюмпеля къ изслѣдованіямъ Гербарта продолжаетъ волновать умы нѣмецкихъ педагоговъ. Такъ, напримѣръ, въ 1904 г. появилась статья О. Флюгеля „Herbart und Strümpell“¹⁾ и въ этомъ же году появи-

1) Pädagogisches Magazin. Heft 235. Langensalza. 1904.

лось возраженіе на нее д-ра А. Шпитцнера подъ тѣмъ же заглавіемъ ¹⁾. Особенно рѣзкое сужденіе объ отношеніи изслѣдованій Штрюмпеля къ гербартовскимъ было высказано профессоромъ Цигеномъ: „Штрюмпель“, говоритъ Цигенъ, „введеніемъ его: ‚свободно дѣйствующихъ причинностей‘ — НВ. деревянное желѣзо — сдѣлалъ ученіе Гербарта совсѣмъ неузнаваемымъ“ ²⁾.

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду вполне определенно разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи философско-математическихъ изслѣдованій московской математической школы. Я покажу, что разсѣянные повсюду въ трудахъ Гербарта идеи о прерывныхъ аритмологическихъ закономерностяхъ, иногда въ весьма неясныхъ формахъ, составляютъ главное основаніе всѣхъ философскихъ и педагогическихъ изслѣдованій знаменитаго нѣмецкаго философа-педагога. Эти идеи Гербарта удерживали его отъ крайностей матеріализма-детерминизма, съ одной стороны, и трансцендентальнаго идеализма съ другой. Онѣ наложили особый отпечатокъ на научно-философское міровоззрѣніе Гербарта, которому наиболее подходящимъ названіемъ можетъ служить реалъ-идеализмъ, пріобрѣтшій довольно законченную форму, въ видѣ аритмологическаго идеализма ³⁾, въ философскихъ и педагогическихъ трудахъ

1) Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung. № 34, 1904.

2) Th. Ziehen. Das Verhältniss der Herbart'schen Psychologie zur physiologisch-experimentellen. S. 71. 1900.

3) Мною изданы на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ статьи довольно популярнаго характера объ этихъ изслѣдованіяхъ московской математической школы:

„Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія“. Юрьевъ. 1903 и 1904. Сборн. т. VII. (Также на нѣмецкомъ языкѣ — Jurjew. 1903.)

„Ueber die Entwicklung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur- und Geisteswissenschaften“. Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Sociologie. 1904.

„Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской школы“. Юрьевъ. 1905. Сборн. т. IX. (Также на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ: Vierteljahrsschrift für wissenschaftl. Philosophie und Sociologie. 1905.)

московской математической школы и въ особенности въ трудахъ главы этой школы Н. В. Бугаева.

Именно эту сторону гербартовскихъ изслѣдованій, какъ я выясню это дальше, съ замѣчательнымъ талантомъ сумѣлъ использовать Штрюмпель, можетъ быть, потому, что онъ былъ основательно знакомъ съ высшею математикою, которою занимался еще въ Кѣнигсбергѣ, а затѣмъ въ Лейпцигѣ у профессора Дробиша; впрочемъ, надо замѣтить, что въ явной формѣ математическія основанія въ изслѣдованіяхъ Штрюмпеля отсутствуютъ почти сполна.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что философско-математическія изслѣдованія московской математической школы вообще проливаютъ новый свѣтъ на нѣкоторыя неясныя и необоснованныя идеи въ изслѣдованіяхъ Гербарта и являются до нѣкоторой степени ключемъ къ разгадкѣ неясностей въ трудахъ послѣдняго.

Такимъ образомъ, хотя практика нашего школьнаго дѣла сильно отстала отъ нѣмецкой, хотя у насъ пока нечего и помышлять о высшихъ задачахъ практической педагогики, чтобы ненормальныхъ дѣтей, или малоспособныхъ, путемъ воспитательнаго обученія дѣлать болѣе или менѣе пригодными къ жизни въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, осуществленіемъ чего теперь особенно заняты нѣмецкіе педагоги, но для нашего національнаго самосознанія остается, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что въ трудахъ московской математической школы имѣется цѣлая сокровищница новыхъ идей, которыя, можетъ быть, дадутъ возможность не только уяснить и вполне обосновать существующія педагогическія системы, но и усовершенствовать ихъ и пробудить интересъ къ нимъ нашихъ педагоговъ-практиковъ. Эту надежду мы можемъ питать тѣмъ болѣе, что и первое слово по воспитательному обученію, и при томъ имѣвшее весьма многія практическія приложенія, было сказано нашимъ собратомъ славяниномъ — Амосомъ Коменскимъ, почти за двѣсти лѣтъ до Гербарта.

Наши педагоги-практики должны въ настоящее время

оставить рутину нашего школьнаго дѣла, которая идетъ въ разрѣзъ съ теоріей и практикой, выработанной въ теченіе вѣковъ нѣмецкой школой; они должны, наконецъ, обратиться къ научнымъ даннымъ современной педагогики.

Тотъ фактъ, который мы имѣемъ налицо въ нашихъ школахъ, что ученики отказываются учиться, прекрасно свидѣтельствуемъ о томъ, что духовная пища предлагается имъ, такъ сказать, въ неудобоваримомъ видѣ. Въ Германіи, по крайней мѣрѣ, распространено мнѣніе (идетъ оно, кажется, отъ Песталоцци), что „душа ребенка также нуждается въ знаніи, какъ его желудокъ въ пиццѣ, и если нормальный ученикъ не имѣетъ желанія учиться, то это значитъ, что ему сообщаютъ знанія въ такой формѣ, которая не соотвѣтствуетъ природѣ человѣческой души“.

Не въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ и не исподволь, а сразу и кореннымъ образомъ должна быть преобразована наша современная школа, начиная съ учительскихъ семинарій и институтовъ, подготовляющихъ учителей народныхъ и городскихъ училищъ. У насъ этотъ вопросъ теперь также назрѣлъ, какъ въ Германіи — въ концѣ XVIII в. Тамъ также въ означенную эпоху образовалась рутина школьнаго дѣла, которая подобно нашей настоящей не соотвѣтствовала природѣ человѣческой души и дѣйствительной жизни. Это заставило знаменитаго философа Канта выступить съ воззваніемъ „An das gemeine Wesen“, въ которомъ онъ призываетъ къ быстрой и коренной реорганизаціи школы для блага всего народа: „Однако, напрасно,“ говоритъ онъ въ этомъ воззваніи, „ожидать духовнаго оздоровленія человѣческаго рода отъ медленной реформы школы. . . Не медленная реформа, а быстрая революція можетъ это выполнить. Для этого ничего другого не надо имѣть, какъ только одну школу, которая была бы съ самаго основанія вновь организована по правильнымъ методамъ“.

Воззваніе Канта, однако, не было услышано, и нѣмецкому народу пришлось подвергнуться многимъ ударамъ судьбы, прежде чѣмъ въ немъ зародилось сознаніе о важности

правильной постановки народнаго обученія. Реформъ нѣмецкой школы много помогло появленіе новаго послѣ Коменскаго, великаго мастера школьнаго дѣла Песталоцци, который создалъ искусство нагляднаго обученія и который изрекъ осужденіе школьной рутины, заявивъ, что „знанія безъ умѣнія составляютъ, можетъ быть, страшнѣйшій даръ, который принесенъ нашему вѣку злѣйшимъ геніемъ“¹⁾. Слава Песталоцци достигла своего апогея именно въ то время, когда нѣмецкій народъ, истощенный вслѣдствіе наполеоновскихъ войнъ, впалъ въ ужасную матеріальную и духовную нищету.

Большую услугу реформъ народнаго просвѣщенія Германіи оказалъ также философъ Фихте, профессоръ Берлинскаго университета: въ своихъ знаменитыхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“, передъ большими собраніями ученыхъ и государственныхъ людей въ Берлинѣ, въ то время, когда наполеоновскія войска были размѣщены по всей Германіи, онъ мужественно и настойчиво доказывалъ, что единственная возможность спасти отечество отъ враговъ заключается въ обученіи народа по способу Песталоцци. Благодаря этимъ рѣчамъ, прусское правительство, съ королемъ Фридрихомъ III и его министрами Альтенштейномъ и

1) Эти слова имѣются въ одномъ изъ самыхъ выдающихся сочиненій Песталоцци: „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей.“ Въ этомъ же сочиненіи Песталоцци раздражается филиппикою противъ грѣховъ своего вѣка и противъ лишеннаго реальнаго основанія образованія съ его адептами въ привилегированныхъ сословіяхъ. Послѣднихъ онъ называетъ „жалкими людьми слова, а не дѣла“. „Вслѣдствіе своего противоестественнаго образа воспитанія“, — говоритъ Песталоцци, — „они сдѣлались неспособными чувствовать, что стоятъ на ходуляхъ и что должны сойти со своихъ жалкихъ деревянныхъ подставокъ, если только хотятъ стоять на землѣ столь же твердо, какъ стоитъ народъ“.

„Европа, какъ аллегорическій образъ пророка, граничитъ златою главою отдѣльныхъ искусствъ до облаковъ; народное же просвѣщеніе, долженствующее служить фундаментомъ этой златой главы, напротивъ, какъ ноги гигантскаго образа пророка, повсюду представляетъ самый жалкій, хрупкій и недостойнѣйшій мусоръ.“

Штэйномъ во главѣ, рѣшило реформировать школьное дѣло¹⁾. Къ Песталоцци были посланы молодые люди для изученія его натуральнаго способа нагляднаго обученія, а по ихъ возвращеніи были устроены новыя учительскія семинаріи съ преподаваніемъ въ духѣ Песталоцци. Одинъ изъ учениковъ Песталоцци — Целлеръ былъ приглашенъ въ Кёнигсбергъ. Наконецъ, въ 1817 году, когда такимъ образомъ было подготовлено достаточное количество новыхъ учителей, въ Пруссіи было введено обязательное народное обученіе съ восьмилѣтнимъ курсомъ (съ 6-ти до 14-ти лѣтняго возраста) по способу Песталоцци. Съ того времени въ Германіи стали появляться все новые и новые выдающіеся педагоги-практики, значительно усовершенствовавшіе способъ Песталоцци и распространившіе его въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ двумъ: Дистервегу и Гарнишу, изъ которыхъ первый развилъ дѣло Песталоцци,

1) Не всѣ правители германскихъ государствъ въ это печальное время сознавали необходимость реорганизации народнаго образованія, о чемъ прекрасно свидѣтельствуетъ сохранившееся письмо одного изъ почитателей Песталоцци, Ф. Тюрка отъ 29-го сентября 1807 года, адресованное самому Песталоцци (H. Mort. Einige Blätter aus Pestalozzi's Lebens- und Leidensgeschichte. Lange-salza. 1887. S. 24): „Когда я“, пишетъ Ф. Тюркъ, „прошлымъ лѣтомъ стоялъ передъ наслѣднымъ принцемъ Веймарскимъ въ его великолѣпномъ замкѣ (стоящемъ 2 милліона талеровъ), ревность къ твоему доброму дѣлу и отраженіе небесныхъ добродѣтелей въ послѣднемъ воспламенили меня говорить съ жаромъ передъ многочисленнымъ дворомъ для тебя и для твоего дѣла. Я просилъ послать одного молодого человѣка, по моему выбору, къ тебѣ на одинъ или два года. — Настоящее положеніе (тогда былъ миръ) не позволяетъ этого — былъ отвѣтъ; теперь надо, по возможности, избѣгать всякихъ расходовъ и пр., и пр. Я спускаюсь, нѣсколько посрамленный, по лѣстницѣ внизъ — она стоила тысячи! — и думаю — для внѣшняго вида возводятся постройки, которыя стоятъ милліоны — для внутренняго!! — Гофмаршалъ провожалъ меня; мопсъ залаялъ на насъ. Всмотритесь пристальнѣе въ это маленькое животное. Не милѣйшая-ли собачка? Собственный курьеръ переносилъ ее. Она стоила великой княгинѣ 300 дукатовъ (3.500 франковъ). Fiat applicatio! То великолѣпное зданіе стоило 2 милліона и война стоила намъ столько же, а для человѣческихъ цѣлей. . . .“

главнымъ образомъ въ школахъ Саксоніи и Тюрингіи¹⁾, въ направленіи либеральномъ, а второй — въ школахъ Пруссіи, въ духѣ консервативномъ. Наконецъ, послѣдователь Песталоцци — Гербертъ выработалъ научныя основанія дѣла обученія на началахъ созданной имъ математической

1) Дистервегъ состоялъ на службѣ въ Пруссіи, но его послѣдователи, вѣроятно подъ давленіемъ консервативнаго направленія въ Пруссіи, развили свою дѣятельность лишь въ школахъ Саксоніи и Тюрингіи. Самъ Дистервегъ былъ уволенъ въ 1847 г. за свой либерализмъ отъ должности директора Берлинской семинаріи.

Еще въ 1833 г. Дистервегъ написалъ первую статью своихъ „Жизненныхъ вопросовъ цивилизаціи“, въ которой онъ говоритъ о безусловной необходимости воспитанія и образованія для низшихъ классовъ народа. „При первомъ взглядѣ на низшія сословія“, говоритъ онъ, „мы убѣждаемся въ эстетической ихъ грубости, а при ближайшемъ знакомствѣ съ ними — въ умственномъ и нравственномъ ихъ невѣжествѣ. Страсти, а не разумъ управляютъ ими. Страсти эти имъ всегда присущи, хотя и не всегда возбуждены: стоитъ только подать малѣйшій поводъ къ возбужденію ихъ и онѣ обнаружатся во всей своей грубости и губительной наготѣ. Грубая, невѣжественная толпа есть внутренній врагъ государства. Мы должны уничтожить корень зла посредствомъ воспитанія народа и преобразования его внѣшняго положенія.

Неудовлетворительное исполненіе этой важной задачи грозитъ весьма дурными послѣдствіями всему, что существуетъ: закону и правосудію, жизни и собственности. Можемъ ли мы надѣяться, что могучія волненія и движенія черни будутъ подавлены или сдержаны въ неукротимомъ волненіи своемъ одними декретами и административными мѣрами. Пройдутъ еще лѣтъ 10—15 такимъ образомъ — и мы увидимъ гибельные результаты нашего бездѣйствія. Дѣйствуйте же пока не поздно!“ Этими словами знаменитый педагогъ какъ бы предсказывалъ событія 1848 года.

Въ другомъ своемъ сочиненіи „Ueber das Verderben auf deutschen Universitäten (1836)“ Дистервегъ доказывалъ, что высшія учебныя заведенія насаждаютъ въ юношествѣ ложную ученость, непримѣнимую въ практической жизни.

Пятнадцать лѣтъ спустя, Дистервегъ снова бичуетъ недостатки своего народа: „Во франкфуртскомъ парламентѣ засѣдали отборнѣйшіе изъ народа, извѣстнѣйшіе историки. Они знали всѣ исторіи міра, но научились ли они изъ нихъ хотя чему-нибудь? Недозрѣлость нашей націи, какъ высшихъ, такъ и низшихъ сословій; сумасбродство и отсутствіе энергіи, особенно же недостатокъ въ сознаніи законности — суть необходимыя послѣдствія превратнаго и лишеннаго всякой серьезности образа воспитанія и образованія въ высшихъ училищахъ и университетахъ.“

психологіи и его собственной практической философіи, при чемъ имъ было выдвинуто и научно обосновано воспитательное значеніе обученія. Это составило крупнѣйшую эпоху въ развитіи школьнаго дѣла Германіи. Послѣ Гербарта его направленіе поддерживалось главнымъ образомъ въ Іенѣ, гдѣ профессоръ Стой основалъ въ 1843 году педагогическое общество для разработкѣ идей Гербарта, изъ котораго впоследствии возникла учительская семинарія съ образцовою народною школою. Послѣ Стоя его дѣло, послѣ нѣкотораго перерыва, было возстановлено профессоромъ Рейномъ, бывшимъ раньше довольно продолжительное время директоромъ учительской семинаріи въ Вэйссенфельдѣ. Профессоръ Рейнъ ведетъ по настоящее время теоретическіе курсы по педагогикѣ Гербарта, а также и практическія занятія въ образцовой народной школѣ, организованной имъ при педагогической семинаріи Іенскаго университета. Много способствуютъ распространенію идей Гербарта педагогическіе курсы профессора Рейна во время лѣтнихъ вакацій, на которые обыкновенно пріѣзжаютъ до 200 народныхъ учителей и другихъ педагоговъ со всѣхъ концовъ свѣта. При одномъ изъ англійскихъ университетовъ — въ Манчестерѣ, профессоромъ Файндлэемъ (Findlay) организовано особое педагогическое отдѣленіе, по образцу педагогической семинаріи профессора Рейна, называемое (неофициально) „Іенскимъ отдѣленіемъ“¹⁾. Въ Оксфордѣ имѣется также образцовая школа при женской учительской семи-

1) Передаю это со словъ проф. Рейна. Подробныхъ свѣдѣній объ этомъ отдѣленіи я еще не имѣю, но надѣюсь вскорѣ ближе познакомиться съ практикою системы Гербарта на англійской почвѣ. Для практикантовъ профессора Файндлэя при его педагогической семинаріи имѣется дѣтскій садъ и девятиклассное народное училище. Проф. Файндлей сообщилъ мнѣ, что онъ пользуется педагогикой Гербарта въ связи съ идеями американскаго педагога, профессора Джона Дьюи (John Dewey), ставящаго въ центръ обученія-воспитанія ручной трудъ, около котораго концентрируется преподаваніе другихъ предметовъ: все культурное развитіе народа ставится въ связь съ

наріи — для практики системы Гербарта, этою школою завѣдуетъ миссъ Доддъ. Особенно характерную черту теоретическихъ курсовъ и практики профессора Рейна составляетъ демократическое направленіе его обработки системы Гербарта, а образцовая народная школа при его педагогической семинаріи, вслѣдствіе исключенія изъ преподаванія Закона Божія его догматической части, приближается къ типу школы, безразличной къ вѣроисповѣданіямъ (Konfessionslose), и были случаи, что католики также опредѣляли въ нее своихъ дѣтей. Главнымъ предметомъ въ этой школѣ, служащимъ для концентраціи по системѣ Гербарта (знаній, сообщаемыхъ ученику различными предметами преподаванія, является р о д и н о в ѣ д ѣ н і е (Heimatskunde¹), тогда

развитіемъ его ручного труда и вообще промышленности. Ручной трудъ высоко цѣнится также послѣдователями Гербарта: у проф. Рейна въ его образцовой школѣ имѣются особыя помѣщенія для ручного труда воспитанниковъ, и отводится достаточно учебнаго времени на эти занятія; въ Лейпцигѣ ученикъ Стойя — директоръ Пабстъ (См. его статью: „Die Knabenhandarbeit in der heutigen Erziehung. Leipzig. 1907) завѣдуетъ двумя школами ручного труда (Handfertigkeitsschulen), предназначенными главнымъ образомъ для подготовленія учителей народныхъ школъ къ преподаванію ручного труда; основатель эти школы ученикъ Циллера — директоръ Гётце. Въ директорской комнатѣ одной изъ этихъ школъ, на стѣнѣ, начертаны слова Гербарта: „Рука имѣетъ свое почетное мѣсто на ряду съ языкомъ для того, чтобы превознести человѣка надъ животнымъ состояніемъ.“ Надъ выходными дверями — другое изреченіе: „Развивай глазъ, упражняй руку, твердой станетъ воля и острымъ будетъ умъ“ —

Bilde das Auge, übe die Hand,

Fest wird der Wille, scharf der Verstand.

1) Въ Германіи во всѣхъ школахъ передъ Пасхою происходятъ выпускные и переходные экзамены. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ позволяю себѣ сдѣлать здѣсь описаніе экзамена по родиновѣдѣнію въ VII-мъ классѣ десятиклассной народной школы (предназначенной для дѣтей болѣе состоятельныхъ) въ деревнѣ Лейтчъ, предмѣстьѣ Лейпцига. Счетъ классовъ идетъ въ обратномъ порядкѣ — съ X-го по I-й, такъ что въ VII-мъ классѣ находятся дѣти съ 9-ти до 10-ти лѣтняго возраста. Учениковъ въ этомъ классѣ 23 — вмѣстѣ дѣвочки и мальчики. Экзаменъ происходитъ въ актовомъ залѣ въ присутствіи ректора училища и всего учительскаго персонала (въ Лейтчѣ всего 36 учителей); кромѣ того, допускается публика — главнымъ образомъ родственники учениковъ.

какъ обыкновенно по Гербарту для этой цѣли служатъ предметы Закона Божія, что особенно ясно видно изъ новыхъ

Ученики размѣщаются на скамейкахъ въ такомъ же положеніи, какъ въ ихъ классной комнатѣ. Учитель стоитъ на довольно высокой каедрѣ передъ классомъ. Экзаменъ начинается пѣніемъ хоромъ — всѣмъ классомъ одной изъ утреннихъ молитвъ (Morgenlied). Затѣмъ, учитель переходитъ къ экзамену, состоящему въ его бесѣдѣ со всѣмъ классомъ на тему: почему Саксонію можно назвать Богомъ благословенной страной? Бѣглыми вопросами учитель спрашиваетъ всѣхъ учениковъ по нѣсколько разъ. Отвѣты на эту тему были таковы: потому можно назвать Саксонію Богомъ благословенной страной, что въ ней, во-первыхъ, много плодородныхъ равнинъ (кромѣ Лейпцигской равнины, еще равнина по рѣкѣ Эльбѣ, называемая въ одной изъ своихъ частей, отъ Дрездена до Мейссена, Саксонскимъ раемъ), на которыхъ произрастаютъ хлѣбные злаки — пшеница, рожь, ячмень, овесъ, а также овощи — картофель, морковь, сельдерей, брюква и т. д.; во-вторыхъ, въ Саксоніи много лѣсныхъ мѣстностей (мѣстность Рудныхъ горъ, Фогтланда, Саксонской Швейцаріи и др.); въ-третьихъ, въ Саксоніи имѣются залежи различныхъ каменныхъ породъ — песчаника, графита и др.; въ-четвертыхъ, залежи угольныхъ породъ — бураго угля, каменнаго угля; въ-пятыхъ, залежи различныхъ рудъ — желѣзной, мѣдной, цинковой и др. (Рудныя горы и особенно окрестности городовъ Цвикау, Гримичау, Вердау и др.); наконецъ, минеральныя воды и мѣстности съ естественными красотами (Natuschönheiten), служащія курортами (Вармбадъ у Волькенштэйна, курортъ Эльстеръ, Саксонская Швейцарія и др.). Каждый изъ продуктовъ добыванія въ этой „Богомъ благословенной странѣ“ подлежалъ также детальному обсужденію въ экзаменной бесѣдѣ учителя съ классомъ. Обыкновенныя классныя занятія имѣютъ совершенно такой же характеръ, только учитель среди бѣглыхъ вопросовъ о предметахъ, извѣстныхъ ученикамъ, исподволь сообщаетъ имъ новыя свѣдѣнія, которыя сейчас же новыми вопросами онъ перерабатываетъ съ классомъ въ связи со старыми знаніями учениковъ, при чемъ всѣ новые предметы показываются или въ натурѣ, или на рисункахъ, а резюме наиболѣе главныхъ разсужденій повторяются членораздѣльно хоромъ — всѣмъ классомъ, для лучшаго закрѣпленія въ памяти учениковъ. Въ заключеніе экзамена, ученики продекламировали по очереди отдѣльныя строфы стихотворенія „Сосѣдъ Гельмъ и его липа“, патріотическаго содержанія, и стихотворенія „Нѣмецкій совѣтъ“, въ которомъ „нѣмецкому дитяти“ преподается совѣтъ быть всегда „мужественнымъ, вѣрнымъ и правдивымъ“ (Du deutsches Kind, sei tapfer, treu und wahr!), затѣмъ ученики пропѣли хоромъ: „Вотъ цвѣтетъ прекрасный цвѣточекъ на нашемъ зеленомъ лугу . . .“ (Es blüht ein schönes Blümchen auf unserer grünen Aue), и наконецъ, экзаменъ закончился благодарственною молитвою, тоже пропѣтою всѣмъ классомъ.

плановъ берлинскихъ школъ¹⁾. Въ этомъ отношеніи профессоръ Р е й н ъ отдаетъ, конечно, дань духу времени, тѣмъ болѣе, что Іена послѣднее время стала значительнымъ центромъ демократическихъ движеній, имѣющихъ здѣсь большую поддержку въ различныхъ учрежденіяхъ покойнаго профессора А б б е , бывшего владѣльца знаменитой фабрики Ц е й с с а для оптическихъ приборовъ, пожертвовавшего все свое громадное состояніе на разныя народныя учрежденія въ городѣ Іенѣ, изъ которыхъ главное — громадное, роскошно отдѣланное зданіе „Народнаго дома“. Часть пожертвованій профессора А б б е , именно 80,000 марокъ, идетъ на улучшеніе содержанія профессоровъ университета, но подъ условіемъ выдавать ее лишь до тѣхъ поръ, пока будетъ сохраняться въ университетѣ свобода слушанія и свобода преподаванія.

Затѣмъ, другимъ центромъ распространенія идей Гербарта служилъ Л е й п ц и г ъ , гдѣ тоже была основана педагогическая семинарія съ образцовой школой послѣдователемъ Гербарта — профессоромъ Ц и л л е р о м ъ , а нѣсколько позже здѣсь же была основана другая педагогическая семинарія, но безъ образцовой школы, вернувшимся изъ Дерпта — профессоромъ Ш т р ю м п е л е м ъ .

Наконецъ, множество педагоговъ-практиковъ распространили педагогическія идеи Г е р б а р т а не только по всей Германіи, но и въ Австріи, Венгріи, Чехіи и Богеміи. Изъ этихъ педагоговъ - практиковъ особенно выдающимся былъ Д ё р п ф е л ь д ъ .

Не только своею практическою дѣятельностью въ школахъ, но также при помощи многочисленныхъ научно-педагогическихъ ферейновъ, носящихъ обыкновенно имя Г е р б а р т а , приверженцы Г е р б а р т а распространяютъ его идеи. Наконецъ, для этой же цѣли не малую услугу оказываютъ и спеціально-гербартовскіе журналы: „Zeitschrift für Philosophie und Pädagogik“, издающійся въ городѣ Лангезальцѣ подъ ре-

1) Grundlehrplan der Berliner Gemeindeschulen. Dritte Auflage. (См. въ § 3 — „Das Lehrverfahren“). Breslau. 1903.

дакціей Флюгеля, Юста и Рейна; „Pädagogische Studien“ — журналъ, основанный Рейномъ и издаваемый Шиллингомъ; „Jahrbuch des Vereins für wissenschaftliche Pädagogik“; „Praxis der Erziehungsschule“, издаваемый Юстомъ; „Deutsche Blätter für erziehenden Unterricht“, издаваемый Манномъ и „Evangelisches Schulblatt“, основанный Дёрпфельдомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ главной темѣ моей настоящей статьи, я позволю себѣ здѣсь кстати упомянуть еще объ одномъ выдающемся нѣмецкомъ дѣятелѣ въ дѣлѣ народнаго образованія, на которомъ осуществились слова знаменитаго нѣмецкаго пѣвца свободы — Шиллера: „Было бы необходимо великому уму въ то же время стать ребенкомъ, чтобы реформировать дѣтскія игры“. Это былъ Фридрихъ Фрѣбель, которому принадлежитъ идея „Дѣтскаго Сада“, служащаго для дѣтей до-школьнаго возраста — съ 3-хъ до 6-ти лѣтъ.

Фрѣбель положилъ въ основу дѣтскихъ игръ и занятій, во-первыхъ, идеи нагляднаго обученія въ духѣ Песталоцци для отчетливаго усвоенія слова, формы, числа и краски, соотвѣтствующихъ данному предмету; во-вторыхъ, къ знанію словъ, формъ, чиселъ и красокъ, соотвѣтствующихъ даннымъ предметамъ, Фрѣбель, опять слѣдуя Песталоцци, присоединилъ умѣніе прилагать эти знанія съ цѣлью получать новыя комбинаціи предметовъ, имѣющія въ общемъ какое-нибудь практическое значеніе въ обыденной жизни или представляющія гармоническое сочетаніе формъ и красокъ; въ-третьихъ, что и есть самое оригинальное у Фрѣбеля, онъ, съ цѣлью использовать замѣчательную особенность дѣтей въ младшихъ возрастахъ — потребность ихъ въ движеніи и дѣятельности, ввелъ подвижныя игры и занятія, ритмъ которыхъ соотвѣтствуетъ тѣмъ или другимъ формамъ дѣйствительной жизни и которыя, такимъ образомъ, исподволь готовятъ ребенка къ дѣятельности, обычаямъ, от-

ношеніямъ, такту того общества и того народа, куда онъ современемъ вступитъ, какъ самостоятельный дѣятель.

Первый дѣтскій садъ былъ основанъ Фрѣбелемъ въ 1840 г. въ городѣ Бланкенбургѣ (въ Тюрингіи), недалеко отъ деревни Обервейсбахъ, гдѣ родился Фрѣбель. Въ 1851 г. послѣдовало со стороны прусскаго правительства (въ министерство Ф. Раумера) запрещеніе Фрѣбелевскихъ дѣтскихъ садовъ въ провинціяхъ Пруссіи, мотивированное тѣмъ, что они способствуютъ развитію атеизма и коммунизма. Впрочемъ, слѣдующій 1852 г. принесъ Фрѣбелю вполне заслуженный триумфъ на общемъ съѣздѣ нѣмецкихъ учителей въ городѣ Готѣ, привѣтствовавшемъ Фрѣбеля, какъ своего гостя, съ большимъ энтузіазмомъ. Въ этомъ же 1852 году, 17-го іюля, борецъ за улучшеніе человѣчества путемъ воспитанія молодого поколѣнія испустилъ свой духъ со словами: „Я христіанинъ“. На его могилѣ въ деревнѣ Швайна былъ водруженъ каменный памятникъ, который представляетъ кубъ, цилиндръ и шаръ — геометрическія формы, составляющія содержанія главныхъ игръ Фрѣбеля (Fröbelsche Spielgaben).

Дистервегъ былъ однимъ изъ первыхъ педагоговъ, подивившихъ авторитетъ Фрѣбеля въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. Онъ лично познакомился съ послѣднимъ въ Либенштейнѣ и наблюдалъ занятія Фрѣбеля съ дѣтьми. „Нужно было видѣть восторгъ старика“, рассказываетъ Дистервегъ, „чтобы убѣдиться, какою глубокою любовью къ дѣтямъ и къ человѣчеству былъ онъ проникнутъ. Нужно было видѣть всю обстановку, чтобы понять, какъ счастлива была эта многочисленная семья. Описать подобную картину счастья не возможно; да при томъ же она и не для тѣхъ, кто почиталъ Фрѣбеля глупцомъ или выжившимъ изъ ума старикомъ. Да, онъ былъ глупецъ, если хотите, но одинъ изъ тѣхъ глупцовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Сократъ. Если хотите онъ былъ сумасшедшій, потому что помѣшался на мысли содѣйствовать счастьемъ людей, осчастливить человѣчество, а

такая сумасбродная мысль никому не проходит даромъ. Въдъ за эту же мысль пострадалъ и Тотъ, чье Имя мы всѣ носимъ“.

И послѣ смерти Фрѣбеля его дѣло не находитъ должной поддержки со стороны правительствъ нѣмецкихъ государствъ и составляетъ въ нихъ пока принадлежность предпріятія частнаго коммерческаго характера. Но зато это дѣло нашло сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ Англіи и Америки, гдѣ Фрѣбелевскіе дѣтскіе сады устраиваются при народныхъ школахъ въ видѣ пригготовительныхъ классовъ ¹⁾.

1) Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ Фрѣбелевскомъ на правленіи въ Германіи является предсѣдательница Лейпцигскаго Фрѣбелевскаго фѣрэйна г-жа д-ръ Гольдшмидтъ, организовавшая въ Лейпцигѣ не только учительскую семинарію для подготовленія учительницъ для дѣтскихъ садовъ, но также и высшую Фрѣбелевскую школу „Lycæum für Damen“. По ея словамъ въ Германіи такъ мало женщинъ, серьезно занимающихся дѣломъ Фрѣбеля, что она принуждена, не смотря на свой 80-тилѣтній возрастъ, лично продолжать вести курсы своихъ лекцій, потому что нѣтъ преемницы, которая достаточно понимала бы духъ фрѣбелевскихъ методовъ. Г-жа Гольдшмидтъ состоитъ также свыше 25 лѣтъ предсѣдательницей мѣстнаго „общества равноправности женщинъ“, и въ этомъ направленіи она постоянно — въ частныхъ бесѣдахъ, на засѣданіяхъ обществъ, на своихъ публичныхъ лекціяхъ, доказываетъ, что только Фрѣбелевское рѣшеніе женскаго вопроса, предоставляющее женщинѣ воспитаніе дѣтей до школьнаго возраста съ серьезнымъ изученіемъ всѣхъ относящихся сюда предметовъ, является безспорно правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса. Дополненіемъ къ этому рѣшенію служитъ еще высшая педагогическая дѣятельность женщины по приготовленію учительницъ для Фрѣбелевскаго дѣла, которая требуетъ весьма солидныхъ знаній по избранной специальности изъ цикла предметовъ: математика, естествознаніе, антропология, гигиена, психология и педагогика, исторія культуры и искусства; наконецъ, рисованіе, моделированіе, пѣніе и гимнастика. Болѣе подробныя свѣдѣнія о взглядахъ почтенной труженицы на проприщѣ начальнаго воспитанія дѣтей можно найти въ ея шести рѣчахъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: „Ideen über weibliche Erziehung im Zusammenhange mit dem System Friedrich Fröbel's“. Leipzig (C. Reissner). 1882.

Въ Лейпцигѣ имѣется еще школа для подготовленія учительницъ дѣтскихъ садовъ „Städtische Schule für Frauenberufe“, завѣдуемая ректоромъ Яномъ, послѣдователемъ педагогики Штрюмпеля.

Лица, способствующія распространенію Фрѣбелевскаго дѣла въ Германіи, образуютъ „Der deutsche Fröbel-Verband“, имѣющій отдѣленія во многихъ городахъ Германіи и издающій журналъ: „Kindergarten“ (Berlin).

Послѣ этихъ краткихъ указаній на характеръ безсмертныхъ идей Фрѣбеля, въ основаніи которыхъ лежитъ глубокое пониманіе реформаторомъ дѣтскихъ игръ понятій и принциповъ математики, я перейду къ главной темѣ моей настоящей статьи и покажу, что понятія и принципы математическихъ знаній лежатъ также въ основѣ педагогической системы Гербарта, имѣющей столь громадное значеніе для практики воспитательнаго обученія дѣтей школьнаго возраста, а въ другой статьѣ я постараюсь обнаружить это же обстоятельство и въ педагогическихъ изысканіяхъ Штрюмпеля, въ особенности же въ его педагогической патологіи.

ГЛАВА I.

Гербертъ и его научно-педагогическая дѣятельность.

Одиссеѣ обязанъ я однимъ изъ пріятнѣйшихъ переживаній въ моей жизни, а также наибольшую часть моей любви къ воспитанію.

Гербертъ.

Іоаннъ Фридрихъ Гербертъ родился 4-го мая 1776 г. въ городѣ Ольденбургѣ, гдѣ его дѣдъ былъ въ теченіи 34 л. ректоромъ гимназіи, а отецъ юстиць-совѣтникомъ герцога Ольденбургскаго. Мать Герберта, имѣвшая громадное вліяніе на воспитаніе послѣдняго, была женщиной весьма умной, но нѣсколько эксцентричной: съ пылкой фантазіей она соединяла въ себѣ быстрый умъ, рѣшительность и довольно сильную волю.

Своего единственнаго сына, имѣвшаго слабое здоровье, она приучила съ малыхъ лѣтъ къ легкой одеждѣ, твердой постели и холоднымъ ваннамъ, дабы предохранить его отъ изнѣженности.

Вслѣдствіе слабаго здоровья Герберта, ему было дано сначала домашнее обученіе подъ руководствомъ Уэльцена. Послѣдній былъ приверженцемъ философіи Вольфа и имѣлъ большую склонность къ философскимъ бесѣдамъ, что, конечно, повліяло на характеръ обученія Герберта.

За всѣми занятіями Гербарта неустанно слѣдила его мать; она продолжала живо интересоваться занятіями сына и впоследствии, когда Гербартъ учился въ гимназіи и даже въ университетѣ.

Въ 1788 г. Гербартъ поступилъ въ такъ-называемую латинскую школу, т. е. гимназію въ городѣ Ольденбургѣ, гдѣ съ особенною любовью занялся физикой и философіей. Имѣя 14 лѣтъ отъ роду, онъ написалъ сочиненіе, въ которомъ высказалъ основную мысль всѣхъ своихъ послѣдующихъ философскихъ и педагогическихъ изысканій: „Свободою называется неограниченность воли. Ученіе о человѣческой свободѣ опредѣляетъ степень, въ какой человѣческая свобода ограничена или неограничена. Нѣкоторые философы считаютъ ее вполне ограниченной и зависимою во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Я знаю доводы за и противъ человѣческой свободы“. Кроме того, Гербартъ проявлялъ замѣчательныя музыкальныя способности; онъ еще до поступленія въ гимназію научился игрѣ на скрипкѣ, віолончели, арфѣ и роялѣ, въ гимназіи же занимался даже композиціей небольшихъ музыкальныхъ пьесъ.

Въ 1794 г. Гербартъ окончилъ гимназію и, слѣдуя желанію отца, поступилъ въ Іенскій университетъ для изученія юридическихъ наукъ, къ которымъ онъ лично чувствовалъ непреодолимое отвращеніе.

Въ университетѣ Гербартъ вскорѣ же бросилъ занятія юридическими науками и увлекся философіей. Последняя была представлена въ Іенѣ очень хорошими профессорами: сначала — горячимъ поклонникомъ Канта — Рейнгольд о м ѣ, лекціи котораго возбуждали всеобщій энтузіазмъ, даже въ неуниверситетскихъ кругахъ, а послѣ Рейнгольда — знаменитымъ философомъ Ф и х т е.

Еще до прибытія Фихте въ Іену, 12 студентовъ, преимущественно уроженцевъ Сѣверной Германіи и нашихъ прибалтійскихъ губерній, образовали „Литературное Общество“, или, какъ его обыкновенно называли въ городѣ — „Общество свободныхъ мужей“, потому что въ его члены не допускались

корпоранты, какъ лица, своею принадлежностью къ корпораціи ограниченные въ свободѣ. Это общество наняло небольшой садъ и въ немъ устраивало по средамъ свои засѣданія для докладовъ и совмѣстныхъ бесѣдъ членовъ. Гербартъ былъ принятъ въ это общество и здѣсь имѣлъ возможность ближе сойтись съ Фихте, который по прїѣздѣ въ Іену сталъ часто посѣщать засѣданія общества. Но первое увлеченіе философіей Фихте скоро прошло у Гербарта, и онъ выступилъ съ критикой трансцендентальнаго идеализма въ своихъ двухъ статьяхъ о сочиненіи Шеллинга: „Ueber die Möglichkeit einer Form der Philosophie überhaupt“ и „Ueber Schellings Schrift: Vom Ich oder dem unbedingten im menschlichen Wissen“. Гербартъ энергично доказывалъ, что трансцендентальный идеализмъ не можетъ объяснить всѣхъ явленій внутренняго и внѣшняго міра человѣка. Большого напряженія мысли потребовала эта критика философскаго направленія, созданнаго такими умами какъ Кантъ, Шеллингъ и Фихте, охватившаго всю тогдашнюю интеллигенцію Германіи. Это направленіе проникло и въ Россію, главнымъ образомъ, благодаря нѣмецкимъ профессорамъ, призваннымъ на кафедры въ русскіе университеты. Какъ ни трудился Гербартъ надъ рѣшеніемъ философскихъ вопросовъ, затронутыхъ философами-идеалистами, но еще цѣлая пропасть отдѣляла его отъ рѣшенія основныхъ проблемъ дѣйствительной жизни: какъ примирить антиноміи свободы и закономерности, цѣлесообразности и причинности, индивидуальности и универсальности. Подъ бременемъ непосильнаго труда разрѣшить эти великіе вопросы Гербартъ пришелъ въ такое отчаяніе, что едва не кончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

Въ одно чудное лѣтнее утро (1796 г.), Гербартъ возшелъ уже на высокій скалистый берегъ рѣки *Зале* (поднимающійся къ *Венигенъ-Іена* и дальше къ *Софіенъ-Гёге*¹⁾),

1) На *Софіенъ-Гёге* въ настоящее время расположено образцовоустроенное воспитательное заведеніе, котораго директоръ (г-нъ *Трюперъ*) и помощникъ директора (г-нъ *Ландманъ*) оба горя-

чтобы сразу покончить съ мучившими его сомнѣніями. „Zwei Schritte“, думалъ онъ¹⁾, „nur zwei Schritte bis hinunter. Der Fluss ist trübe wie mein Sinn, der heitre Sonnenstrahl ist nicht mein Element. Wozu in meiner Brust der reinen Menschheit Bild? In nächtliches Dunkel gehüllt steht es da, unbewundert, kaum geahndet, kann nicht der inneren Wahrheit Sonne die Nacht durchbrechen und mit hellem Strahle beleuchten, so zerschelle es an diesem Felsen, so wirble der Fluss die Trümmer mit sich fort, so führe er die grübelnden Fragen, die beklemmenden Zweifel mit ins weite Meer der Vergessenheit und des ewigen Schlafs“. Въ послѣдній мигъ, однако, природа, которую

чье поборники педагогическихъ идей Гербарта. Когда я въ бесѣдѣ съ г-номъ Трюперомъ въ шутку замѣтилъ ему, что скоро придется педагогамъ оставить систему Гербарта и перейти къ экспериментальной педагогикѣ, то онъ чуть не со слезами на глазахъ воскликнулъ: „Отнять у насъ, педагоговъ, Гербарта, все равно что отнять у человѣка хлѣбъ!“

Всѣхъ воспитанниковъ въ этомъ учебно-воспитательномъ учрежденіи около 45 и между ними два русскихъ: одинъ — сынъ весьма виднаго дѣятеля нашей первой Государственной Думы г-на М., другой — сынъ рижскаго купца. Воспитаніе и обученіе ведется по строгимъ даннымъ научной педагогики и педагогической патологіи въ отношеніи каждаго воспитанника въ отдѣльности. По классамъ распредѣляются воспитанники не по возрасту, а по своимъ индивидуальнымъ способностямъ. Много времени удѣляется на занятія ручнымъ трудомъ, въ особенности въ саду, въ огородѣ, а въ зимнее время въ тепличныхъ домахъ и оранжереяхъ. Кромѣ обычной гимнастики воспитанники по мѣрѣ надобности пользуются также и лечебной гимнастикой, для которой имѣется особый залъ. Когда я вошелъ въ послѣдній залъ, я былъ пораженъ и почти испуганъ, увидѣвъ двухъ малчиковъ подвѣшенныхъ за голову къ потолку; потомъ мнѣ объяснили, что это дѣлается для выпрямленія позвоночнаго столба въ случаяхъ его искривленія. Наконецъ, въ учрежденіи имѣется довольно обширная ванная комната съ громаднѣйшимъ бассейномъ для плаванія, сдѣланнаго изъ изразцовъ снѣжнобѣлаго цвѣта. Въ общемъ, чистота, опрятность и замѣчательный комфортъ пріятно поражаютъ глазъ наблюдателя, а ко всему этому живописная гористая мѣстность, видъ на рѣку Заале и городъ, Гену — не оставляютъ, кажется, желать ничего лучшаго для полнаго, благодѣтельнаго воздѣйствія на интеллектуальныя, эстетическія и этическія качества воспытываемыхъ дѣтей.

1) Эти слова найдены набросанными на листѣ бумаги среди другихъ бумагъ, найденныхъ послѣ смерти Гербарта.

онъ всегда любилъ, представилась ему столь прекрасной, что удержала его, и онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь, какихъ бы это мученій ему не стоило, все тѣмъ же философскимъ вопросамъ, все тому же исканію истины.

Весною 1797 г. Гербартъ внезапно бросаетъ свои университетскія занятія и посвящаетъ себя практической педагогической дѣятельности. Такой рѣзкій переломъ въ жизни Гербарта, по моему мнѣнію, естественнѣе всего объяснить тѣмъ, что онъ, понявъ невозможность правильно разрѣшить означенныя выше проблемы дѣйствительной жизни путемъ отвлеченнаго мышленія, рѣшилъ прислушаться къ ритму дѣйствительной жизни на практикѣ — въ дѣлѣ обученія-воспитанія. Этотъ его шагъ оказался дѣйствительно вполне вѣрнымъ: отъ частныхъ педагогическихъ вопросовъ онъ вскорѣ перешелъ къ правильной постановкѣ вопросовъ психологіи и практической философіи, а затѣмъ и къ построенію своей метафизики и научно-философской системы реаловъ.

Свою педагогическую дѣятельность Гербартъ началъ въ Швейцаріи въ семьѣ г. Штейгера, ландфогта Интерлакена, гдѣ ему было поручено обученіе и воспитаніе трехъ сыновей ландфогта: 8-ми, 10-ти и 14-ти лѣтъ.

Гербартъ съ самаго начала опредѣлилъ планъ своихъ занятій, который въ общихъ чертахъ уже представлялъ его будущую знаменитую систему педагогики. Добродѣтель и нравственность по этому плану должны служить цѣлью обученія-воспитанія. Равномѣрное и всестороннее развитіе естественныхъ задатковъ и силъ воспитанника должны лежать въ основѣ системы обученія-воспитанія при достиженіи означенной его цѣли. Вслѣдствіе всего этого, обученіе надо начинать, познакомившись сначала съ индивидуальными способностями воспитанника; затѣмъ, новыя свѣдѣнія должны сообщаться сообразно индивидуальности воспитанника и примыкать къ его прежнимъ занятіямъ; для поддержанія связи новаго матеріала съ прежде усвоеннымъ необходимо усердное повтореніе, а для того, чтобы

повтореніе не утомило воспитанника и не лишило его интереса, необходимо каждый разъ повторять старое съ новой точки зрѣнія или вносить какой-нибудь новый элементъ.

Учебный планъ Гербарта обнималъ языки греческій и латинскій, математику, химію, географію, музыку, позднѣе французскій языкъ и рисованіе.

Обученіе должно начинаться, по мнѣнію Гербарта, съ греческаго языка и именно съ Одиссеи, которую онъ далъ прежде всего своимъ двумъ младшимъ ученикамъ. Со старшимъ сыномъ Штейгера Гербарту пришлось нѣсколько измѣнить свою общую систему, такъ какъ этотъ сынъ ландфогта готовился уже къ практической дѣятельности, и общеобразовательные предметы ему возможно было преподать лишь въ сокращенномъ видѣ.

Греческій языкъ Гербартъ считалъ самымъ существеннымъ предметомъ для обученія каждаго человѣка, кто только имѣетъ время и возможность получить полное образованіе. Обученіе греческому языку должно начинаться, какъ уже выше было сказано, съ Одиссеи, уже съ 8-ми лѣтняго возраста. Сначала ученикъ долженъ самостоятельно подмѣчать грамматическую закономерность формъ, и лишь позже слѣдуетъ сообщить ему грамматическія правила. Именно Одиссея даетъ воспитаннику интересные рассказы изъ эпохи младенчества греческой культуры — рассказы, богатые происшествіями, отношеніями живыхъ лицъ и характерами. Здѣсь, въ герояхъ древней Греціи мальчикъ находитъ удовлетвореніе своихъ фантазій о мужскомъ величіи, онъ находитъ идеалы мужества и храбрости, что его такъ занимаетъ и чего онъ не можетъ найти въ средѣ окружающей. Въ этой естественной сказкѣ воспитанникъ въ занимательной формѣ прислушивается къ ритму элементарной дѣйствительной жизни, научается самостоятельно отличать добро отъ зла, питать симпатіи къ хорошимъ поступкамъ и отвращеніе къ дурнымъ. Такимъ образомъ дитя получаетъ возможность непрерывно упражнять и закрѣплять въ себѣ начатки житейской мудрости.

Послѣ Гомера, Гербартъ совѣтуетъ изучать Геродота, Ксенофонта, Платона, Плутарха, Новый Заветъ и только тогда перейти къ „политиканствующимъ и искусственно краснорѣчивымъ римлянамъ“: Ливію, Цицерону и Тациту. Такой ходъ обученія, съ надлежащими поясненіями, имѣлъ цѣлью ввести дѣтей въ общеніе съ дѣйствующими личностями и развить у нихъ сочувствіе къ послѣднимъ (*Umgang und Teilnahme, Mitgefühl*), дабы современныя, гораздо болѣе сложныя общественныя отношенія могли бы произвести на нихъ въ послѣдствіи болѣе разнообразное дѣйствіе и глубже затронуть ихъ чувства.

Такимъ образомъ древніе языки въ рукахъ Гербарта являлись могучимъ орудіемъ воспитанія.

Старшій сынъ ландфогта былъ лишенъ обученія древнимъ языкамъ, а приступилъ къ изученію французскаго языка для закругленія своего образованія. Гербартъ уже потому считалъ неподходящимъ для него изученіе Гомера, что послѣдняго, по мнѣнію Гербарта, могутъ читать „дѣти и мужи, но не изнѣженные подростки“, каковымъ былъ старшій сынъ ландфогта.

Преподаваніе исторіи примыкало къ древнимъ языкамъ и вносило еще больше разнообразія въ общеніе дѣтей съ различными историческими личностями. Все это должно было давать воспитанникамъ матеріалъ для самодѣятельнаго вывода нравственныхъ правилъ, для укрѣпленія характера и подготовить ихъ къ систематическимъ бесѣдамъ о морали и религіи, которыя должны только пояснять и закрѣплять выводы собственнаго наблюденія. „И дѣйствительно“, — говоритъ Гербартъ, — „дабы найти путь образованія характера, что лучшее можемъ мы сдѣлать, какъ не прослѣдить самостоятельно за нравственнымъ развитіемъ всего человѣческаго рода? Войти съ греческою исторіей въ рукахъ въ школу Сократа, помедлить здѣсь нѣкоторое время среди лицъ, которыхъ мы уже знаемъ и любимъ, нравы и характеры которыхъ сложились на нашихъ глазахъ при чтеніи исторіи, а затѣмъ со смиреннымъ сердцемъ и благоговѣйнымъ духомъ вступить въ среду

учениковъ Христа, и послѣ того, какъ нашими глазами и сердцемъ мы прослѣдимъ за Нимъ до неба, обозрѣть возвышеннымъ духомъ дальнѣйшій ходъ всемірной исторіи, узнать слѣды Промысла въ медленномъ, твердомъ, часто мнимо кажущемся регрессомъ, стремленіи всего къ лучшему, и при современныхъ событіяхъ бросить взглядъ на прошлое, сохранить присутствіе духа и предохранить наше сердце отъ разнообразныхъ вредныхъ вліяній нашего времени“.

Математика и естественныя науки, также какъ и языки, служили у Гербарта для цѣлей воспитанія. Преподаваніе математики должно было стоять въ тѣсной связи съ опытнымъ изученіемъ наукъ естественныхъ и сообщать послѣдному основы систематизаціи и высшій интересъ. Точностью своихъ понятій и строгостью выводовъ математика обусловливала опредѣленность сужденій воспитанниковъ, пріучала ихъ ко вниманію, сосредоточенности и сообщала имъ твердость характера.

Географія преподавалась въ небольшомъ объемѣ: сообщались, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о ближайшихъ окрестностяхъ, о родинѣ, и лишь весьма немногое сообщалось по предмету сравнительной географіи.

Работы по нѣмецкому языку состояли въ изложеніи такого матеріала, который былъ вполне извѣстенъ ученикамъ изъ предметнаго обученія.

Наконецъ, завершеніемъ всего обученія служили бесѣды по систематическому ученію о нравственности, дополняемой религіей. Гербартъ являлся въ отношеніи религіознаго обученія, съ одной стороны, — въ явной оппозиціи съ ортодоксальностью, съ другой — онъ не принадлежалъ къ противникамъ религіознаго обученія. Онъ стремился къ ясности и понятливости, дабы возбудить интересъ у воспитанниковъ, и избѣгалъ принудительнаго заучиванія отдѣльныхъ предложеній, изреченій, такъ какъ они дѣлаютъ воспитанниковъ „слѣпыми, можетъ быть неизлѣчимо слѣпыми“. Онъ не хотѣлъ учить словамъ безъ понятій и чувствъ, онъ не хотѣлъ низвести религію и мораль на должность „казенной стражи“. Обученіе

должно прежде всего образовать у воспитанника его собственныя нравственныя правила, которыя предупредили бы возможное образование и развитіе дурныхъ наклонностей, „такъ какъ естественныя наклонности человѣка сами по себѣ не суть нравственны; не напрасно, не безъ глубокаго значенія говоритъ наша религія о первородномъ грѣхѣ, и именно нравственность своимъ могущественнымъ импульсомъ перемѣщаетъ человѣка изъ его начальной природы въ міръ духовъ“.

Въ концѣ 1799 г. Гербарту пришлось разстаться со своими учениками. Покидая Швейцарію, Гербартъ заѣхалъ въ Бургдорфъ къ великому мастеру школьнаго дѣла Песталоцци, дабы лично ознакомиться съ практикою обученія знаменитаго швейцарца. Песталоцци произвелъ на него сильнѣйшее впечатлѣніе.

Дюжина дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтняго возраста были собраны въ необычное для занятій вечернее время. Гербартъ боялся, что они будутъ не въ духѣ, и экспериментъ, для наблюденія котораго онъ пришелъ въ школу, окажется неудачнымъ. Но дѣти явились безъ малѣйшаго признака нежеланія; живая дѣятельность продолжалась равномерно до конца. Гербартъ слышалъ „шумъ совмѣстныхъ голосовъ всей школы; нѣтъ, не шумъ, это было созвучіе словъ, также въ высшей степени пріятное, какъ мѣрное пѣніе хора, и также могущественное, какъ хоръ, столь охватывающее и столь приковывающее къ разучиваемому матеріалу“, что Гербарту стоило большихъ усилій, чтобы изъ наблюдателя не превратиться самому въ ученика. Онъ ходилъ позади учениковъ и прислушивался, не молчитъ ли кто-нибудь или не говоритъ ли кто-нибудь небрежно; онъ не нашелъ ни одного. Выговоръ дѣтей былъ весьма пріятенъ его уху, хотя ихъ учитель имѣлъ „непонятнѣйшій во всемъ мірѣ органъ рѣчи“. Такъ какъ швейцарцы тоже не могли научить своихъ дѣтей хорошему произношенію, то Гербартъ слѣдующимъ образомъ объяснилъ наблюденный имъ фактъ: „Совмѣстное произнесеніе словъ въ тактъ само собою приноситъ чистое произношеніе; ни одинъ

слогъ не можетъ быть проглочень, каждая буква имѣетъ свое время; и такимъ образомъ дитя, произнося слова постоянно громко — естественною силою голоса, само формируетъ свой выговоръ“. О разсѣянности дѣтей при такомъ обученіи не могло быть и рѣчи, такъ какъ всѣ дѣти охвачены общимъ теченіемъ совмѣстной работы. Гербартъ впослѣдствіи, при черченіи геометрическихъ фигуръ на доскѣ, вспоминалъ еще то, какъ умѣло вычерчивали ученики Песталоцци фигуры: „я всякій разъ ругаю свою руку, что она не можетъ такъ твердо проводить прямыя линіи, правильные перпендикуляры, исполнѣ круглыя окружности, какъ это дѣлали шестилѣтнія дѣти“.

При этихъ наблюденіяхъ школьной практики великаго мастера Гербартъ выяснилъ себѣ многіе вопросы, чрезвычайно важные въ смыслѣ правильной психологической постановки дѣла обученія, и укрѣпился въ своихъ собственныхъ воззрѣніяхъ. „Чувство яснаго пониманія“, говоритъ онъ, „я считалъ уже давно за единственный и естественный корень обученія. И полная, все предусматривающая плано мѣ р н о с т ь р я д о в о й п о с л ѣ д о в а т е л ь н о с т и (Regelmässigkeit der Reihenfolge) была для меня величайшимъ идеаломъ, въ чемъ я видѣлъ могущественное орудіе, гарантирующее обученію его правильное дѣйствіе. Какъ разъ правильно отгадать эту рядовую послѣдовательность, этотъ порядокъ и сочетаніе того, что должно быть выучено одновременно и что — одно послѣ другого — все это, по моему мнѣнію, было главнымъ стремленіемъ Песталоцци“.

Всѣ эти вопросы, практически рѣшенные геніемъ Песталоцци, Гербартъ сталъ стремиться рѣшить теоретически.

Онъ привелъ ихъ впослѣдствіи въ причинную зависимость съ принципами психологіи и такимъ образомъ возвелъ искусство нагляднаго обученія въ духъ Песталоцци на степень научной педагогики.

Кромѣ дѣловой стороны въ школѣ Песталоцци, на Гербарта произвела, можетъ быть, еще большее впечатлѣніе ея идейная сторона, о которой Гербартъ позже неоднократно

вспоминалъ съ восторгомъ, не смотря на свой аристократизмъ, именно — стремленіе Песталоцци дать правильное обученіе дѣтямъ людей бѣдныхъ и особенно сиротамъ. „Благо народа“, говоритъ Гербартъ¹⁾, „есть цѣль всей жизни Песталоцци — благо простого, темнаго люда“.

Изъ Швейцаріи Гербартъ переѣхалъ въ Бременъ, посѣтивъ предварительно Іену и свой родной городъ Ольденбургъ. Въ Бременъ онъ поселился у своего друга сенатора Шмидта и занялся приготовленіемъ себя къ академической дѣятельности, хотя нѣкоторое время удѣлялъ на подготовку одного молодого человѣка къ университету. Здѣсь онъ сталъ развивать въ частныхъ кружкахъ свои идеи о воспитательномъ обученіи, встрѣчавшія общее сочувствіе, и напечаталъ статью: „Die Ideen zu einem pädagogischen Lehrplan für höhere Studien“ (1801). Здѣсь же онъ написалъ двѣ статьи по поводу сочиненій Песталоцци: Ueber Pestalozzis neueste Schrift: „Wie Gertrud ihre Kinder lehrte“ и „Pestalozzis Idee ABC der Anschauung“.

Послѣднее сочиненіе содержитъ развитіе и дополненіе идей Песталоцци объ основаніяхъ нагляднаго обученія, не только для цѣлей начальной народной школы, но и для высшаго образованія. Гербартъ доказываетъ въ немъ, что способность созерцанія или нагляднаго представленія возможно развивать; онъ опредѣляетъ, далѣе, педагогическое значеніе этой способности и доказываетъ, что ея развитіе есть задача математики. Затѣмъ, онъ весьма пространно развиваетъ свои идеи о громадномъ воспитательномъ значеніи математики не только въ народныхъ школахъ, но и въ гимназіяхъ и даже въ университетахъ.

„Здѣсь (въ математикѣ)“, говоритъ Гербартъ, „нѣтъ ничего такого, что не поддается выраженію словами или о чемъ пришлось бы говорить вокругъ да около. . . . Здѣсь, такимъ

1) Эти слова, равно какъ и тексты въ предыдущемъ описаніи посѣщенія Гербартомъ школы Песталоцци, взяты изъ статьи Гербарта: Ueber Pestalozzis Schrift: „Wie Gertrud ihre Kinder lehrte“. Bartolomäi's Ausgabe. Bd. II.

образомъ, слѣдуетъ искать того, чего нельзя нигдѣ найти — именно нити для первоначальнаго обученія дѣтей, которое должно быть въ состояніи, какъ для себя такъ и для всякаго другого обученія, создать авторитетъ, по мановенію котораго разсѣянность исчезала бы, а вниманіе появлялось бы и оставалось постоянно“.

Въ этомъ же сочиненіи онъ говоритъ: „Настоящая завершительница воспитанія есть философія, а предотвращать опасности¹⁾ философіи есть обязанность математики“.

Наконецъ, что особенно оригинально въ разсматриваемомъ нами сочиненіи Гербарта, это подробное выясненіе громаднаго значенія ученія о соединеніи предметовъ въ группы (Kombinationslehre), а также значенія другихъ числовыхъ функцій, какъ треугольныхъ, квадратныхъ, пирамидальныхъ и др. чиселъ. Эти числовыя функціи и ихъ связь съ вопросами обученія-воспитанія уже давно приковали вниманіе Гербарта, что видно изъ его письма отъ 28-го октября 1798 г. Мурбеку: „Теперь ищу кругомъ всякія оружія, чтобы поднять тяжелые камни, — анализъ безконечнаго, теорію соединеній, философскую литературу, наблюденіе надъ людьми взрослыми и дѣтьми, и кто знаетъ, что еще многое“.

Въ теоріи означенныхъ числовыхъ функцій Гербартъ усматривалъ значительную силу, развивающую дѣтскую фантазію, дающую залогъ элементамъ творчества. Въ этомъ отношеніи теорія числовыхъ функцій прямо противопоставлялась

1) Опасности отвлеченнаго философствованія Гербартъ видѣлъ въ дѣйствиіи ученія Шеллинга въ „періодъ неспокойныхъ умовъ“, о чемъ болѣе подробно говорится въ статьѣ „Ueber die Unangreifbarkeit der Schellingschen Lehre (1813)“. Онъ часто повторялъ, что благодаря математикѣ ему удалось достигнуть спокойствія духа, которое нарушалось философскимъ мышленіемъ.

(Это примѣчаніе въ изданіи Бартоломея принадлежитъ Ф. Залльвюрку).

Гербартомъ математическому анализу, который обладаетъ слишкомъ монотоннымъ механизмомъ, правда дающимъ вѣрные результаты, но отнимающимъ всякую возможность охватить умомъ весь процессъ въ его цѣломъ. „Духъ, который желалъ бы самъ углубиться и погрузиться въ сущность (ислѣдованій анализа), отбрасывается въ сторону и гонится по множеству узкихъ и кривыхъ путей; такимъ образомъ теряется чистое, жизнерадостное (heitere) спекулятивное пониманіе, а когда придешь къ цѣли, что выиграешь?“¹⁾

Далѣе, въ противовѣсъ анализу Гербартъ выдвигаетъ новыя изслѣдованія по теоріи соединеній: „Прекраснѣйшимъ примѣромъ улучшенія (математическихъ изслѣдованій), который вполне соотвѣтствуетъ строгимъ систематическимъ требованіямъ, служитъ комбинаторное обоснованіе предложенія о биномныхъ и полиномныхъ выраженіяхъ, которымъ мы обязаны г-ну Гинденбургу“²⁾. Изложенію способовъ этихъ первыхъ элементовъ аритмологіи, впоследствии столь значительно развитой трудами Н. В. Бугаева, Гербартъ посвящаетъ многія страницы какъ въ рассматриваемомъ сочиненіи, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ работахъ. Громадное значеніе, приписываемое Гербартомъ геометрическимъ и комбинаторнымъ упражненіямъ для развитія фантазіи — залога творческихъ способностей воспитанника, особенно ясно изъ словъ Гербарта въ его „Очеркъ педагогическихъ лекцій“³⁾: „Что способности къ математикѣ наблюдаются не такъ часто, какъ къ другимъ наукамъ, это просто недоразумѣніе, происходящее отъ запоздалаго и небрежнаго обученія началамъ математики. Сверхъ вычисленія пренебрегаютъ обыкновенно комбинаторными и геометрическими началами и пробуютъ де-

1) Bartolomäi'sche Ausgabe. S. 109. Bd. II.

2) Профессоръ математики Лейпцигскаго университета, скончавшійся въ 1808 г. Въ примѣчаніи Бартоломеевскаго изданія Гинденбургъ названъ основателемъ комбинаторнаго метода.

3) Bartholomäi'sche Ausgabe. S. 391. Bd. I.

монстрировать тамъ, гдѣ математическая фантазія еще не разбужена“.

Разсматриваемая нами статья Гербарта имѣетъ приложение: „Ueber die ästhetische Darstellung der Welt, als das Hauptgeschäft der Erziehung“, не имѣющая повидимому причинной связи съ сущностью самой статьи. Но эта связь, однако, существуетъ и имѣетъ громадное научное значеніе: именно гармонія геометрическихъ формъ и комбинаторныхъ операций служатъ ея основаніемъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще никто изъ многочисленныхъ приверженцевъ Гербарта не обратилъ вниманія на эту важную сторону Гербартовскихъ изслѣдованій, проливающую много свѣта на различные, довольно неожиданные и загадочные выводы гениальнаго философа-педагога. Можетъ быть и самъ Гербартъ не вполне сознавалъ означенную связь и больше чувствовалъ ее наитіемъ своего гения. Изъ послѣдователей Гербарта только Штрюмпель сумѣлъ получить, и то въ неясной формѣ — безъ всякаго видимаго математическаго обоснованія, изъ этихъ важныхъ воззрѣній правильные и значительные выводы, при помощи которыхъ Штрюмпелю удалось установить его знаменитую классификацію педагогическихъ недостатковъ дѣтей.

Мы не будемъ здѣсь подробно развивать а р и т м о л о г и ч е с к і я основанія весьма смѣлой мысли Гербарта „объ эстетическомъ изображеніи міра, какъ главномъ занятіи воспитанія“, нашедшей себѣ блестящее подтвержденіе лишь послѣднее время — въ трудахъ Московской математической школы: объ этомъ вопросѣ мы будемъ подробно говорить въ другой статьѣ — при изученіи педагогическихъ изслѣдованій Штрюмпеля.

Въ маѣ 1802 г. Гербартъ переѣхалъ въ Гёттингенъ съ цѣлю посвятить себя академической дѣятельности. Въ октябрѣ этого же года онъ получилъ степень доктора философіи — именно 22 октября, а 23 октября защитилъ диссертацию „pro venia legendi“ на званіе приватъ-доцента, въ которой 11-й тезисъ характеризуетъ все педагогическое направленіе Гербарта:

In liberorum educatione poëseos et matheseos maxima vis est ¹⁾.

Въ зимнемъ семестрѣ 1802—1803 гг. Гербартъ началъ читать свои первыя педагогическія лекціи, начало которыхъ напечатано въ видѣ статьи: „*Erste Vorlesungen über Pädagogik*“ ²⁾. Лекціи Гербарта были такъ увлекательны, что аудитория едва могла вмѣщать всѣхъ его слушателей.

Въ 1805 г. Гербартъ отказался отъ приглашенія на кафедру въ Гейдельбергскій университетъ и былъ удостоенъ Гёттингенскимъ университетомъ званія экстраординарнаго профессора. Однако вскорѣ послѣ Іенской катастрофы (1807 г.), политическая атмосфера въ центральной части Германіи стала такъ тяжела, что Гербартъ весною 1809 года съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе занять кафедру Канта въ Кёнигсбергскомъ университетѣ.

Кромѣ лекцій по педагогикѣ, Гербартъ началъ еще въ Гёттингенѣ чтеніе лекцій по нѣкоторымъ отдѣламъ систематической философіи. Здѣсь же — въ Гёттингенѣ онъ началъ впервые излагать свои изслѣдованія по психологіи — въ зимніе семестры 1807—1808 и 1808—1809 гг., хотя въ этихъ изложеніяхъ онъ ограничивался лишь самымъ необходимымъ для пониманія его педагогической системы и притомъ онъ могъ излагать свои психологическія изслѣдованія лишь безъ математическихъ вычисленій, такъ какъ его слушатели по педагогикѣ не были достаточно подготовлены по отдѣламъ математики.

Наконецъ, въ Гёттингенѣ, въ 1805 г., было напечатано Гербартомъ его первое систематическое сочиненіе по педагогикѣ: „*Allgemeine Pädagogik aus dem Zweck der Erziehung*“

1) Поэзія и математика составляютъ величайшую силу при воспитаніи дѣтей. Въ своей первой лекціи по педагогикѣ Гербартъ поясняетъ это положеніе тѣмъ, что воспитаніе должно заключаться въ предѣлахъ развитія фантазіи (творчества) ребенка, съ одной стороны, и образованія твердаго характера, — съ другой.

2) Bartolomäi'sche Ausgabe. Bd. II.

abgeleitet“¹⁾, въ которомъ его система воспитательнаго обученія изложена уже въ довольно опредѣленной и законченной формѣ.

Въ Кёнигсбергѣ главною обязанностью Гербарта были лекціи философіи. Однако онъ и здѣсь не только не прекратилъ чтенія своихъ лекцій по педагогикѣ, но даже вскорѣ дополнилъ ихъ практическими упражненіями въ основанной имъ педагогической семинаріи съ образцовой школой при ней.

Организаціи педагогической семинаріи при Кёнигсбергскомъ университетѣ много помогло знакомство Гербарта съ управлявшимъ въ то время школьнымъ дѣломъ Пруссіи — Вильгельмомъ ф. Гумбольдтомъ. Послѣдній не только способствовалъ тому, чтобы учебнымъ отдѣломъ министерства были отпущены средства на университетскую педагогическую семинарію, но далъ возможность Гербарту ближе стать вообще къ учебному дѣлу, выхлопотавъ для него назначеніе „членомъ научной депутаціи при учебномъ отдѣлѣ“ и „членомъ испытательной комиссіи въ Кёнигсбергѣ“.

Въ своемъ планѣ педагогической семинаріи Гербартъ излагаетъ свои воззрѣнія на организацію таковой: „Прежде всего необходимо имѣть достаточное число уже подготовленныхъ воспитателей, которые занимались бы съ мальчиками и юношами различныхъ возрастовъ, различныхъ способностей и темпераментовъ, частью замѣчательной безукоризненности (Reinheit), частью съ различными недостатками, частью правильно воспитанныхъ съ самаго ранняго возраста, частью перешедшихъ въ лучшія руки лишь послѣ небрежнаго воспитанія въ раннемъ возрастѣ. . .“.

Въ педагогической семинаріи, организованной Гербартомъ, было два штатныхъ учителя и, кромѣ того, нѣсколько студентовъ, получавшихъ за ихъ занятія съ учениками образцовой школы довольно хорошее вознагражденіе.

Образцовая школа (Uebungsschule) была предназначена для

1) Bartholomäi'sche Ausgabe. Bd. I.

комплекта не свыше 20 учениковъ. Съ 8—10 лѣтними учениками начинали разучивать Одиссею, а затѣмъ Геродота и Ксенофонта. Грамматическія правила ученики подмѣчали сами при чтеніи текста. Послѣ Ксенофонта слѣдовали латинскіе авторы, начиная съ Вергилія и т. д. Самъ Гербартъ преподавалъ естествовѣдѣніе и математику. Преподаваніе математики примыкало къ упражненіямъ нагляднаго представленія (*Anschauungsübungen*) и послѣдовательно касалось планиметріи, стереометріи, тригонометріи, алгебры до логарифмовъ, которые излагались при помощи дифференціального исчисленія, затѣмъ — коническихъ сѣченій и нѣкоторыхъ задачъ по механикѣ и астрономіи.

Ученики образцовой школы поступали обыкновенно въ выпускной классъ гимназій, а лучшіе — даже прямо въ университетъ.

Въ Кёнигсбергѣ, въ 1824—1825 г., Гербартъ издалъ свое знаменитое сочиненіе: „*Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik, 2 Teile*“, положившее начало точнымъ изслѣдованіемъ психологическихъ явленій. Здѣсь же, въ Кёнигсбергѣ, были опубликованы Гербартомъ многія работы по метафизикѣ и практической философіи.

Осенью 1834 г. Гербартъ былъ приглашенъ снова въ Гёттингенскій университетъ и съ удовольствіемъ послѣдовалъ этому приглашенію.

Въ Гёттингенѣ Гербартъ занимался, главнымъ образомъ, своими психологическими изслѣдованіями и опубликовалъ цѣлый рядъ работъ по психологіи, дополнявшихъ его вышеупомянутое главное сочиненіе по этому предмету. Кромѣ того, Гербартъ издалъ здѣсь, въ 1837 г., новое сочиненіе по педагогикѣ: „*Umriss pädagogischer Vorlesungen*“, въ которомъ онъ изложилъ свою систему воспитательнаго обученія въ еще болѣе законченной формѣ, чѣмъ въ сочиненіи: „*Allgemeine Pädagogik aus dem Zweck der Erziehung abgeleitet*“. Въ 1841 г. появилось второе изданіе этого выдающагося труда по педагогикѣ.

14-го августа 1841 г. Герbartъ скоропостижно скончался на 66-мъ году своей жизни. Въ 1876 г., ко дню столѣтняго юбилея рожденія Герbartа, ему былъ воздвигнутъ памятникъ въ его родномъ городѣ Ольденбургѣ.

ГЛАВА II.

Педагогическая система Герbartа.

In liberorum educatione poëseos et matheoseos maxima vis est ¹⁾.

И я утверждаю здѣсь, что совершенно не понимаю воспитанія безъ обученія, также какъ и наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ сочиненіи, не признаю такого обученія, которое не воспитываетъ. Герbartъ ²⁾.

Добродѣтель (Tugend), говоритъ Герbartъ, есть названіе всей педагогической цѣли сполна. Она состоитъ въ соглашеніи нашей воли съ голосомъ совѣсти. Вслѣдствіе этого педагогика основывается на практической философіи или ученіи о нравственности.

Первичныхъ идей нравственности или основныхъ сужденій совѣсти, по Герbartу, — пять: идея внутренней свободы (die Idee der inneren Freiheit), доставляющая намъ духовное удовлетвореніе и даже удовольствіе при согласіи нашей воли съ нашимъ сужденіемъ о ней; идея совершенства (die Idee der Vollkommenheit), доставляющая намъ духовное удовольствіе при видѣ духовнаго или тѣлеснаго совершенства; идея благоволенія или доброжелательства (die Idee des Wohlwollens), доставляющая намъ духовное удовлетвореніе при соотвѣтствіи нашей воли съ чужою волею; идея права (die Idee des Rechts), побуждающая насъ искать духовное удовлетвореніе въ прекращеніи споровъ и ссоръ; идея возмездія или справедливости (die Idee

1) Поэзія и математика составляютъ величайшую силу при воспитаніи дѣтей. (Тезисъ диссертациі Герbartа.)

2) Allgemeine Pädagogik, Einleitung.

der Billigkeit), дающая намъ духовное удовлетвореніе, заставляющая насъ мириться съ тѣмъ, что мы получаемъ за наши дѣла, какъ должную плату или какъ должное воздаяніе.

Эти пять первичныхъ нравственныхъ идей находятъ свое конкретное выраженіе въ идеяхъ общественной и государственной жизни, которыя въ обратномъ порядкѣ суть слѣдующія: система возмездія, правовое общество, система управленія, культурная система и, наконецъ, государственная система, согласующая свою власть (внутреннее-свободную волю) съ продуктами своего сужденія о предыдущихъ системахъ.

При школьномъ воспитаніи необходимо осуществлять эти же элементы общественной и государственной жизни, поэтому воспитательное обученіе должно состоять изъ управленія, обученія и воспитанія въ собственномъ смыслѣ (или образованія самостоятельнаго характера).

Управленіе дѣтьми имѣетъ, конечно, большое значеніе для того, чтобы всѣ воспитанники, безъ различія состояній, были подчинены одинаковому порядку и представляли одно живое, но и достаточно дисциплинированное цѣлое.

Сначала управленіе носитъ формальный характеръ и сводится прежде всего къ занятію воспитанниковъ чѣмъ-нибудь, могущимъ ихъ интересовать, а также къ надзору за воспитанниками съ извѣстной системой приказаній, запрещеній, угрозъ наказанія и даже самихъ наказаній. Мѣра наказанія должна быть строго опредѣлена, и самъ виновный долженъ признать ее правильной.

Затѣмъ, управленіе постепенно переходитъ въ начала воспитанія, когда воспитанникъ начинаетъ обсуждать дѣйствія своей воли. При этомъ развивается сначала эстетическое сужденіе, т. е. сужденіе о хорошихъ и дурныхъ поступкахъ на примѣрахъ другихъ лицъ — въ сказкахъ, разсказахъ и т. д. Таковое эстетическое сужденіе необходимо развивать, дабы оно перешло постепенно въ этическое сужденіе о

собственной волѣ, а не сдѣлалось сужденіемъ разсудочнымъ, такъ какъ послѣднее и есть главный источникъ зла. Вѣдь дѣлать добро имѣетъ нравственную цѣну только въ томъ случаѣ, если это дѣлается лишь для добра, а не для какихъ-нибудь утилитарныхъ цѣлей (Притча о мытарѣ и фарисеѣ).

Въ статьѣ „Объ эстетическомъ изображеніи міра, какъ главномъ занятіи воспитанія“ Гербартъ говоритъ (n° 15—19), что первичная необходимость слѣдовать нравственнымъ идеямъ не есть ни логическая, ни нравственная, а эстетическая, такъ какъ нравственныя идеи суть сужденія отношеній (*Verhältnissurteile*), и имѣть сужденія о нравственныхъ поступкахъ другихъ легче, чѣмъ о своихъ собственныхъ,

Идея совершенства имѣетъ особенное значеніе при воспитаніи, но не вслѣдствіе ея превосходства передъ другими идеями, а вслѣдствіе того, что она находитъ постоянное и непрерывное примѣненіе при укрѣпленіи, направленіи и сдерживаніи молодыхъ силъ еще незрѣлаго человѣка со стороны его воспитателя.

Идеи доброжелательства и права находятъ свое развитіе въ школѣ не только въ учебномъ матеріалѣ, но и практически, если воспитанникъ поставленъ въ правильныя отношенія къ своимъ школьнымъ товарищамъ.

Однако нравственное развитіе въ собственномъ смыслѣ можетъ принять извращенный характеръ: воспитанникъ, выполняя свой долгъ, выполняя съ избыткомъ всѣ требованія обученія, упражненія и внѣшняго поведенія, можетъ вообразить, что онъ дѣлаетъ все, что надо. Вслѣдствіе этого необходимо соединить собственно-нравственное воспитаніе, способствующее правильному самоопредѣленію въ повседневной жизни, съ религіознымъ воспитаніемъ, которое предохраняетъ отъ сомнѣнія, самодовольства. Но и религіозное воспитаніе должно основываться на нравственномъ, иначе оно приводитъ къ ханжеству съ чрезмѣрнымъ самоуничиженіемъ, самопорицаніемъ и съ притворствомъ.

Нравственное развитіе должно начинаться только тогда, когда появилось уже эстетическое сужденіе и нѣкоторыя пра-

вильныя привычки. Точно также и съ религіознымъ развитіемъ не слѣдуетъ слишкомъ спѣшить, но и не надо его безъ нужды откладывать.

Свои научно-религіозныя воззрѣнія Герbartъ особенно ясно выражаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ слѣдующихъ словахъ: „Моя психологія не допускаетъ вѣрить въ собственное познаніе Бога чистымъ разумомъ. Теоретическій элементъ вѣры долженъ быть данъ извнѣ, если она только переходитъ за предѣлы простой идеи о Богѣ. Я могу согласиться, что онъ (элементъ вѣры) данъ въ христіанскомъ Откровеніи, однако въ этомъ я не имѣю голоса; но что онъ дается цѣлесообразностью природы, это я утверждаю, какъ вы знаете, самымъ положительнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствительно раціоналистическое утвержденіе, что разумъ будто есть источникъ познанія религіи, мнѣ совершенно чуждо“¹⁾).

Такимъ образомъ, религіозное развитіе воспитанника должно основываться на познаніи (Erfahrung) цѣлесообразности природы; отсюда долженъ послѣдній почерпнуть вѣру въ личное могущество и премудрость Творца, отсюда же онъ долженъ почерпнуть мужество и силу для жизненной борьбы, утѣшеніе въ страданіяхъ и неизбежной смерти. Исторія Новаго Завета должна нормировать эти элементы религіозныхъ воззрѣній воспитанника путемъ духовнаго общенія (Umgang) послѣдняго съ личностями, окружавшими Спасителя.

Для практическаго осуществленія всѣхъ означенныхъ данныхъ практической философіи въ дѣлѣ воспитательнаго обученія необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, общія качества души человѣка, а, во-вторыхъ, — индивидуальныя особенности воспитанниковъ. Слѣдовательно, психологія служитъ вторымъ основаніемъ педагогики; она уясняетъ средства и затрудненія при достиженіи педагогическихъ цѣлей.

1) Штрюмпель развилъ и дополнилъ эти воззрѣнія своего учителя въ статьѣ: „Die intellectuellen Verhältnisse der Welt. Ein Versuch der wissenschaftlichen Begründung des Glaubens an das Dasein Gottes“. Leipzig. 1896.

Въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ Гербартъ весьма оригиналенъ и является основателемъ математической психологіи. Хотя гипотезы, лежащія въ основѣ его математико-психологическихъ изслѣдованій, подвергались многимъ возраженіямъ, тѣмъ не менѣ категорическихъ опроверженій ихъ не имѣется, а выводы, построенные на нихъ, въ своихъ существенныхъ чертахъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, эти изслѣдованія внесли ясность и простоту въ изученіе чрезвычайно разнообразныхъ психическихъ явленій и ввели психологію въ число точныхъ наукъ. Одинъ изъ главныхъ представителей экспериментальной психологіи, пріобрѣтающей послѣднее время столь большое значеніе, профессоръ Вундтъ самъ заявляетъ, что въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ неоднократно руководился идеями Гербарта. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется ближе рассмотреть гипотезы психологіи Гербарта, когда мы будемъ говорить объ отношеніи изслѣдованій Штрюмпеля къ основамъ Гербартовской психологіи¹⁾.

Гербартъ впервые возсталъ противъ стариннаго взгляда на человѣческую душу, какъ на агрегатъ различныхъ способностей или силъ души. Онъ считаетъ душу существомъ простымъ — реаломъ и признаетъ только одну способность души — способность къ самосохраненію; эта способность души проявляется въ видѣ представленій всякій разъ, когда на душу дѣйствуютъ какіе-нибудь другіе реалы.

Основныя свойства представленій таковы: однородныя представленія сливаются (*verschmelzen*), обуславливая большую интенсивность новаго сложнаго представленія сравнительно съ интенсивностью каждаго изъ прежнихъ; диспа-

1) Правильные, хотя весьма кратко изложенные, взгляды на психологію Гербарта и связь ея съ экспериментальной психологіей и съ изслѣдованіями аритмологическими Н. В. Бугаева читатель найдетъ въ статьѣ Н. Шижкина „О детерминизмѣ въ связи съ математической психологіей“. Вопросы философіи и психологіи. Кн. 8. 1891 г.

ратныя представленія, получаемыя отъ одного предмета, но при помощи различныхъ органовъ чувствъ, образуютъ союзы (Comprehension), укрѣпляющіе ихъ въ борьбѣ съ другими представленіями (примѣрами такихъ союзовъ могутъ служить союзы представленій предметовъ и ихъ названій, союзы мотивовъ пѣсенъ и ихъ содержаній и т. д.); противоположныя представленія задерживаютъ (hemmen) другъ друга въ мѣрѣ, сообразной степени ихъ противоположности, и слѣдовательно ихъ интенсивности взаимно уменьшаются. Если a и b суть интенсивности двухъ сполна противоположныхъ представленій, и $a > b$, то сумма погашенія интенсивностей равна b , причемъ погашенія x и y интенсивностей обратно пропорціональны a и b , т. е. $x : y = b : a$; а такъ какъ $x + y = b$, то

$$x = \frac{b \cdot b}{a + b}, \quad y = \frac{b \cdot a}{a + b}.$$

Если интенсивность какого-нибудь представленія вслѣдствіе задержки другими спускается до нуля, то говорятъ, что представленіе стремится упасть ниже порога сознанія.

Если имѣется нѣсколько представленій съ опредѣленными интенсивностями, то возможно вычислить степени задержки cadaго изъ нихъ другими, а также и окончательныя величины ихъ интенсивностей, когда они придутъ въ равновѣсія. На этомъ построена Гербартова статика представленій. Но, кромѣ того, Гербартъ разсматриваетъ и состоянія борющихся представленій въ ихъ послѣдовательномъ теченіи, что приводитъ его къ механикѣ представленій. Особенно хорошо обработаны эти изслѣдованія Гербарта въ сочиненіи: „Erste Grundlegung der mathematischen Psychologie (Leipzig, 1850)“ одного изъ послѣдователей Гербарта — профессора математики Дробиша.

Въ этомъ сочиненіи доказываются, между прочимъ, такія важныя предложенія: 1) если имѣется два представленія, то какъ бы одно изъ нихъ не превосходило другое по силѣ интенсивности, оно не можетъ вытѣснить послѣднее изъ сферы

сознанія (стр. 64). 2) При трехъ представленіяхъ съ интенсивностями a, b, c , слабѣйшее спускается ниже порога сознанія въ томъ случаѣ, если ея интенсивность

$$c < b \sqrt{\frac{a}{a+b}}$$

При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что два сильнѣйшихъ представленія погашаютъ другъ друга вообще менѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда исчезнувшее представленіе совсѣмъ не имѣло бы мѣста (стр. 73). 3) Въ союзахъ подобныхъ диспаратныхъ представленіяхъ (a и α , b и β , если $a : \alpha = b : \beta$) сильнѣйшія по контрасту части теряютъ вообще меньше въ своей интенсивности, чѣмъ отдѣльныя представленія безъ союза, а слабѣйшія по контрасту части теряютъ больше (стр. 101 и слѣд.).

Вычисленія, дающія эти и многія другія теоремы психологіи Гербарта, отличаются довольно элементарнымъ характеромъ и весьма изящны по формѣ. Хотя числовыя характеристики въ этихъ изслѣдованіяхъ и не имѣютъ матеріальнаго значенія, но результаты получаются согласными съ дѣйствительностью. Здѣсь мы имѣемъ случай формальной связи психическихъ явленій и числовыхъ зависимостей, дающій возможность изслѣдовать нѣкоторыя стороны, конечно далеко не всѣ, психическихъ явленій. Подобная формальная зависимость разсматривается между алгебраической формою и ея символическимъ представленіемъ и составляетъ предметъ символической теоріи инвариантовъ, принесшей въ короткое время громадную пользу изслѣдованіямъ новой алгебры. Собственно говоря и аксіомы геометріи имѣютъ также формальный характеръ, о чемъ подробно изложено въ статьѣ бывшаго профессора Московскаго университета В. Я. Цингера: „Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи“¹⁾.

1) См. „Вопросы философіи и психологіи“. Кн. 22. Москва, 1894. Также въ моемъ сочиненіи: „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы“, стр. 55—57. Юрьевъ. 1905.

Въ механикѣ представленій Дробишъ доказываетъ (стр. 190 и слѣд.) весьма интересныя свойства такъ называемыхъ свободно-поднимающихся представленій, идея которыхъ принадлежитъ Гербарту сполна. Дѣло въ томъ, что въ борьбѣ представленій можетъ случиться уничтоженіе задержекъ какихъ-нибудь старыхъ представленій, опустившихся ниже порога сознанія. Тогда эти представленія свободно поднимаются въ область сознанія, при чемъ имѣетъ мѣсто предложеніе: если два или три представленія свободно поднимаются, то они, достигая равновѣсія, имѣютъ высшую степень интенсивности, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они получаютъ извнѣ, при помощи органовъ чувствъ, и приходятъ во взаимное равновѣсіе, погашая другъ друга. Такимъ образомъ представленія, появляющіяся изнутри нашего душевнаго міра, относятся другъ къ другу болѣе миролюбиво, чѣмъ представленія, получаемыя изъ внѣшняго міра. „Въ мірѣ мыслей“, говоритъ Гербартъ, „элементы сталкиваются не такъ злобно (arg), какъ въ дѣйствительности. Міръ мыслей всегда содержитъ кое-что фантастичное, сказочное, похожее на сонъ сравнительно съ жесткостью, строгостью, шероховатостью внѣшняго опыта“.

Всѣ эти соображенія являются результатомъ истолкованія дифференціальныхъ уравненій интенсивностей s' , s'' , s''' свободно поднимающихся представленій.

Итакъ, основнымъ душевнымъ актомъ по Гербарту является представленіе. Всѣ остальные акты суть комбинаціи и соотношенія представленій: подавленное представленіе обуславливаетъ стремленіе, желаніе; желаніе, сопровождаемое представленіемъ достижимости предмета желанія, есть воля; господство сильнѣйшихъ группъ представленій надъ отдѣльными состояніями побужденій есть свобода воли; сочетаніе представленій въ группы и ряды съ ихъ взаимными воздѣйствіями образуетъ такъ называемыя познавательныя способности память, разумъ и разсудокъ. Но кромѣ разсудочной оцѣнки представленій и слагающихся изъ нихъ понятій, существуетъ еще оцѣнка эстетическая, пере-

ходящая въ этическую (нравственная красота). При эстетической оцѣнкѣ играетъ роль не содержаніе предмета, а его форма или его отношеніе къ другимъ предметамъ или ритмъ взаимныхъ отношеній нѣсколькихъ предметовъ и явленій, какъ, навримвръ, въ музыкѣ. Наконецъ, существуетъ еще оцѣнка религіозная, или вѣра въ Бога, образуемая при созерцаніи природы и при видѣ несомнѣнной цѣлесообразности жизни организмовъ¹⁾, — цѣлесообразности, которую нельзя считать ни случайностью, ни самообманомъ и которую можно объяснить только присутствіемъ высшаго, божественнаго Разума.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ практической философіей и психологіей Гербарта, мы перейдемъ теперь къ его педагогикѣ.

Какъ мы уже раньше замѣтили, цѣлью всѣхъ педагогическихъ стремленій, по Гербарту, служить добродѣтель и образованіе твердаго религіозно-нравственнаго характера; поэтому обученіе должно быть существеннымъ орудіемъ воспитанія. „Я совершенно не понимаю“, говоритъ Гербартъ (*Allgemeine Pädagogik. Einleitung*), „воспитанія безъ обученія какъ и, наоборотъ, не признаю такого обученія, которое не воспитываетъ. Какимъ искусствамъ и умѣніямъ обучается молодой человѣкъ ради простой выгоды у учителя также безразлично воспитателю какъ и цвѣта, выбранные для его платья. Но то, какъ формируется его кругозоръ (*Gedankenkreis* = кругъ мыслей), составляетъ все для воспитателя, потому что изъ мыслей являются чувствованія и отсюда житейскія правила, способы дѣйствованія“. Далѣе, Гербартъ говоритъ: „Только тогда будешь имѣть воспитаніе въ своей власти, когда сумѣешь ввести въ юную душу одинъ большой и внутренне связанный во всѣхъ своихъ частяхъ кругозоръ, который можетъ превозмочь въ окружающемъ все неблагопріятное и усвоить все благопріятное“.

1) См. въ моей статьѣ „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы“, стр. 32 и 36. Юрьевъ. 1905.

Итакъ, по Гербарту, слѣдуетъ заботиться объ образованіи у воспитанника путемъ обученія одинаго, связаннаго во всѣхъ своихъ частяхъ и по возможности обширнаго кругозора, изъ котораго проистекали бы нравственныя стремленія. Если кругозоръ разорванъ или образуетъ нѣсколько замкнутыхъ въ себѣ группъ мыслей, то получается колеблющійся, неустойчивый характеръ и слабая воля.

Единство сознанія есть примитивнѣйшее условіе характера. Все это вытекаетъ изъ Гербартовскаго воззрѣнія на волевыя стремленія, какъ на результатъ взаимоотношеній представленій. Хотя единство и неизмѣнность существа души много способствуетъ объединенію міра представленій, тѣмъ не менѣе обученіе должно тоже помогать этому объединенію.

Для достиженія означенной педагогической цѣли путемъ обученія необходимо, чтобы сообщаемыя знанія не ложились въ душу неподвижнымъ бременемъ, но согрѣвали бы чувства воспитанника и побуждали его къ самостоятельнымъ заключеніямъ и къ примѣненію знаній, т. е. сообщаемыя знанія должны вызывать у воспитанника интересъ, и при томъ интересъ многосторонній, а не узкій, односторонній.

Въ чемъ же заключается многосторонность интереса, вызываемаго обученіемъ?

Во-первыхъ, изученіе внѣшнихъ предметовъ даетъ опытный интересъ; во-вторыхъ, изученіе причинныхъ взаимоотношеній предметовъ и явленій даетъ спекулятивный интересъ; въ-третьихъ, оцѣнка отношеній предметовъ со стороны понятія красоты даетъ эстетическій интересъ. Изъ отношеній внутренняго міра человѣка къ другимъ живымъ существамъ и къ непонятному въ природѣ являются интересы: симпатическій, общественный и религіозный.

Благодаря такому значенію интереса, выдвинутаго Гер-

бартомъ на первый планъ въ практикѣ обученія, совершенно исчезаетъ изъ школы рутинная образовательная дрессировка, и исканіе новыхъ знаній признается органическою потребностью воспитанниковъ.

Дальше, является вопросъ, какъ организовать преподаваніе, чтобы оно дѣйствительно возбуждало у воспитанника всѣ эти части многосторонняго интереса.

Новыя представленія, доставляемыя обученіемъ, только тогда возбуждаютъ интересъ, если они находятъ въ душѣ ребенка кое-что похожее, родственное, если они соотвѣтствуютъ степени развитія усваивающей способности ребенка. Поэтому обученіе должно примыкать къ повседневному опыту и наблюденію ребенкомъ окружающей его природы (Erfahrung) — съ одной стороны, и къ его участию въ общественной жизни (Umgang) — съ другой; это второе особенно важно, и обученіе правильнымъ отношеніямъ воспитанника къ его родному обществу должно стоять на первомъ планѣ.

Наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣли воспитательнаго обученія¹⁾ — заставить ребенка принять горячее участіе въ исторической созидательной работѣ генія своего народа, начиная со сказочной эпохи, съ эпохи дѣтства народа, которая, конечно, наиболѣе близка и родственна душѣ ребенка. Затѣмъ, послѣдовательно переходитъ къ болѣе новымъ эпохамъ, съ болѣе сложными взаимными отношеніями историческихъ дѣятелей. Параллельно съ преподаваніемъ отечественной исторіи должно идти преподаваніе священной исторіи и даже стоять во главѣ всего воспитательнаго обученія, потому что изъ знакомства воспитанника съ дѣятельностью библейскихъ личностей послѣдній долженъ са-

1) Здѣсь имѣется въ виду общее народное обученіе, для цѣлей котораго система Гербарта была особенно детально разработана Циллеромъ, Дёрпфельдомъ и другими послѣдователями Гербарта.

мостоятельно выводить правила житейской мудрости, а отечественная исторія введетъ его въ видоизмѣненіе этихъ универсальныхъ правилъ у родного народа, примѣнительно къ духу послѣдняго.

Циллеръ распредѣлилъ преподаваніе священной и отечественной исторіи по восьми культурнымъ ступенямъ (соотвѣтственно восьми классамъ народной школы), слѣдующимъ образомъ:

1. Сказки. (Подготовительная ступень — съ преобладаніемъ дѣятельности фантазіи.)

2. Приключенія Робинзона. (Подготовительная ступень — переходъ отъ дѣятельности фантазіи къ элементарной практической жизни.)

3. Время патріарховъ. Тюрингенскія сказанія. (Начало общественной жизни съ авторитетомъ внутри ея.)

4. Время судей. Сказанія о нибелунгахъ. (Свободныя стремленія внутри авторитета.)

5. Время царей. Германскіе императоры. (Признаніе нравственнаго порядка и подчиненіе его авторитету.)

6. Жизнь Иисуса Христа. Время реформаціи. (Знакомство съ высшимъ авторитетомъ и приобрѣтеніе любви къ нему.)

7. Исторія Апостоловъ. Освободительная война. (Работа для себя самого подъ покровительствомъ высшаго авторитета.)

8. Догматы религіи. Возстановленіе имперіи. (Работа для общества подъ покровительствомъ высшаго авторитета.)

Ко всему этому должно примыкать изученіе классическихъ литературныхъ произведеній, завершающее циклъ предметовъ образованія чувствованій и склонностей, убѣжденій (Gesinnungsunterricht). Затѣмъ, пѣніе, рисованіе и моделированіе составляютъ циклъ предметовъ для обученія искусствамъ (Kunst-Unterricht). Наконецъ, родной языкъ и иностранные языки составляютъ циклъ пред-

метовъ для изученія формальной стороны историческаго матеріала, который становится особенно близкимъ воспитаннику черезъ это изученіе формъ выраженій мыслей и идей. Всѣ эти предметы составляютъ первую и самую важную группу предметовъ для образованія у воспитанника широкаго религіозно-нравственнаго кругозора; они называются историко-гуманитарными предметами.

Вторую группу образуютъ науки естественныя: географія, естествознаніе и математика.

Насколько первая группа научаетъ человѣка ограничивать свои дѣйствія въ цѣляхъ, настолько вторая — указываетъ рамки для избранія реальныхъ, существующихъ въ природѣ средствъ при достиженіи этихъ цѣлей.

Наконецъ, намъ остается указать, какимъ образомъ учебный матеріалъ долженъ быть переработанъ, дабы онъ сообщалъ воспитаннику не мертвыя знанія, а дѣятельныя, стремящіяся къ немедленному примѣненію и вліяющія на волю воспитанника. Этотъ вопросъ рѣшается при помощи концентраціонной идеи и формальныхъ ступеней Гербарта, разработанныхъ впоследствии Циллеромъ и Стоемъ.

Концентраціонная идея заключается въ томъ, чтобы знанія, сообщаемыя различными предметами, находились между собою во взаимной связи и расширялись бы по концентрическимъ кругамъ. Такимъ образомъ у воспитанника въ каждый данный моментъ будетъ цѣльный замкнутый кругозоръ. Для этой цѣли, вслѣдствіе совѣтовъ Гербарта, въ тѣхъ училищахъ Пруссіи, гдѣ нѣтъ возможности сосредоточить преподаваніе всѣхъ предметовъ въ классѣ у одного учителя, существуютъ и до сего времени классныя ординаріусы, заботящіяся о связи между различными предметами, преподаваемыми въ классѣ. Отзвукомъ этого было учрежденіе у насъ института классныхъ наставниковъ, дѣятельность кото-

рыхъ, впрочемъ, по существу не имѣетъ ничего общаго съ концентраціонной идеей Гербарта.

Формальныя ступени обученія вытекаютъ изъ психологическаго ученія о познавательныхъ способностяхъ человѣка, которое показываетъ, что всякое познаніе имѣетъ своимъ основаніемъ наглядное воспріятіе (*Anschauung*), или вообще воспріятіе при помощи внѣшнихъ чувствъ¹⁾. Только отъ такого чувственнаго воспріятія познаніе восходитъ къ понятіямъ — какъ было сказано Кантомъ: „понятіе безъ представленія пусто“²⁾, но имъ же было прибавлено: „представленіе безъ понятія слѣпо“, ибо при простомъ представленіи отдѣльныхъ вещей и явленій — безъ всякой абстракціи, безъ всякой систематизаціи, мы не имѣемъ никакой руководящей нити, никакого плана. Ко всему этому надо прибавить, что понятіе безъ многократныхъ примѣненій мертво и неплодотворно. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тремъ формальнымъ ступенямъ обученія: 1) ступень наглядности и ясности, 2) ступень образованія понятій, 3) ступень метода или примѣненія.

Дальнѣйшія психологическія соображенія могутъ дать намъ основаніе раздѣлить 1-ую ступень еще на двѣ. Дѣло въ томъ,

1) Нѣмецкій терминъ „*Anschauung*“ буквально означаетъ созерцаніе, но въ нѣмецкой педагогической литературѣ онъ получилъ болѣе широкое значеніе — вообще воспріятія при помощи внѣшнихъ чувствъ, или какой бы то ни было наглядности, ясности. Т. Wiget въ сочиненіи „*Die formalen Stufen des Unterrichts*“ (Chur. 1905, стр. 11) подъ словомъ *Anschauung* подразумѣваетъ, слѣдуя Песталоцци, „всякое представленіе о фактѣ внѣшняго и внутренняго міра“.

2) Много и подробно излагалъ Н. В. Бугаевъ о значеніи при школьномъ обученіи правильнаго развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ воспитанниковъ, дабы у послѣднихъ представленія, а слѣдовательно и понятія и сужденія имѣли „реальное содержаніе и конкретныя формы“. (См. Труды Высочайше утвержд. комиссіи по преобразованію среднихъ учебн. заведеній или мое сочиненіе: „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы“, стр. 41—44. Юрьевъ, 1905.

что новыя представленія усваиваются только тогда, когда среди старыхъ имѣются родственныя имъ представленія. Поэтому 1-ую ступень можно разложить на анализъ, который пробуждаетъ въ сознаниі воспитанника представленія, родственныя новымъ, уясняетъ и распредѣляетъ ихъ, и синтезъ, который дополняетъ, расширяетъ и углубляетъ прежнія знанія воспитанника новыми данными.

Точно также психологическія соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что не всякое знаніе, а только знаніе, систематизированное и имѣющее внутреннюю связь своихъ частей, можетъ правильно функционировать, т. е. побороть вредныя представленія, усвоить полезныя, возбудить стремленіе къ добру, истинѣ и прекрасному, обусловить сильную волю и твердый религіозно-нравственный характеръ. Вслѣдствіе этого 2-ую ступень надо разложить на двѣ: на ассоціацію, которой мы обязаны образованіемъ понятій, и на систематизацію, приводящую понятія въ надлежащій порядокъ и послѣдовательность.

Такимъ образомъ, при сообщеніи воспитаннику учебнаго матеріала, слѣдуетъ пользоваться пятью формальными ступенями Гербарта-Циллера, приводимыми на слѣдующей таблицѣ:

А. У с в о е н і е.

I. Созерцать.	{	1. Ясность.	{	1а. Анализъ.	1. Подготовка.
				1б. Синтезъ.	2. Сообщение.

В. О т в л е ч е н і е.

II. Думать.	{	2. Ассоціація.	3. Сравненіе.
		3. Систематизація.	4. Установленіе связи понятій.
III. Примѣнять.	{	4. Методъ. (Функция.)	5. Приложеніе.
Песталоцци.		Гербартъ и Циллеръ.	Рейнъ.

Послѣдователи Гербарта пользуются еще мнемоническимъ средствомъ для представленія его педагогической системы въ главныхъ чертахъ при помощи слѣдующей схемы:

- 1) одна цѣль (добродѣтель),
- 2) двѣ вспомогательныхъ науки (практическая философія и психологія),
- 3) три вида воспитательной дѣятельности (управленіе, обученіе, воспитаніе въ собственномъ смыслѣ),
- 4) четыре формальныхъ ступени (ясность, ассоціація, систематизація и методъ),
- 5) пять нравственныхъ идей (внутренней свободы, совершенства, благоволенія, права и воздаянія),
- 6) шесть видовъ интереса (опытный, спекулятивный, эстетическій, симпатическій, общественный и религіозный).

Если сравнить научно-педагогическую дѣятельность Гербарта съ дѣятельностью его знаменитыхъ предшественниковъ — Коменскаго и Песталоцци, то прежде всего надо признать, что Гербартъ создалъ замѣчательно точную научную форму педагогики. Не только психологія Гербарта зиждется на точныхъ математическихъ основахъ, но и вся его педагогическая система носитъ характеръ математической науки: такъ образцово намѣчены въ ней основные принципы, изъ которыхъ, подобно тому какъ въ математикѣ изъ аксіомъ, дедуктивно выводится вся стройная система его педагогики. Далѣе мы увидимъ, что и вторая вспомогательная наука Гербартовской педагогики — его практическая философія и вообще всѣ педагогическія воззрѣнія Гербарта имѣютъ также математическія основы и суть ни болѣе, ни менѣе, какъ строго послѣдовательные выводы изъ математической идеи о прерывной законмѣрности въ примѣненіи къ явленіямъ нравственнаго порядка. Хотя Гербартъ въ своей психологіи и впалъ въ матеріализмъ, но и это онъ сдѣлалъ можетъ быть даже преднамѣренно, желая на первыхъ порахъ для математизаціи психологіи ограничиться, какъ выражаются математики, первыми приближеніями въ области психическихъ явленій. Вслѣдствіе этого онъ рѣзко разграничилъ свою математическую психологію отъ ученія о нравственныхъ мотивахъ психическихъ явленій — отъ своего ученія о пяти

практическихъ идеяхъ, введеніе которыхъ въ психологію попытался выполнить Штрюмпель.

Во-вторыхъ, весьма важно и то, что Гербартъ обратилъ особое вниманіе на образованіе воли и характера воспитанника и указалъ педагогическія средства для этого, тогда какъ его предшественники сосредоточивали ихъ вниманіе главнымъ образомъ на развитіи чувствъ и разума воспитанника.

Въ-третьихъ, Гербартъ замѣчательно подробно развилъ ученіе о представленіяхъ, что привело его къ выясненію психологическихъ процессовъ усвоенія, къ идеѣ о многостороннемъ интересѣ, къ формальнымъ ступенямъ обученія и къ концентраціонной идеѣ, благодаря чему явилась возможность сообщать воспитаннику такія знанія, которыя не лежали бы въ душѣ тяжкимъ бременемъ, а побуждали бы воспитанника къ самостоятельному и къ самодѣятельному примѣненію этихъ знаній и сообщали бы характеру воспитанника нравственную устойчивость.

Наконецъ, Гербартъ, вопреки господствовавшему въ то время рационализму, сумѣлъ выдвинуть на первый планъ своей научной педагогики религіозный элементъ, поставивъ его во главѣ предметовъ для образованія чувствованій, склонностей, убѣжденій и осуществивъ при его помощи свою концентраціонную идею на практикѣ.

Л. Г. Штрюмпель и его педагогическая система.

ГЛАВА I.

Научно-педагогическая дѣятельность Штрюмпеля.

„Я продолжаю имѣть убѣжденіе, что философія Гербарта многимъ превосходитъ остальные системы настоящаго времени своимъ спекулятивнымъ содержаніемъ и обиліемъ результатовъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ направленіи; но этимъ самымъ я не предполагаю, что она уже достигла той степени совершенства, чтобы мышленіе было вполне ею довольно.“

Штрюмпель 1).

Людвигъ Генрихъ Штрюмпель родился 23-го іюня н. с. 1812 года въ небольшомъ городѣ Шёппенштэдтѣ герцогства Брауншвейгъ.

Первоначальное обученіе Штрюмпель получилъ въ городскомъ училищѣ своего родного города. Кромѣ того, по древнимъ языкамъ занимался съ нимъ одинъ изъ мѣстныхъ пасторовъ, имѣвшій на него значительное воспитательное вліяніе. Мать Штрюмпеля, женщина весьма умная, имѣла также большое вліяніе на своего сына.

На 14-мъ году Штрюмпель поступилъ въ гимназію Catharineum въ г. Брауншвейгъ, гдѣ ректоромъ былъ выдающійся филологъ и педагогъ Трауготъ Фридеманъ. 17-ти лѣтъ Штрюмпель окончилъ гимназическій курсъ и сталъ по-

1) См. статью д-ра Шпитцнера въ „Neue Jahrbücher“ von Teubner. II. Abteilung. 1899. S. 537. Этою статьею мы пользуемся и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

сѣщать коллегію Carolinum, представлявшую собою университетъ въ небольшомъ масштабѣ. Въ этой коллегіи преподавали выдающіеся ученые Генке, Грипенкерль, Эмперіусъ, Дедекиндъ, Петри и др.

Особенно большое вліяніе на студентовъ имѣлъ въ то время профессоръ Грипенкерль, ученикъ и восторженный приверженецъ Гербарта, бывшій также долгое время учителемъ въ школахъ Песталоцци и Фелленберга. Этотъ профессоръ сразу увлекъ молодого Штрюмпеля, и послѣдній отдался сполна изученію философіи и педагогики. Благодаря этимъ своимъ занятіямъ Штрюмпель ближе сошелся съ Грипенкерлемъ и сталъ бывать у послѣдняго въ домѣ. Здѣсь пришлось ему, когда онъ былъ уже весь проникнутъ благоговѣніемъ передъ великими педагогическими идеями Гербарта, познакомиться съ самимъ авторомъ новыхъ педагогическихъ ученій, проѣзжавшимъ въ 1830 г. черезъ Брауншвейгъ и посѣтившимъ своего ученика Грипенкерля. „Глубокое впечатлѣніе“, говоритъ Штрюмпель, „которое произвела на меня импонирующая наружность этого человѣка, можетъ быть понятно лишь тому, кто въ состояніи припомнить изъ собственнаго опыта въ юности духовное значеніе такого переживанія, гдѣ живой образъ умственно и нравственно выдающейся личности, которая уже издали чрезвычайно высоко цѣнится, предстанетъ предъ восторженною душою молодого человѣка“.

Гербартъ пригласилъ Штрюмпеля къ себѣ въ Кёнигсбергъ. Въ слѣдующемъ году Штрюмпель послѣдовалъ приглашенію Гербарта и переѣхалъ въ Кёнигсбергъ.

Два года усердно работалъ Штрюмпель въ Кёнигсбергѣ по избраннымъ имъ предметамъ — философіи и педагогикѣ. Онъ не только посѣщалъ университетскія лекціи, но и принималъ дѣятельное участіе въ педагогической семинаріи, которою руководилъ Гербартъ. Кромѣ того, Штрюмпель интересовался и нѣкоторыми другими науками, помимо своей специальности; это были науки филологическія, естественныя и математическія.

Въ 1833 г. Штрюмпель сдалъ свой докторскій экзаменъ и защитилъ диссертацию „De methodo philosophica“ на степень доктора философіи.

Изъ Кёнигсберга Штрюмпель переѣхалъ въ Боннъ, а затѣмъ въ Лейпцигъ для пополненія своихъ научныхъ знаній. Въ Лейпцигѣ онъ прослушалъ между прочимъ лекціи Дробина по математической психологіи.

По отъѣздѣ изъ Кёнигсберга Штрюмпель продолжалъ поддерживать сношенія со своимъ геніальнымъ учителемъ путемъ непрерывнаго обмѣна съ нимъ письмами. Однако, эта дружба продолжалась не долго. Причиною непріязненныхъ отношеній Гербарта къ своему до того времени любимому ученику послужила попытка со стороны Штрюмпеля внести въ основаніе Гербартовской психологіи нѣкоторыя новыя начала, которыя, по его мнѣнію, дали бы возможность дополнить и развить психологическую теорію Гербарта. Эти новаторскія стремленія Штрюмпеля не могли войти въ рамку тѣхъ математическихъ методовъ, которыми такъ увлекался въ то время Гербартъ въ своихъ геніальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ міра душевныхъ представленій, и съ этой точки зрѣнія могли казаться даже ненаучными. Гербартъ осыпалъ своего ученика упреками въ томъ, что онъ „забылъ“ психологію своего учителя, что „онъ пошелъ изъ психологическаго сада по ложному пути“, и вскорѣ прекратилъ со Штрюмпелемъ всякія сношенія.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на выясненіи указаннаго недоразумѣнія, возникшаго между Гербартомъ и Штрюмпелемъ на почвѣ принциповъ, долженствующихъ лежать въ основѣ научной психологіи: объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующей главѣ, но позволимъ себѣ лишь указать на аналогичный фактъ, имѣвшій мѣсто въ вопросѣ объ аксіомахъ геометріи между нашимъ геніальнымъ геометромъ Лобачевскимъ и другими выдающимися представителями математическихъ наукъ. Когда Лобачевскій предложилъ свою бессмертную систему не-эвклидовой геометріи, то многіе изъ

ученыхъ совсѣмъ не понимали ея глубокаго научнаго смысла, и нѣкоторые, какъ, на примѣръ, академикъ Остроградскій, высказывали даже сомнѣніе въ нормальности умственныхъ способностей Лобачевского. Нѣчто подобное случилось и съ новаторскими идеями Штрюмпеля въ области психологіи.

Разрывъ съ Гербартомъ имѣлъ пренепріятныя послѣдствія для Штрюмпеля. Послѣдній долженъ былъ оставить всякія надежды на продолженіе своей академической карьеры въ предѣлахъ Германіи, такъ какъ послѣдователи Гербарта приобрѣли уже въ то время громадное вліяніе въ германскихъ университетахъ и поддерживали лишь сторонниковъ ортодоксальнаго гербартіанства, т. е. лицъ, не отступавшихъ ни на іоту отъ формъ, созданныхъ Гербартомъ.

Штрюмпель попытался еще разъ искать примиренія со своимъ учителемъ и для этой цѣли изложилъ свои новыя научныя идеи въ особой рукописной статьѣ съ самымъ старательнымъ ихъ обоснованіемъ. Эту статью онъ отправилъ Гербарту съ просьбою разсмотрѣть мотивы, побуждающіе его отстаивать свои принципы. Гербартъ подумалъ, что статья предназначена для печати и отвѣтилъ Штрюмпелю слѣдующимъ образомъ въ письмѣ отъ 10-го іюля 1835 г.: „Если бы присланная мнѣ статья была не Ваша, а кого-нибудь другого, то я отправилъ бы ее назадъ съ замѣткою, что считаю нецѣлесообразнымъ входить въ ея разсмотрѣніе. Но она отъ Васъ. Конечно, надо принять во вниманіе особенно то, что статья не есть письмо и что она ни въ какомъ случаѣ не облечена въ форму, которая предназначала бы ее лишь для Васъ и для меня. Письмо говоритъ о зрѣломъ плодѣ, который желалъ бы, чтобы его скушали. Въ статьѣ говорится обо мнѣ какъ о третьемъ лицѣ — съ кѣмъ? Прославляются такъ называемыя „доказательства“ какъ рѣшающія доказательства — чтобы импонировать, но кому? Вопросъ, хватитъ ли у меня терпѣнія прочесть статью, кажется, совсѣмъ не приходитъ на умъ автора, обратившагося со своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ къ постороннимъ лицамъ. При такихъ обстоятель-

ствахъ Вы не должны удивляться, если у меня срывается такое выраженіе, будто мы не одни и будто я кому-нибудь громко высказываю мое открытое мнѣніе. Вы не слишкомъ молоды (Штрюмпелю было 23 года), чтобы возможно было допустить предположеніе, что Вы не взвѣсили Вашихъ дѣйствій всесторонне и въ ихъ полномъ значеніи. И я не слишкомъ старъ и не дряхлъ, чтобы въ случаѣ, когда я молчу, молчать лишь изъ-за удобства и покоя“.

Въ отвѣтъ на письмо Штрюмпеля, разъясниваемаго Гербарту то, что статья совсѣмъ не предназначалась къ печати и что въ ихъ научный споръ посвященъ лишь Дробишъ, послѣдовало нѣсколько болѣе любезное письмо Гербарта:

Гёттингенъ, 13-го авг. 1835.

„Нѣсколько дней тому назадъ, дорогой г-нъ докторъ, пріѣхалъ я изъ Пирмонта и только нѣсколько часовъ, какъ я выбралъ время раскрыть Ваше письмо. Что прежде всего обратило мое вниманіе, это Вы узнаете здѣсь вполнѣ открыто.“

„Ваша чувствительность не меньше, чѣмъ я предполагалъ; также и то я долженъ былъ предвидѣть, что Вы, въ Вашихъ глазахъ, будете вполнѣ правы. Но достойныя уваженія черты Вашего характера просвѣчиваютъ; это оцѣнилъ я по достоинству; и мнѣ доставляетъ удовольствіе увѣрить Васъ въ этомъ.“

„Вы знаете, конечно, какъ другіе отнеслись ко мнѣ. Если бы я смѣшалъ Васъ съ ними, то несомнѣнно Вы не получили бы отъ меня отвѣта, такъ какъ Ваше удаленіе отъ меня стало ясно уже съ прошлаго ноября.“

„Отвѣтъ, который я Вамъ далъ, могъ быть лишь краткимъ, такъ какъ я уже здѣсь началъ курсъ леченія минеральными водами. Цѣль отвѣта была предупредить Васъ, если Вы еще желаете слушать предупрежденія.“

„То, что Ваша статья была предназначена лишь для Дробиша и для меня, Вы сообщаете мнѣ теперь! По статьѣ этого не было видно; наоборотъ, она казалась стремящейся

въ публику. Что изъ того совсѣмъ легко могло бы выйти, объ этомъ Вы должны были предвидѣть.“

„Если бы я желалъ теперь Вамъ сказать что-нибудь пріятное о Вашей статьѣ, то это могло бы быть то, что Вы выбрали положеніе по отношенію ко мнѣ, какъ опытный полководецъ; именно съ этой стороны могло быть нападеніе, которое я не долженъ былъ оставить безъ вниманія, какъ это дѣлаютъ многіе другіе. Вы, конечно, знали, что я, коль скоро моя психологія и метафизика поставлены въ кажущееся взаимное противорѣчіе, не могу этого спокойно видѣть.“

„Безспорно, Вамъ и каждому другому вполне свободно принадлежитъ право испытать, достаточно ли мое изложеніе той и другой науки ихъ взаимно пронизываетъ, или нѣтъ. Но разъ при этомъ должно остаться дружественное отношеніе, то, конечно, необходима весьма большая осторожность, какъ въ формѣ изысканія, такъ и въ формѣ лекціи, дабы безъ основанія не смутить мнѣній.“

„Почему образъ Вашей личности во мнѣ совсѣмъ измѣнился, „знаетъ только Богъ?“ — Не такъ ужъ сильно это измѣненіе, какъ Вы думаете; во всякомъ случаѣ Вы не должны подозрѣвать никого третьяго. То однако несомнѣнно, что я еще раньше, чѣмъ извѣстный листъ отъ меня попалъ въ Ваши руки, изъ Вашихъ собственныхъ обнаруженій противъ меня въ письмахъ, сказалъ себѣ, что придетъ время, когда я долженъ буду выступить съ объясненіями противъ штрюмпелевской философіи. Можетъ быть я зналъ это раньше Васъ самихъ.“

„Теперь позвольте мнѣ, какъ Вашему старому другу, высказать мое искреннее желаніе и просьбу, чтобы Вы въ Вашихъ отношеніяхъ были осторожнѣе, чѣмъ до сего времени. Въ другомъ мѣстѣ можетъ кончиться хуже, чѣмъ у меня. Не всегда удается съ самозащитой — и самосохраненіемъ. Коль скоро мы покидаемъ область реаловъ въ собственномъ смыслѣ, даетъ знать себя возмущеніе (Störung).“

„Однако объ этомъ вопросѣ я не желаю впередъ вынудить Вашего рѣшенія. Просмотрите еще разъ мое письмо;

среди вопросовъ въ его концѣ третій покажетъ Вамъ, что Вы, коль скоро пожелали бы на него отвѣтить, имѣли бы въ своемъ распоряженіи нить къ нашему взаимному чисто научному объясненію.

„Прежде всего долженъ Васъ просить о Вашемъ адресѣ, дабы съ увѣренностью послать Вамъ Вашу статью обратно. Сообщите ли Вы тогда мнѣ подробнѣе о той формѣ, какъ вы предполагаете покинуть нѣмецкое общество, этого я буду ожидать. На самомъ дѣлѣ я начинаю вѣрить этому, такъ какъ Ваше перо, теперь по крайней мѣрѣ скорѣе, чѣмъ раньше, можетъ дать Вамъ возможность просуществовать литературнымъ трудомъ.

Вашъ Гербартъ.“

Послѣ этого письма вскорѣ Гербартъ возвратилъ Штрюмпелю его рукописную статью со своими разъясненіями и замѣтками¹⁾, которыя однако не переубѣдили Штрюмпеля, и послѣдній пошелъ своею собственною дорогою въ области научныхъ изслѣдованій.

Подобно тому, какъ когда-то Гербартъ для разрѣшенія мучившихъ его философскихъ сомнѣній обратился къ практикѣ дѣла воспитанія, и Штрюмпель рѣшилъ провѣрить свои идеи путемъ наблюденія надъ развитіемъ души ребенка подъ вліяніемъ обученія и воспитанія. Для этого Штрюмпель, при содѣйствіи своего пріятели — профессора Дерптскаго университета Иеше, нашелъ себѣ въ 1835 г. мѣсто домашняго учителя у графа Медема въ Курляндіи, которое занималъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, воспитывая двухъ сыновей графа, а затѣмъ

1) Д-ръ Шпитцнеръ сообщилъ мнѣ, что означенная рукописная статья, содержанію которой много симпатизировалъ Дробишъ, была послана еще одному изъ учениковъ Гербарта — профессору Берлинскаго университета Кербаху, извѣстному издателю новаго критическаго изданія трудовъ Гербарта и „Monumenta Paedagogica“, который эту рукопись не возвратилъ обратно. Годъ тому назадъ скончался проф. Кербахъ, и можетъ быть въ его бумагахъ, которыя еще не приведены въ порядокъ, найдется и эта рукопись.

онъ перешелъ домашнимъ учителемъ къ г-ну фонъ-деръ-Роопу, тоже въ Курляндіи, гдѣ оставался до 1843 г.

Д-ръ Шпитцнеръ на основаніи имѣющихся у него документовъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ переходъ Штрюмпеля къ практической педагогической дѣятельности: „Не въ ‚сферы вселенной‘ хотѣлъ онъ устремить свой взоръ, чтобы выяснить и укрѣпить свои воззрѣнія, а въ ‚земную жизнь, городскую и домашнюю‘, чтобы сначала въ ихъ сферахъ понять, съ какимъ правомъ можно говорить о матеріальномъ и о духовномъ, гдѣ находится основаніе ихъ различія, какъ глубоко можетъ проникнуть разумъ, чтобы психологически взвѣсить и объяснить возможность высшихъ продуктовъ чловѣческаго духа: размышленія, избранія цѣлей, внутренняго нравственнаго законодательства и управленія“.

Практическая дѣятельность Штрюмпеля въ роли воспитателя сыновей графа Медема и фонъ-деръ-Роопа дала ему много матеріала для размышленія: „полезные житейскіе опыты, душевныя заботы и радости, глубокозахватывающія побужденія къ самоиспытанію и самопознанію, въ особенности же къ научной ориентировкѣ въ наиболѣе тонкихъ соотношеніяхъ педагогической теоріи и практики“. По различнымъ наброскамъ, сдѣланнымъ Штрюмпелемъ въ это время и сохранившимся до настоящаго времени (у д-ра Шпитцнера), можно заключить о замѣчательномъ стараніи Штрюмпеля въ выполненіи его воспитательскихъ обязанностей и объ его высокоталантливомъ умѣніи использовать опытный матеріалъ для построенія теоретическихъ воззрѣній. Такимъ образомъ явилась его замѣчательная работа, до сихъ поръ не напечатанная, „Der Begriff vom Individuum, herausgehoben aus dem Netze der praktischen Begriffe, welche der Pädagoge zu erzeugen hat“, которую онъ представилъ лѣтомъ 1837 г. въ „Курляндское общество для литературы и искусства“, при своемъ вступленіи въ члены этого общества. Главною же работою Штрюмпеля за означенный періодъ надо считать его сочиненіе „Kritik der Her-

bartschen Metaphysik“, появившееся въ 1840 г., т. е. за годъ до смерти Гербарта.

Осенью 1843 г. Штрюмпель получилъ отъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа Крафтштрэма любезное приглашеніе выполнить необходимыя формальности для полученія званія приватъ-доцента Дерптскаго университета. Штрюмпель послѣдовалъ этому приглашенію и въ декабрь 1843 г. по защитѣ диссертациі на званіе приватъ-доцента „de summi boni notione, qualem proposuit Schleiermacherus“ былъ удостоенъ званія приватъ-доцента и въ январѣ 1844 г. открылъ уже курсъ лекцій по „Введенію въ философію, психологію и педагогику“. Лекціи Штрюмпеля имѣли большой успѣхъ, и вслѣдствіе этого въ апрѣлѣ 1845 г. онъ получилъ экстраординарную профессуру теоретической и практической философіи и педагогики¹⁾. Въ апрѣлѣ 1849 г. Штрюмпель по-

1) Дѣло съ избраніемъ Штрюмпеля въ экстраординарные профессора прошло не особенно гладко. По видимому покровительство оказанное Штрюмпелю попечителемъ округа производило дурное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ членовъ совѣта. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, не смотря на весьма благопріятный отзывъ философскаго факультета о научной и педагогической дѣятельности Штрюмпеля, дѣло объ его избраніи въ одномъ засѣданіи совѣта (5 декабря 1844 г.) было отложено до января 1845 г. (вслѣдствіе желанія нѣкоторыхъ членовъ другихъ факультетовъ ознакомиться съ сочиненіями Штрюмпеля). 7 декабря 1844 года попечителемъ было сообщено совѣту, что министръ народнаго просвѣщенія, въ виду выдающихся достоинствъ Штрюмпеля, какъ ученаго и преподавателя, предлагаетъ совѣту заняться вопросомъ объ избраніи его въ экстраординарные профессора; въ тотъ же день ректоръ получилъ отъ попечителя предложеніе немедленно созвать совѣтъ для производства этого избранія. Совѣтъ, собравшись 11 декабря, обратился къ попечителю съ просьбой оставить въ силѣ постановленіе совѣта отъ 5 декабря, на что попечитель и согласился, предписавъ однако совѣту въ началѣ слѣдующаго семестра немедленно приступить къ избранію Штрюмпеля. Баллотировка состоялась 1 февраля 1845 г. — оказалось 13 избирательныхъ шаровъ и 13 неизбирательныхъ. Повтореніе баллотировки дало тотъ же результатъ. По обсужденіи этого дѣла въ комитетѣ министровъ, 23 апрѣля 1845 года послѣдовало Высочайшее повѣленіе о назначеніи Штрюмпеля экстраординарнымъ профессоромъ.

лучиль, наконецъ, и ординарную профессуру по этой кафедрѣ, которую онъ занималъ до 1871 г.

Штрюмпель читалъ въ Дерптскомъ университетѣ: логику и введеніе въ философію по Гербарту, педагогика по Гербарту и Вайцу, этику и философію права по собственному учебнику, психологию по Дробишу и Фолькману, философію религіи по Дробишу, метафизику по Гербарту и Гартенштейну, исторію философіи по Рейнгольду, исторію педагогики по Раумеру, этическія начала политической экономіи, кромѣ того онъ велъ практическія занятія въ педагогической семинаріи — по дидактикѣ и педагогикѣ.

Въ періодъ своей профессорской дѣятельности въ Дерптѣ Штрюмпель опубликовалъ слѣдующія сочиненія: *Die Pädagogik der Philosophen Kant, Fichte, Herbart* (1843), *Die Vorschule der Ethik* (1844), *Die Verschiedenheit der Kindernaturen* (1844), *Entwurf der Logik* (1846), *Die Universität und das Universitätsstudium* (1848), *Die Geschichte der griechischen Philosophie* (1854—1861), *Lehrpläne für Knabenelementarschulen des Dorpater Lehrbezirks mit den nötigen Erläuterungen und Ergänzungen, entworfen unter Mitwirkung erfahrener Schulmänner* (1869), *Erziehungsfragen* (1869).

Однако, главную часть своихъ трудовъ за этотъ періодъ Штрюмпель посвящаетъ чисто практической педагогической дѣятельности по организаціи школьнаго дѣла въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Къ этой дѣятельности Штрюмпель былъ призванъ новымъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа — графомъ Кэйзерлингомъ, который сразу оцѣнилъ способности Штрюмпеля и его безграничную преданность дѣлу обученія и воспитанія юношества.

Кромѣ устройства педагогической семинаріи при университетѣ, Штрюмпель положилъ много заботъ на открытіе новыхъ школъ различныхъ типовъ и реорганизацію старыхъ гимназій, учительскихъ семинарій, окружныхъ училищъ, школъ для продолженія образованія (*Fortbildungsschulen*) и народныхъ школъ. Для этой цѣли Штрюмпель неоднократно ѣздилъ по

порученію русскаго правительства въ Германію, Швейцарію и Францію для изученія школьнаго дѣла и для приглашенія выдающихся педагоговъ для занятія преподавательскихъ мѣстъ въ школахъ прибалтійскаго края. На учительскихъ конференціяхъ Штрюмпель выработывалъ совместно съ учителями новые учебные планы и обсуждалъ съ ними всевозможные вопросы педагогической практики.

Самъ Штрюмпель лично принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ обученія въ Дерптской учительской семинаріи и въ „Дерптской школѣ для продолженія образованія“. Кромѣ того, онъ читалъ многія публичныя лекціи и устраивалъ вечера для собесѣдованія съ родителями.

Эта плодотворнѣйшая дѣятельность Штрюмпеля въ дѣлѣ народнаго образованія въ январѣ 1871 г. должна была прекратиться. Штрюмпель выслужилъ 25-лѣтнюю пенсію и не былъ оставленъ на новое пятилѣтіе, такъ какъ при баллотировкѣ въ университетскомъ совѣтѣ, получилъ 22 избирательныхъ шара изъ 37, а по уставу требовалось двѣ трети всѣхъ шаровъ.

Весною 1871 г. Штрюмпель переѣхалъ въ Лейпцигъ и началъ здѣсь второй періодъ своей академической дѣятельности въ качествѣ приватъ-доцента. 15-го іюля этого же года онъ былъ удостоенъ званія „ординарнаго почетнаго профессора“, а 30-го декабря былъ назначенъ „членомъ королевской испытательной комиссіи для кандидатовъ на высшія учительскія должности“.

Въ Лейпцигскомъ университетѣ Штрюмпель читалъ лекціи по весьма разнообразнымъ отдѣламъ философіи и педагогики: по исторіи философіи, логикѣ, психологіи, этикѣ, по философіи религіи и права, по общей и психологической педагогикѣ, по педагогической патологіи и др. Въ этихъ лекціяхъ Штрюмпель излагалъ весьма обоснованно и убѣдительно результаты своихъ собственныхъ изслѣдованій и многолѣтнихъ наблюденій изъ предыдущей практической дѣятельности. Замѣчательное краснорѣчіе и благороднѣйшія, въ высшей степени гуманныя

воззрѣнія Штрюмпеля собирали въ его аудиторію многочисленныхъ слушателей и приковывали сердца молодежи къ вдохновеннымъ рѣчамъ талантливаго лектора. Извѣстность Штрюмпеля, какъ выдающагося ученаго и блестящаго оратора, вскорѣ распространилась за предѣлы университетскихъ сферъ, и многія общества стали его приглашать для чтенія рефератовъ; болѣе 40 рефератовъ на различныя темы его специальности были имъ прочитаны такимъ образомъ — въ торговомъ и учительскомъ ферейнахъ, въ Шреберовскихъ ферейнахъ, въ консерваторіи, въ концертномъ залѣ и т. д.

Большую пользу принесла дѣятельность Штрюмпеля при Лейпцигскомъ университетѣ также дѣлу подготовки молодыхъ силъ для практики обученія. Въ 1872 г. въ лѣтнемъ семестрѣ Штрюмпель организовалъ при университетѣ практическія занятія по педагогикѣ и велъ ихъ безъ перерыва въ теченіе 34 семестровъ. На этихъ практическихъ занятіяхъ обсуждались всевозможные педагогическіе вопросы, какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера. Особенно много разнообразія вносилось въ практическія занятія, благодаря участію въ нихъ многихъ педагоговъ-практиковъ — изъ учителей народныхъ школъ, которые приносили сюда на безпристрастный судъ науки и философіи самыя животрепещущіе вопросы школьнаго дѣла.

„Теорія и практика должны были идти рука объ руку и разстояніе между ними должно было по возможности уменьшаться научными путями“ — говоритъ д-ръ Шнитцнеръ объ этихъ практическихъ занятіяхъ. „Штрюмпель выше всего цѣнилъ“, говоритъ его бывший ученикъ, директоръ семинаріи д-ръ Кааль, „свободу научнаго мышленія. Штрюмпель былъ совершенно чуждъ того старовѣрчества, того односторонняго слѣдованія собственному мнѣнію, той нетерпимости, однимъ словомъ — всего того, чѣмъ нѣкоторые изъ гербартіанцевъ, и не менѣе другихъ Циллеръ, принесли столько вреда гербартовскому управленію. У него каждый взглядъ могъ быть свободно вы-

сказываемъ, если только для дѣла онъ имѣлъ хотя нѣкоторое значеніе. Вслѣдствіе всего этого его практическія занятія столь сильно возбуждали ихъ соучастниковъ къ самодѣятельности.“

Характеръ тѣхъ вопросовъ, которые обсуждались на практическихъ занятіяхъ Штрюмпеля, прекрасно изображаютъ изданія „Pädagogische Abhandlungen von Mitgliedern des von Professor Strümpell geleiteten wissenschaftlich - pädagogischen Praktikums“. Въ VI томѣ этихъ трудовъ, въ предисловіи, профессоръ Вендтъ приводитъ такъ сказать символъ вѣры учениковъ Штрюмпеля: „Мы чтимъ Гербарта и признаемъ направленіе его ученика Штрюмпеля за самый цѣлесообразный путь къ развитію и усовершенствованію гербартовской педагогики; но мы не приносимъ присяги на вѣрность словамъ Гербарта, а также и не составляетъ свойства нашего учителя — мнѣнія, не сходныя съ его воззрѣніями, объявлять несоумѣстимыми съ понятіями психологической педагогики.“

26-го апрѣля 1894 года Штрюмпель отпраздновалъ 25-тилѣтній юбилей своей академической дѣятельности при Лейпцигскомъ университетѣ. Маститый юбиляръ, имѣвшій уже 82-хъ лѣтній возрастъ, получилъ множество самыхъ теплыхъ привѣтствій отъ своихъ многочисленныхъ учениковъ, явившихся лично къ юбиляру или приславшихъ свои привѣтствія изъ различныхъ мѣстъ Германіи и другихъ странъ.

Послѣ означеннаго юбилея Штрюмпель еще 5 лѣтъ бодро продолжалъ свою научно-педагогическую дѣятельность при Лейпцигскомъ университетѣ до своей кончины, послѣдовавшей 18-го мая 1899 года.

Мы не будемъ подробно разбирать всѣхъ весьма разнообразныхъ печатныхъ трудовъ Штрюмпеля, а ограничимся лишь краткимъ очеркомъ его наиболее оригинальныхъ изслѣдованій по психологической педагогикѣ. Слѣдующую же главу мы посвятимъ исключительно изслѣдованіямъ Штрюмпеля о педагогическихъ недостаткахъ дѣтей и въ ней мы покажемъ, что эти изысканія являются результатомъ строго послѣдовательнаго развитія великой гербартовской идеи о прерыв-

но и математической закономерности, которая в настоящее время весьма подробно разработана трудами Московской математической школы и особенно Н. В. Бугаевым. Мы увидимъ, что не Штрюмпель отступилъ отъ главнаго основанія всей гербартовской философіи и педагогики, а самъ Герbartъ въ своей психолодіи увлекся простотою, точностью и механичностью изслѣдованій помощью математическаго анализа и впалъ даже въ нѣкоторое противорѣчіе со своими остальными воззрѣніями, на что было указано однимъ изъ критиковъ гербартовской психологіи — Фридрихомъ Ланге въ его сочиненіи „Geschichte des Materialismus“ (1866). Послѣдній говоритъ, что при наличности душевнаго механизма, какъ въ психологіи Герbartа, мы имѣли бы самое надежное доказательство физической закономерности всѣхъ психическихъ явленій, къ чему и стремится матеріализмъ. Штрюмпель въ своихъ „законахъ психическаго механизма“ исправляетъ увлеченія своего учителя, вводя въ закономерность психическаго механизма идеи прерывности и комбинацій въ подробномъ изложеніи четвертаго закона „образованія рядовъ“ (Gesetz der Reihenbildung), т. е. тѣ идеи, которымъ самъ Герbartъ придавалъ громадное значеніе въ другихъ отдѣлахъ своей философіи и въ педагогикѣ, но пренебрегъ въ своей психологіи, и которыя лежатъ въ основѣ новой математической науки — аритмологіи. Кромѣ того, Штрюмпель идетъ дальше и для объясненія высшихъ психическихъ явленій считаетъ необходимымъ разсматривать еще закономерности цѣлей или немеханическія нормирующія закономерности, которымъ въ математикѣ соотвѣтствуютъ закономерности, изучаемыя въ теоріи вѣроятностей.

Всѣ эти важныя дополненія гербартовскихъ изслѣдованій впервые были приведены Штрюмпелемъ въ систему въ его сочиненіи „Psychologische Pädagogik“ (1880 г.), содержаніе котораго мы изложимъ здѣсь въ краткихъ чертахъ.

„Психологическая педагогика“ Штрюмпеля содержитъ 26 главъ и представляетъ собою въ общемъ изложеніе психоло-

гическихъ вопросовъ, имѣющихъ особенное значеніе для педагогики; вслѣдствіе этого означенному сочиненію болѣе подходящимъ названіемъ было бы „педагогическая психологія“.

Въ главахъ 1—13 излагаются основы психологіи на гербартовскихъ началахъ съ дополненіями самого Штрюмпеля. Главы 14 и 15 (Die Bildsamkeit des Kindes) служатъ переходомъ ко второй части, и въ нихъ выясняется, что основной идеѣ педагогики „способности ребенка къ образованію“ (die Bildsamkeit des Kindes) могутъ удовлетворить предыдущія воззрѣнія на психологическія явленія. Дальнѣйшія главы устанавливаютъ внутреннюю связь вопросовъ педагогики и психологіи, а также развиваютъ подробно дополненія Штрюмпеля къ гербартовской психологіи.

Изъ главъ первой части особенно важны: глава 7 — „Послѣдовательная и одновременная дѣятельность представленій. Механической и нормированный ходъ представленій“, глава 8 — „Психическія причинности“ и глава 11 — „Границы психического механизма“. Въ этихъ главахъ Штрюмпель является горячимъ противникомъ матеріализма съ его стремленіемъ физическаго объясненія всѣхъ явленій духовнаго міра, но въ то же время онъ считается съ фактами, даваемыми матеріализмомъ при указаніи связи психической дѣятельности и сопутствующихъ ей физическихъ явленій. Въ главѣ 11, особенно въ ея концѣ, ясно устраняется Штрюмпелемъ всякое противорѣчіе между дѣйствующимъ механически „психическимъ механизмомъ“ и „немеханически дѣйствующими психическими причинностями“¹⁾. Здѣсь же Штрюмпель поясняетъ нормирующую дѣятельность высшихъ психическихъ

1) Конѣцъ этой главы изображаетъ соотношеніе тѣлесныхъ и душевныхъ процессовъ человѣка почти тождественно съ полученнымъ совершенно независимо математическими соображеніями представленіемъ этого соотношенія въ моемъ сочиненіи „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы“, стр. 36. Юрьевъ. 1905.

причинностей по отношенію къ механически дѣйствующимъ причинностямъ аналогіей съ нормирующею дѣятельностью чело-
вѣка въ природѣ, когда послѣдній, пользуясь силами при-
роды, направляетъ ихъ сообразно своимъ цѣлямъ, какъ это
прекрасно изображено неизвѣстнымъ поэтомъ въ отвѣтѣ че-
ловѣка суровой природѣ въ стихотвореніи ¹⁾, цитируемомъ
Н. В. Бугаевымъ, а можетъ быть имъ же самимъ составленномъ.

Болѣе определенное соотношеніе и совмѣстное существо-
ваніе въ процессахъ человѣческаго организма физико-механи-
ческихъ причинностей и немеханически дѣйствующихъ свобод-
ныхъ причинностей Штрюмпель разъясняетъ въ главѣ 18-й
въ тѣхъ строкахъ, которыя приведены ниже дословно.

Во второй части разсматриваемаго сочиненія Штрюмпеля
наиболѣе важною является глава 18 — „Законы психической
причинности, пока она имѣетъ лишь механической характеръ“.
Эта глава даетъ точныя указанія законовъ міра душевныхъ
представленій, еще ненормированнаго высшими душевными
факторами, и составляетъ дополненіе къ главѣ 6, гдѣ былъ
уже отмѣченъ прерывной, аритмологической характеръ
этого міра: движеніе, связь, раздѣленіе, сопро-
тивленіе и уступчивость (*Nachgiebigkeit*) представленій
разсматривались въ главѣ 6, какъ формальныя условія
психической причинности.

Штрюмпель устанавливаетъ здѣсь четыре закона:

1. Законъ косности (инерціи) представленій
и связанныхъ съ ними душевныхъ состояній
(*Das Gesetz der Beharrung*), заключающійся въ томъ, что каждое
состояніе души само по себѣ стремится быть неизмѣннымъ ²⁾.

1) См. „Вопросы философіи и психологіи“ кн. 45, 1898 г. или
въ моемъ сочиненіи: „Математика, какъ основаніе критики научно-
философскаго міровоззрѣнія“. 2-ое изд. Юрьевъ. 1904 г.

2) У Н. В. Бугаева, въ его монадологіи, имѣется этотъ законъ,
но разчлененный на три закона: законъ косности, законъ
монадологической солидарности и законъ капита-
лизаціи прошлаго. Другіе законы Штрюмпеля въ явной формѣ
не выражены въ монадологіи Бугаева.

Изъ этого закона вытекають такія слѣдствія : а) не требуется допущенія никакой особой „силы души“, какъ, на примѣръ памяти, чтобы сохранить содержаніе сознанія — ощущенія, представленія, понятія, чувствованія и т. д. Услышанный тонъ звучалъ бы вѣчно въ душѣ, перенесенная боль чувствовалась бы вѣчно, если бы каждое изъ этихъ состояній было только одно въ душѣ. б) Тотъ фактъ, что наше духовное состояніе не все находится въ одно время въ сферѣ сознанія, обусловливается дѣйствіемъ другихъ причинъ — существованіемъ другихъ законовъ, которымъ душа должна подчиняться одновременно съ закономъ косности. в) Каждое состояніе души по отношенію къ другимъ въ силу косности обусловливаетъ сопротивленіе, т. е. дѣйствуетъ какъ сила, благодаря чему создаются опредѣленные отношенія между состояніями души. г) Величина силы сопротивленія прежде всего можетъ быть принята пропорціональной силѣ сознанія или интенсивности дѣйствительно пережитаго душею въ данномъ состояніи, т. е. величинѣ участія инертной души въ данномъ ея состояніи. Изъ этого положенія должны исходить всѣ педагогическія правила и совѣты, на основаніи которыхъ развиваютъ самостоятельность воспитанника, дѣлають ему что-нибудь нагляднымъ и яснымъ, приводятъ его къ пониманію рассказаннаго и продуманнаго и, наконецъ, на основаніи которыхъ возбуждаютъ у воспитанника вниманіе, сочувствіе и углубленіе въ себя. е) Если какое-нибудь состояніе души изъ сознательнаго переходитъ подъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ причинъ въ безсознательное, то по устраненіи этихъ причинъ состояніе души принимаетъ прежній сознательный характеръ. Слѣдовательно, совершенно излишне понятіе о самостоятельной душевной силѣ воспоминанія. Возникновеніе въ сознаніи прежняго состоянія души происходитъ какъ естественное стремленіе послѣдняго въ силу закона косности, коль скоро исчезаетъ для него принужденіе со стороны выйти изъ сферы сознанія.

Въ отношеніи къ представленіямъ означенное стремленіе можно условно назвать „душевною способностью репродукціи“. Терминъ Гербарта „свободно поднимающееся представленіе“ вполне соответствуетъ разсматриваемому случаю. f) Наконецъ, изъ закона косности слѣдуетъ, что состоянія души, сдѣлавшись безсознательными, продолжаютъ однако вліять на сознательное душевное содержаніе и сохраняютъ, по мнѣнію Штрюмпеля, причинныя связи, которыми обладали въ сферѣ сознанія. Такимъ образомъ, сознательное душевное содержаніе детерминируется также и пережитыми душою состояніями. Отсюда вытекаетъ подтвержденіе способности души къ образованію“, какъ способности „перехода отъ неопредѣленности къ постоянству“ (Гербартъ), ибо пережитое душою въ силу вышесказаннаго, въ нѣкоторой степени опредѣляетъ ея настоящее и будущее.

2. Законъ смежности (Das Gesetz der Continuität), заключающійся въ томъ, что въ силу постулата Гербарта душа есть существо простое, недѣлимое, а посему всѣ душевныя состоянія имѣютъ взаимную связь, такъ сказать, лежатъ смежно другъ съ другомъ. Но дальше изъ словъ самого Штрюмпеля мы увидимъ, что ни терминъ „непрерывности“ (Continuität), ни терминъ, нѣсколько нами измѣненный, „смежности“ не подходятъ для 2-го закона. Здѣсь вполне подходитъ другой болѣе общій математическій терминъ — терминъ „аритмологической зависимости“; это выяснится изъ дальнѣйшихъ словъ Штрюмпеля.

Изъ 2-го закона слѣдуетъ, во-первыхъ, что не требуется никакой особенной способности или силы „синтеза“ для того, чтобы установилась связь между ощущеніями, представленіями и другими отдѣльными состояніями души, такъ какъ всякое временное проявленіе единства сознанія есть естественное слѣдствіе реального единства души. Затѣмъ, Штрюмпель выводитъ и другія детальныя слѣдствія изъ 2-го закона объ единствѣ сознанія помимо всякихъ контрастовъ и противоположностей ощущеній, представленій и стрем-

лений, особенно входитъ онъ въ детали сліянiя и соединенiя (*Verschmelzungen und Complexionen*) представлений, и вытекающія отсюда усиленiя или ослабленiя способности сопротивленiя однихъ представлений другимъ.

3. Законъ исключенiя (*Das Gesetz der Ausschliessung*), состоящій въ томъ, что каждому содержанiю сознанiя принадлежитъ единственный самостоятельный актъ, исключаящій всякій другой. Изъ этого закона прежде всего, какъ слѣдствiе, вытекаетъ объясненiе исчезанiя представленiя. Затѣмъ, изъ него совмѣстно съ закономъ смежности вытекаетъ необходимость для представленiя нѣкотораго комплекса стремиться въ сферу сознанiя, если одно изъ послѣднихъ уже находится въ сферѣ сознанiя. И т. д.

4. Законъ образованiя рядовъ (*Das Gesetz der Reihenbildung*), состоящій въ томъ, что подобныя представленiя, т. е. имѣющія нѣкоторыя тождественныя части, образуютъ рядъ представлений. Подъ рядомъ представлений здѣсь надо понимать извѣстное число приведенныхъ въ порядокъ представлений, такъ что послѣдовательность ихъ идетъ постоянно по опредѣленному правилу и вызывается сознанiе этой совмѣстной связи ихъ по опредѣленному правилу и въ опредѣленномъ порядкѣ. Штрюмпель выясняетъ большое значенiе этого душевнаго закона, безъ котораго мы не могли бы имѣть никакого представленiя о порядкѣ или правилѣ въ массѣ міровыхъ явленiй. „Въ законѣ образованiя рядовъ“, говоритъ Штрюмпель, „лежитъ первый регулятивный принципъ, который, будучи самъ механическимъ, вліяетъ властно на психическій механизмъ и понуждаетъ его образовывать въ продуктахъ то, что непосредственно не содержится въ факторахъ послѣдняго“.

Далѣе (стр. 229—232), мы находимъ въ разсчитываемомъ сочиненiи дѣйствительно классическое мѣсто — по глубинѣ мысли почтеннаго автора, которое позволимъ себѣ привести здѣсь дословно. Здѣсь выясняется именно свободо-

связность, аритмологичность¹⁾ психического механизма, дающая возможность высшимъ, не механически дѣйствующимъ причинностямъ проявлять свою нормирующую дѣятельность, дающая возможность человѣку проявлять свободу воли.

„Конечно должна существовать опредѣленная связь между двумя группами причинностей, изъ которыхъ одна представляетъ господствующую въ душѣ физическую необходимость, другая же — высшую, стоящую надъ физической необходимостью возможность дѣйствія и страданія души. Въ другомъ мѣстѣ была уже неоднократно выдвинута и обоснована та мысль, что всѣ механическія явленія служатъ собственно лишь для того, чтобы дать возможность проявленію болѣе глубокаго душевнаго содержанія и такимъ образомъ вызвать къ жизни содержанія сознанія и формы, въ которыхъ душа запечатлѣваетъ свою интеллектуальность (*intelligible Natur*) и получаетъ возможность шествовать дальше по пути высшаго и болѣе совершеннаго развитія. Когда выступаютъ эти новыя содержанія сознанія и формы, кромѣ неприняемой нами пока мѣсть во вниманіе причинности расположенія духа (*Kausalität der Stimmung*), начинаютъ свою дѣятельность тѣ причинности, которыя мы по ихъ особенностямъ различали, какъ логическую, эстетическую, нравственную и какъ причинность самоопредѣленія. Между этими послѣдними и причинностями механическими долженъ существовать, какъ было уже сказано, промежуточный членъ, въ которомъ, съ одной стороны, механизмъ продолжаетъ дѣйствовать дальше, съ другой — условіе новыхъ причинностей также содержится“.

„Роль этого посредничества въ исторіи временнаго развитія души сообщается тремъ законамъ — смежности, исключенія и образованія рядовъ и именно каждому особеннымъ образомъ, при томъ сообщается она такъ, что каждый изъ нихъ

1) Позволяю себѣ рекомендовать читателю прочесть конецъ этой главы еще разъ послѣ прочтенія слѣдующей гл. II.

воспринимаетъ нѣкоторое участіе въ совмѣстномъ дѣйствиіи всѣхъ немеханическихъ причинностей“.

„Законъ смежности имѣетъ преимущественно то послѣдствіе, что содержанія сознанія, ощущенія и представленія соединяются такимъ образомъ и попадаютъ въ такія извилины (Abläufe), что душа, когда все это придетъ въ полный покой, въ этомъ и черезъ это погружается въ состояніе эстетическихъ чувствованій. Такимъ образомъ, благодаря этому закону, дѣлается возможнымъ проявленіе эстетической причинности“¹⁾.

„Законъ исключенія имѣетъ преимущественно то послѣдствіе, что душа, коль скоро происходитъ исключеніе между двумя или нѣсколькими содержаніями сознанія, переживаетъ черезъ это логическое чувствованіе. Такимъ образомъ, благодаря этому закону, является возможность проявленію логической причинности“.

„Законъ образованія рядовъ имѣетъ преимущественно то послѣдствіе, что онъ отчасти дополняетъ и расширяетъ, какъ дѣйствія смежности и исключенія, такъ и чувствованія эстетическія и логическія, отчасти же даетъ душѣ побужденіе преобразовать ихъ въ опредѣленные содержанія представленія и перевести ихъ изъ міра чувствованій въ міръ понятій. Вслѣдствіе этого законъ образованія рядовъ вліяетъ развивающе на дѣйствія эстетическихъ и логическихъ причинностей, въ чемъ даетъ себя знать его выдающееся значеніе, какъ для эстетическаго, такъ и для интеллектуальнаго продолженія образованія (Fortbildung) души. Его значеніе для интеллектуальнаго образованія, т. е. для появленія и преумноженія знаній и познаній истинъ, выражается въ дѣйствительности въ томъ обстоятельстве, что при дальнѣйшемъ изслѣдованіи

1) Это будетъ гораздо понятнѣе, если „законъ смежности“ назвать „закономъ аритмологической зависимости“, какъ было мною предложено выше. Этотъ новый терминъ, собственно говоря, охватываетъ собою и „законъ образованія рядовъ“.

большая часть знаній и познаній, какъ это имѣетъ мѣсто въ точныхъ наукахъ, получается логическимъ образованіемъ (Fortbildung) извѣстныхъ рядовъ, какъ именно рядовъ пространственныхъ и числовыхъ. Это значеніе закона образованія документируется особенно сильно тѣмъ, что почти всѣ объяснительныя науки, прежде чѣмъ достигнуть этого высшаго логическаго характера, работали надъ систематизаціей ихъ матеріала, т. е. подъ дѣйствіемъ закона образованія рядовъ, и что въ этихъ работахъ умъ также испыталъ первыя и продолжительныя радости и отчасти еще испытываетъ и теперь. Но съ другой стороны законъ образованія рядовъ претендуетъ на особое предпочтеніе, потому что онъ способствуетъ также появленію въ душѣ нравственной причинности и посему особенно важенъ для нравственнаго и правового образованія. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что примитивныя нравственныя чувствованія имѣютъ ихъ начало сполна въ дѣйствіи рядовъ, образующихся среди представленій съ активной тенденціей, т. е. среди желаній и волевыхъ возбужденій. Это будетъ яснѣе, если обратить вниманіе на то, что всѣ отношенія между содержаніями сознанія, которыя обыкновенно носятъ спеціальныя названія соотношеній или пропорцій, также подходятъ подъ понятіе ряда. Нравственныя чувства преобразуются черезъ наиболѣе выразительное образованіе рядовъ въ нравственныя сужденія, а эти въ свою очередь логическою дѣятельностью снова систематизируются въ рядовой порядокъ“.

„Наконецъ, связь причинности самоопредѣленія съ психическимъ механизмомъ заключается въ томъ фактѣ, что послѣдній собираетъ представленія въ нѣкоторую группу, изъ которой истекаетъ сознаніе утвержденія или отрицанія. Коль скоро эти представленія налицо, они могутъ сами сдѣлаться силами, такъ что будетъ проявляться то сознаніе утвержденія, то сознаніе отрицанія. Но для того, чтобы это могло произойти, долженъ быть обоимъ доставленъ

матеріаль, а для этого служить также все то, что произведено другими причинностями. Къ послѣдному же принадлежитъ несомнѣнно тотъ фактъ, что человѣкъ чувствуетъ то влеченіе къ благоденственному состоянію (Wohlsein), то отталкиваніе отъ причиняющаго боль состоянія (Wehesein), онъ слѣдуетъ то однимъ мотивамъ, то противоположнымъ, то эстетическому сужденію, то голосу своей совѣсти, и какъ часто одно или другое появляется, можетъ выступить также познаніе, что утвердить и къ чему отнести отрицательно, вмѣстѣ съ тѣмъ — что выдвинуть какъ желательное и что — какъ нежелательное. Отсюда ясно, что лишь въ самоопредѣленіи находитъ свое окончательное завершеніе соотношеніе между механическими и свободно дѣйствующими причинностями, такъ какъ въ актахъ самоопредѣленія принимаютъ участіе всѣ остальные причинности“.

Мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи содержанія остальныхъ главъ „Психологической педагогики“ Штрюмпеля, которыя въ общемъ посвящены выводу различныхъ слѣдствій изъ предыдущихъ психологическихъ изслѣдованій, — слѣдствій, имѣющихъ значеніе для педагогики.

На изложенныхъ нами въ краткихъ чертахъ возрѣніяхъ Штрюмпеля на взаимоотношенія тѣлѣсныхъ и духовныхъ процессовъ въ человѣкѣ построена также его замѣчательная классификація педагогическихъ недостатковъ дѣтей въ сочиненіи „Die pädagogische Pathologie“.

Въ слѣдующей главѣ IV-й мы покажемъ, что означенную классификацію можно также вывести, исходя изъ понятій объ аритмологическихъ и вѣроятностныхъ причинностяхъ, слѣды которыхъ имѣются уже въ педагогическихъ изслѣдованіяхъ Гербарта и теорія которыхъ особенно подробно разработана въ трудахъ Московской математической школы. Такимъ образомъ, мы установимъ общее математическое основаніе педагогическихъ системъ Гербарта и Штрюмпеля.

ГЛАВА II.

Педагогическая патологія Штрюмпеля и ея отношеніе къ педагогикѣ Гербарта ¹⁾.

Воспитатель долженъ во всѣхъ случаяхъ придерживатьса непрерывно естественныхъ потенцій, лежащихъ въ наличныхъ фактическихъ соотношеніяхъ, какъ-то: въ индивидуальности, въ семьѣ, въ обычаяхъ и привычкахъ, въ наклонностяхъ и интересахъ и т. д.; онъ долженъ приспособить свои цѣли къ опредѣленному такимъ образомъ фактически ходу развитія, даже въ томъ случаѣ, если онъ съ ними находится въ оппозиціи.

Штрюмпель ²⁾.

Въ моей статьѣ „Ueber die Entwicklung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur- und Geisteswissenschaften“ ³⁾ были указаны слѣды понятія а р и т м о л о г и ч е с к о й или п р е р ы в н о й закономерности въ изслѣдованіяхъ двухъ Дерптскихъ профессоровъ: Г. Т э й х м ю л л е р а и Александра ф. Э т т и н г е н а. Изслѣдованія Штрюмпеля, въ которыхъ причинныя зависимости этого рода получили уже громадное практическое значеніе, были мнѣ совсѣмъ не извѣстны и съ ними я познакомился лишь послѣднее время.

Въ настоящее время я нашелъ и первоисточникъ всѣхъ этихъ идей бывшихъ дерптскихъ профессоровъ Штрюмпеля, Эттингена и Тэйхмюллера, которые столь мужественно вели борьбу противъ сильнаго, господствовавшаго теченія послѣд-

1) Содержаніе этой главы предполагалось къ напечатанію въ нѣсколько болѣе полномъ видѣ во вновь учреждаемомъ журналѣ „Vierteljahrsschrift für pädagogische Untersuchungen“, который предназначается, главнымъ образомъ, для изслѣдованій въ направленіи Штрюмпеля. Вслѣдствіе задержки, происшедшей съ изданіемъ этого журнала, моя статья напечатана въ журналѣ „Zeitschrift für Philosophie und Pädagogik“. Н. 11, 12 — 1906, Н. 1 — 1907.

2) См. статью д-ра Шпитцнера въ „Neue Jahrbücher“ von Teubner. II. Abteilung. 1899. S. 543.

3) Въ журналѣ „Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Sociologie. 1904“.

няго полустолѣтія, выразившагося въ физико-механическомъ представленіи міровыхъ явленій, и изслѣдованія которыхъ вслѣдствіе этого едва признаются точною наукою даже въ настоящее время.

Означенный первоисточникъ находится въ геніальныхъ философскихъ изслѣдованіяхъ Гербарта. Отсюда почерпнулъ свои замѣчательныя идеи и развилъ ихъ до громаднаго практическаго значенія ученикъ Гербарта — Штрюмпель. Отсюда же извлекъ многія положенія своего классическаго сочиненія „Moralstatistik“ А. ф. Эттингенъ, хотя не непосредственно, а лишь изъ различныхъ сочиненій Дробиша.

Независимо отъ Гербарта шло развитіе идеи аритмологической закономерности въ трудахъ Московской математической школы. Здѣсь эта идея была весьма подробно разработана благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ въ области теоріи чиселъ и теоріи вѣроятностей, произведеннымъ академикомъ Чебышевымъ, профессорами: Давидовымъ, Цингеромъ, Лѣтниковымъ, Бугаевымъ, Некрасовымъ и другими членами Московскаго Математическаго Общества.

Въ этой главѣ я имѣю въ виду вкратцѣ изложить нѣкоторые результаты указанныхъ изслѣдованій Московской математической школы и изъ нихъ, какъ слѣдствіе, вывести классификацію Штрюмпеля для педагогическихъ недостатковъ дѣтей, попутно же я покажу явные слѣды этихъ идей въ трудахъ Гербарта, на которыхъ въ сущности построена вся философія и педагогика послѣдняго, и лишь его математическая психологія представляетъ нѣкоторое отклоненіе отъ этихъ общихъ основаній.

Физическія причинности подлежатъ непосредственному опытному изслѣдованію и посему въ существованіи ихъ не приходится сомнѣваться. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ причинностями духовной жизни, которыя почти не поддаются внѣшнему опытному изученію и изслѣдованіе которыхъ по необходимости должно исходить изъ фактовъ внутренняго со-

знанія. Этотъ методъ однако не вполне признается точной наукой, и посему возникающія изъ него понятія многими учеными считаются просто за иллюзію человѣческаго воображенія.

Блестящее развитіе физическихъ наукъ въ истекшемъ XIX-мъ столѣтіи вполне естественно побудило ученыхъ попытаться примѣнить шаблоны физическихъ изслѣдованій также и въ наукѣ о духѣ, часто безъ достаточнаго критическаго отношенія. Такимъ образомъ произошли въ наукѣ о духѣ всевозможныя парадоксальныя гипотезы, которыхъ слѣдствія совсѣмъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Многіе ученые и философы стали утверждать, что всѣ міровыя явленія подчинены лишь законамъ физическихъ причинностей и что другихъ причинностей совсѣмъ не существуетъ. Какъ слѣдствіе изъ этого, явилось отрицаніе свободной воли и всѣхъ идеальныхъ стремленій человѣка: добро и зло, красота, справедливость стали разсматриваться какъ иллюзіи человѣческаго воображенія. Отсюда же явились въ литературныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени столь распространенныя фаталистическія и пессимистическія воззрѣнія на все человѣческое существованіе. М а т е р і а л и з м ъ или д е т е р м и н и з м ъ есть общее названіе всѣхъ этихъ научныхъ и философскихъ стремленій, получившихъ въ настоящее время столь господствующее значеніе и претендующихъ на названіе точной науки.

Однако, мало по малу, ученые стали замѣчать, что физико-механическое представленіе міровыхъ явленій ведетъ къ слѣдствіямъ, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и исключаютъ вполне естественныя этическія и эстетическія стремленія человѣка. Нѣкоторыми учеными было допущено, „что существуетъ такая дѣятельность души, которая совершенно обособленно отъ другихъ состояній и проявленій можетъ ввести въ настоящее содержаніе сознанія изъ себя самой нѣкоторое состояніе или проявленіе и при томъ безъ всякаго посторонняго содѣйствія“¹⁾. Допущеніе такой дѣятельности

1) Эти слова и нижеприведенныя взяты изъ „Psychologische Pädagogik“ Штрюмпеля. См. стр. 83.

ведеть къ понятію о трансцендентальной свободѣ воли и къ ученію о трансцендентальномъ идеализмѣ. „Причина такого допущенія“, говоритъ Штрюмпель, „заключается въ томъ, что дѣйствующія наряду съ механическими — другія, особыя, психическія причинности не были достаточно подмѣнены, и было рѣшено устранить деспотическую власть механизма простымъ ея отрицаніемъ и допущеніемъ душевной дѣятельности, стоящей внѣ всякой связи съ фактами сознанія. Наше изложеніе однако показало, что рядомъ съ механизмомъ существуютъ въ душѣ еще и другія причинности, которыя также какъ и механизмъ вырабатываютъ нѣчто новое, однако не слѣпо и бессознательно дѣйствующими основаніями, а черезъ содержанія, въ которыхъ проявляются въ сознаніи части самой сущности души, выходящія изъ предѣловъ наличнаго и его механизма сообразно съ ихъ значеніемъ и черезъ ихъ значеніе (welche über das Tatsächliche und dessen Mechanismus wegen ihres Wertes und durch ihren Wert hinausgehen)“.

Эти слова Штрюмпеля достаточно¹⁾ характеризуетъ философское направленіе, которое идетъ главнымъ образомъ отъ Гербарта и которому, по моему мнѣнію, вполне соответствуетъ названіе „реаль-идеализма“. Это направленіе, можно сказать, красною нитью проходитъ черезъ всѣ изслѣдованія Гербарта (въ противовѣсъ детерминизму и трансцендентальному идеализму), но его значеніе особенно выдвигается Гербартомъ въ вопросахъ педагогики, хотя не въ столь явной формѣ какъ у Штрюмпеля. Напримѣръ, въ своемъ критическомъ очеркѣ „Ueber das Verhältniß des Idealismus zur Pädagogik“ Гербартъ говоритъ²⁾:

„Случайно пришлось мнѣ какъ-то снова просмотрѣть „Рѣчи“ Фихте „къ нѣмецкой націи“. Весьма охотно я останавливаюсь на этомъ дѣйствительно блестящемъ моментѣ его

1) Болѣе ясно это изложено въ словахъ Штрюмпеля, приведенныхъ въ концѣ предыдущей главы.

2) Hartenstein'sche Ausgabe Bd. XI. S. 325.

жизни. Его нравственная энергия, жизненный принцип его учения болѣе подходилъ именно для дѣятельности среди громадной опасности, чѣмъ для теоріи. И въ 1808 г. онъ имѣлъ случай себя оправдать, ибо его свободное, мужественное учение стало тогда дѣйствиємъ“.

„Онъ сказалъ свое слово во время, однако это же время опредѣлило и его мысли. Песталоцци процвѣталъ, и Фихте, не предвидя истиннаго успѣха ни въ надеждахъ, ни въ сомнѣніяхъ, вдругъ сталъ педагогомъ. Конечно, весьма трудная метаморфоза для идеалиста!“

„Первое, что онъ преподнесъ, были обнаруженія полнѣйшаго детерминизма, также черезчуръ утрированные, какъ и его учение о свободѣ. Новое воспитаніе, въ противоположность старому, будто должно рѣшительно и непогрѣшимо, по правиламъ образовывать и опредѣлять дѣйствительныя жизненныя побужденія и дѣйствія ея воспитанниковъ. Будто въ расчетѣ на свободную волю воспитанника лежитъ первая погрѣшность прежняго воспитанія, ясное признаніе его безсилія и ничтожества“.

Точно также въ своей рѣчи „Ueber Erziehung unter öffentlicher Mitwirkung“ Гербартъ говоритъ ¹⁾:

„Не только въ дѣйствительно-существующихъ государствахъ, но главнѣйшимъ образомъ въ идеѣ государства, какъ послѣднее должно быть, весьма важно дать себѣ ясный отчетъ правильнаго совмѣстнаго дѣйствія многихъ и различныхъ лицъ въ отношеніи управленія и культуры. Кто этого не сдѣлалъ, тотъ, конечно, долженъ быть погруженъ въ мечтанія Руссо, которыя не потому мечтанія, что не выполнимы, но потому, что не должны и не смѣютъ (dürfen) быть выполненными. Въдѣ свобода и равенство Руссо есть равный произволъ всѣхъ; неравенство Платона есть подчиненіе всѣхъ разуму и долгу“.

Наконецъ, въ „Umriss der pädagogischen Vorlesungen“ (Einleitung § 3) Гербартъ высказываетъ свой строгій приго-

1) Ibid. S. 367.

воръ о недопустимости детерминистическихъ и трансцендентально-идеалистическихъ воззрѣній въ области педагогики:

„Философскія системы, въ которыхъ воспринять фатализмъ или трансцендентальная свобода, сами собою исключаются изъ педагогики. Въдъ онѣ не могутъ безъ непослѣдовательности вмѣстить въ себѣ понятія о способности къ образованію (Bildsamkeit), которое указываетъ на переходъ отъ неопредѣленности къ постоянству (zur Festigkeit)“.

Для того, чтобы наиболѣе рѣшительнымъ образомъ обнаружить недопустимость детерминистическихъ и трансцендентально-идеалистическихъ воззрѣній въ наукахъ о духѣ, обратимся къ математикѣ, какъ наукѣ, въ которой вылилась вся спекулятивная мощь человѣческаго духа. Гербартъ неоднократно выдвигаетъ въ своихъ трудахъ громадное значеніе математики при критической оцѣнкѣ философскихъ обобщеній и абстракцій: „обязанность математики“, говоритъ онъ, „предотвращать опасности философіи“. Точно также высоко оцѣнилъ математическія понятія другой знаменитый знатокъ человѣческой души — Фридрихъ Фрѣбель, положившій ихъ въ основаніе своего бессмертнаго метода „дѣтскихъ садовъ“ для воспитанія дѣтей младшаго возраста.

„Человѣческой духъ“, говоритъ Фрѣбель, „и математика также нераздѣльны, какъ чувствованія человѣка (Menschengeist) и религія“. „Форма, величина, число“, говоритъ онъ же ¹⁾, „столь важны для жизни, для пониманія ея формъ и образовъ, для прозрѣнія въ ихъ внутреннее содержаніе“.

Собственно говоря, математика есть ничто другое, какъ ученіе о всевозможныхъ математически мыслимыхъ формахъ причинностей, т. е. математика есть точная наука о причинностяхъ.

Хотя въ математикѣ исподволь строятся все новыя и новыя формы причинностей, чисто теоретически, помимо вся-

1) Frau Dr. H. Goldschmidt, Ideen über weibliche Erziehung. Motto zum 5. Vortrag.

кихъ практическихъ цѣлей, тѣмъ не менѣ эта въ высшей степени отвлеченная работа нашего духа имѣетъ какую-то таинственную цѣлесообразность, такъ какъ ея результаты непрестанно находятъ столь блестящія примѣненія въ другихъ наукахъ, изъ которыхъ многія имѣютъ также громадное практическое значеніе. Вышеприведенныя слова Фрѣбеля о нераздѣльности человѣческаго духа и математики вполнѣ разъясняютъ означенную таинственную цѣлесообразность и значеніе отвлеченно построенныхъ въ математикѣ шаблоновъ по отношенію къ другимъ сферамъ дѣятельности человѣческаго духа.

Въ 1900 г. мнѣ удалось доказать¹⁾, что построенная химиками съ большимъ трудомъ и послѣ многихъ споровъ атомистическая структурная теорія, которая дала почти всѣ блестящія открытія современной химіи, своими формальными методами вполнѣ совпадаетъ съ весьма спеціальнымъ отдѣломъ математики — съ символическою теоріею инвариантовъ. Въ этой главѣ я имѣю въ виду установить подобный же фактъ относительно основъ гербартовскаго философскаго и педагогическаго направленія, въ особенности въ изслѣдованіяхъ Штрюмпеля, и относительно философско-математическихъ основъ весьма разнообразныхъ изслѣдованій Московской математической школы.

Если весьма спеціальныя теоріи математики имѣютъ уже громадное значеніе для другихъ наукъ, то мы имѣемъ полное право разсчитывать, что лежащая въ основѣ всей математики классификація математически построенныхъ причинностей можетъ служить намъ руководящей нитью при разсмотрѣніи научно-философскаго міровоззрѣнія съ его системою разнообразныхъ причинностей, подобно тому какъ геометрическая классификація пространственныхъ формъ служитъ намъ при наблюденіи бесконечно-разнообразныхъ формъ и образовъ природы.

1) На русскомъ языкѣ изложено въ журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества за 1901 г. — въ статьѣ „О совпаденіи методовъ формальной химіи и символической теоріи инвариантовъ“.

Эта аналогія дае намъ поводъ разсматривать всю математику, какъ геометрію формъ и образовъ въ сферѣ физическихъ и духовныхъ причинностей.

Въ математикѣ каждая причинная связь между двумя или многими переменными величинами x , y , z устанавливается при помощи математическихъ операцій, и понятіе „причинности“ переводится въ понятіе „функціи“. Для выясненія этого мы приведемъ слѣдующій простой примѣръ:

Если какому-нибудь тѣлу сообщить нѣкоторое количество x тепла, то его температура y измѣнится. Причина измѣненія температуры y лежитъ въ тепловомъ качествѣ тѣла и въ количествѣ x , сообщаемой ему теплоты. Для математическаго построенія этой причинной связи между x и y надо найти такую математическую функцію (т. е. нѣкоторый комплексъ математическихъ операцій), которая устанавливала бы то же соотношеніе между x и y , какое въ нашемъ примѣрѣ устанавливается тепловымъ качествомъ тѣла.

Если мы обозначимъ черезъ k удѣльную теплоту тѣла (т. е. количество k теплоты нагрѣваетъ 1 фунтъ даннаго тѣла на 1°), черезъ p — вѣсъ тѣла въ фунтахъ, черезъ y_0 — температуру тѣла до нагрѣванія, то по сообщеніи тѣлу количества x тепла его температура y будетъ опредѣляться формулой:

$$y = y_0 + \frac{x}{kp}.$$

Въ этой формулѣ x называютъ независимой переменною, а y — зависимой переменною или функціей отъ x . (Въ общемъ, если y есть какая-нибудь функція отъ x , то пишутъ $y = f(x)$, или $y = F(x)$, или $y = \varphi(x)$ и т. д.).

Подобно предыдущему, дѣйствующія при расширеніи совершенныхъ газовъ причинности изображаются формулой:

$$v = \frac{v_0 p_0}{p} \left(1 + \frac{1}{273} t\right),$$

въ которой v_0 , p_0 суть объемъ и давленіе, соотвѣтствующіе

температурѣ 0^0 , а v , p — объемъ и давленіе при t^0 . Это такъ называемый законъ Гэй-Люссака въ связи съ закономъ Мариотта. Здѣсь v есть функція двухъ независимыхъ переменныхъ p и t .

Мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи безчисленныхъ типовъ математическихъ функцій, а ограничимся лишь ихъ главной классификаціей, которая приводитъ къ дѣленію всей математики на два громадныхъ отдѣла — на математическій анализъ и аритмологію.

Если независимое переменное x измѣняется непрерывно, то зависимое переменное y можетъ измѣняться или непрерывно, или же прерывно (скачкообразно). Въ первомъ случаѣ y называется непрерывною функціей отъ x , во второмъ — прерывной функціей отъ x .

Отдѣлъ математики, въ которомъ изучаются функціи перваго рода, называется математическимъ анализомъ; отдѣлъ математики, въ которомъ изучаются функціи втораго рода, называется аритмологіей.

Функція, представляющая въ вышеприведенномъ примѣрѣ измѣненіе температуры тѣла, есть функція непрерывная, но существуютъ также функціи прерывныя. Примѣромъ послѣднихъ можетъ служить весьма детально изученная Бугаевымъ функція $y = E \varphi(x)$, имѣющая то значеніе, что y равняется цѣлому числовому значенію $\varphi(x)$ ¹⁾. Для большей ясности мы разсмотримъ весьма простой случай, когда $\varphi(x)$ есть выраженіе $2x + 3$, т. е. разсмотримъ функцію $y = E(2x + 3)$, которая имѣетъ числовыя значенія, равныя цѣлымъ числамъ среди числовыхъ значеній $2x + 3$. Если $x = 0$, то $y = 3$; если $x = 0,5$, то $y = 4$.

Если же x получаетъ какое-нибудь значеніе между 0 и 0,5, то y неизмѣнно остается при значеніи 3. Отсюда

1) E обозначаетъ первую букву французскаго слова „entier“. Теоріи функцій этого типа посвящены многія изслѣдованія Бугаева, напечатанныя въ различныхъ томахъ „Математическаго Сборника“.

слѣдуетъ, что непрерывному измѣненію x между 0 и 0,5 соответствуетъ постоянное значеніе $y = 3$, которое дѣлаетъ скачекъ на значеніе $y = 4$, когда $x = 0,5$. Такимъ же образомъ идетъ измѣненіе x и y дальше: x постоянно измѣняется непрерывно, а y при этомъ или остается неизмѣннымъ, или измѣняется скачками по цѣлымъ числамъ 4, 5, 6, 7 и т. д., соответствующимъ всѣмъ значеніямъ x въ промежуткахъ 0,5 и 1, 1 и 1,5 и 2, 2 и 2,5, и т. д.

Подобное соотношеніе существуетъ въ области фізіологическихъ явленій между раздраженіемъ и ощущеніемъ: каждое ощущение (y) можетъ быть результатомъ многихъ раздраженій, или одного раздраженія (x), мѣняющагося въ извѣстныхъ предѣлахъ¹⁾.

Функции вида $y = E\varphi(x)$, въ которыхъ одно переменное измѣняется непрерывно, а другое — прерывно, называются пол у а н и л и т и ч е с к и м и. Но существуютъ также функции, въ которыхъ оба переменныхъ измѣняются прерывно. Послѣднія функции суть а р и т м о л о г и ч е с к і я ф у н к ц і и въ собственномъ смыслѣ; примѣрами такихъ функций могутъ служить числовыя функции, въ которыхъ и независимое переменное, и сама функция могутъ имѣть лишь цѣлыя числовыя значенія, т. е. могутъ измѣняться скачками по цѣлымъ числамъ.

Герbartъ придавалъ громадное значеніе изученію извѣстныхъ въ то время немногихъ аритмологическихъ функций, что видно, напримѣръ, изъ его статьи „Pestalozzi's Idee eines ABC der Anschauung“, гдѣ онъ подробно разсматриваетъ числовыя функции теоріи соединеній и теоріи фигурныхъ чиселъ²⁾.

1) А. Годыцкій - Цвирко. Точное выраженіе закона Вебера-Фехнера съ помощью прерывныхъ функций. Вопросы Философіи и Психологіи. Кн. 82. 1906 г. (Эта статья содержитъ примѣненія теоріи функций $E\varphi(x)$).

2) Hartenstein'sche Ausgabe. Bd. XI, S. 112.—116, 234—241. О значеніи соединеній на стр. 461 (Aphorismen zur Pädagogik).

Теорія непрерывныхъ функцій, или математическій анализъ, заимствовала изъ понятія непрерывности и связаннаго съ нимъ понятія предѣловъ ея могущественный методъ бесконечно-малыхъ величинъ или дифференціальное и интегральное исчисленія.

Этотъ отдѣлъ математики, благодаря работамъ геніальныхъ математиковъ послѣднихъ двухъ, трехъ столѣтій, достигъ уже весьма высокой степени развитія. Аритмологія же вслѣдствіе гораздо большей сложности ея вопросовъ, касающихся весьма разнообразныхъ формъ прерывности, въ своемъ развитіи значительно отстала отъ анализа. Наиболѣе разработанною является та часть ея, которая трактуетъ о свойствахъ функцій цѣлыхъ чиселъ и которая называется теоріей чиселъ. Лишь послѣднее время аритмологія вступаетъ въ новую фазу своего развитія и начинаетъ разсматривать вопросы болѣе общаго характера.

Кромѣ анализа и аритмологіи математика имѣетъ еще два значительныхъ отдѣла: геометрію и теорію вѣроятностей, къ которымъ вполне примѣнимы методы анализа и аритмологіи. Геометрія обладаетъ также и самостоятельными методами. Теорія вѣроятностей или точная наука о случайныхъ явленіяхъ, напротивъ того, до сихъ поръ еще не выработала самостоятельныхъ методовъ и ограничивается лишь примѣненіями методовъ анализа и аритмологіи.

Вполнѣ естественно то, что математическій анализъ, вслѣдствіе своего быстрого развитія, играетъ въ настоящее время господствующую роль среди различныхъ примѣненій математики. Съ его помощію развились механика, астрономія, физика и, наконецъ, новый отдѣлъ химіи — физическая химія или химическая энергетика. Въ этомъ и кроется, по мнѣнію Бугаева, причина того, что современныя систематизаціи явленій природы носятъ слѣдующіе слѣды непрерывныхъ функцій: 1) непрерывность явленій; 2) постоянство и неизмѣнность ихъ законовъ; 3) возможность понимать и оцѣнивать явленіе въ его элементарныхъ обнаруженіяхъ; 4) возможность складывать

элементарныя явленія въ одно цѣлое; 5) возможность точно и опредѣленно обрисовать явленіе для всѣхъ прошлыхъ и предсказать для всѣхъ будущихъ моментовъ времени.

Эти характерныя черты аналитическихъ причинностей и составляютъ какъ разъ сущность современнаго научно-философскаго міровоззрѣнія. Онѣ явились какъ понятія, безусловно необходимыя для примѣненія математическаго анализа къ изученію природы.

Послѣ того какъ аналитическое міровоззрѣніе утвердилось въ основныхъ наукахъ о природѣ и сообщило послѣднимъ общность и универсальность, оно стало входить постепенно въ привычку людей науки и проникать въ біологію, психологію и даже соціологію. Попытка Дарвина установить законъ непрерывнаго происхожденія видовъ есть ничто другое, какъ слѣдствіе сдѣлавшагося обычнымъ въ наукѣ аналитическаго міровоззрѣнія.

Универсальность и безусловная необходимость или фатальная неизбежность суть характерныя черты аналитическихъ причинностей. Наоборотъ, индивидуальность и свобода сопутствуютъ аритмологическую причинность, что особенно ясно видно на измѣненіи функціи $y = E\varphi(x)$ Бугаева.

Мы видѣли въ примѣрѣ $y = E(2x + 3)$, что каждому индивидуально стоящему значенію y (3, 4, 5 . . .) соотвѣтствуютъ свободно измѣняющіяся въ предѣлахъ 0 и 0,5, 0,5 и 1, 1 и 1,5 значенія x .

Блестящія открытія въ физикѣ и астрономіи, полученныя въ послѣднія два, три столѣтія примѣненіемъ математическаго анализа, доказываютъ вполне ясно то, что физическія и астрономическія явленія носятъ характеръ универсальности и фатальной неизбежности, иначе они не помѣстились бы въ рамки непрерывныхъ функцій, въ схемы математическаго анализа.

Остальныя явленія, рассматриваемыя въ химіи, біологіи, психологіи и соціологіи, требуютъ уже преимуще-

ственного примѣненія методовъ аритмологіи, такъ какъ въ нихъ замѣтна роль индивидуальности и свободы. Конечно, совсѣмъ нѣтъ основанія навязывать этой категоріи явленій понятія универсальности и фатальной неизбежности, необходимыхъ лишь для примѣненій анализа и непригодныхъ для методовъ аритмологіи. Къ сожалѣнію, исторія развитія химіи, наукъ біологическихъ и социальныхъ даетъ много примѣровъ навязыванія этимъ наукамъ, наперекоръ дѣйствительности, чуждыхъ имъ понятій непрерывныхъ причинностей. Это удалось мнѣ особенно ясно показать относительно химіи.

Въ цѣломъ рядѣ работъ, особенно же подробно въ ранѣе указанной статьѣ въ Журналѣ Русск. Физ.-Хим. Общества, доказано мною, что химическія изслѣдованія, не смотря на старанія знаменитаго французскаго химика Бертолле ихъ механизировать и вдвинуть въ схемы математическаго анализа, сами собою выбились на путь аритмологическій и такимъ образомъ обнаружили прерывный характеръ химическихъ причинностей.

Просматривая труды Гербарта по метафизикѣ, я недавно нашелъ и у него (*Hartenstein'sche Ausgabe, Bd. II, S. 468—473*) довольно пространную критику изслѣдованій Бертолле, основанную на идеѣ о прерывности. Это обстоятельство навело меня на мысль о значеніи указанной идеи для всего гербартовскаго направленія, и дальнѣйшее изученіе трудовъ Гербарта подтвердило мнѣ справедливость этой мысли относительно всей философіи Гербарта, за исключеніемъ его психологіи.

Съ этой точки зрѣнія геній Гербарта почти сто лѣтъ тому назадъ прозрѣлъ, что воззрѣнія Бертолле чужды характеру химическихъ явленій, и позднѣйшее развитіе химіи вполне оправдало мысли Гербарта. Именно теорія соединеній, которой Гербартъ приписывалъ столь большое значеніе въ дѣлѣ обученія, въ ея дальнѣйшемъ развитіи въ формѣ атомистической структурной теоріи обусловила быстрое блестящее развитіе химіи за послѣднія 30 лѣтъ.

Однако самъ Гербартъ въ своихъ математико-психоло-

гическихъ изслѣдованіяхъ отступилъ отъ общей идеи своей философіи и сдѣлалъ ошибку, подобную ошибкѣ Бертолле: онъ попытался примѣнить къ изслѣдованію психическихъ процессовъ методы математическаго анализа, вслѣдствіе чего ему пришлось навязать всѣмъ психическимъ процессамъ излишнюю механичность, впасть въ несвойственный его философіи матеріализмъ. Эти изслѣдованія Гербарта вполне вѣрны лишь для низшихъ психическихъ явленій, какъ показываютъ изслѣдованія Штрюмпеля, высшіе же процессы требуютъ методовъ теоріи соединеній или вообще аритмологическихъ приѣмовъ, такъ какъ въ направленіи механико-аналитическомъ ни Гербарту, ни его послѣдователю Дробишу изучить ихъ не удалось. Въ нѣкоторомъ отношеніи математическую психологію Гербарта можно уподобить, по ея въ общемъ громадному значенію для психологіи, элементарной геометріи Эвклида, которая хотя и имѣетъ колоссальное значеніе для всѣхъ геометрическихъ изысканій, однако ея принципы пришлось расширить и дополнить при изученіи высшихъ геометрическихъ вопросовъ, и такимъ образомъ появились новые отдѣлы геометріи: аналитическая геометрія, геометрія бесконечно-малыхъ величинъ, высшая геометрія, числовая геометрія и, наконецъ, неэвклидова геометрія или воображаемая геометрія Лобачевского. Если сравнительно простые геометрическіе вопросы потребовали столь много научныхъ системъ для ихъ изслѣдованія, то безъ всякаго сомнѣнія область психическихъ явленій не можетъ быть сполна изучена математическими методами Гербарта, тѣмъ болѣе что послѣдніе носятъ черезчуръ механической характеръ. Это понялъ 23-лѣтній ученикъ Гербарта — Штрюмпель и сталъ стремиться дополнить математическую психологію своего учителя извѣстными уже намъ новыми принципами немеханическаго характера.

Если даже химическіе атомы для изслѣдованія ихъ свойствъ потребовали аритмологическихъ методовъ, допускающихъ проявленіе свободы и индивидуальности изучаемыхъ элементовъ, то безспорно подлежатъ изслѣдованію по схемамъ аритмологіи

свойства и взаимоотношенія элементовъ біологическихъ и соціальныхъ, обладающихъ еще болѣе сложными индивидуальными свойствами и несомнѣнными началами свободы.

Знаменитая теорія Дарвина въ дальнѣйшихъ своихъ примѣненіяхъ служитъ прекраснымъ примѣромъ навязыванія міру живыхъ существъ неисчерпывающей всѣхъ его свойствъ непрерывной закономѣрности. И дѣйствительно, въ настоящее время въ біологіи вырабатываются уже аритмологическія теоріи — мутаціонная теорія де-Вриза и теорія гетерогенезиса покойнаго академика Коржинскаго. Все это было уже четверть вѣка тому назадъ категорически предсказано Тэйхмюллеромъ при помощи спекулятивныхъ соображеній, отчасти математическаго характера, въ его знаменитой критикѣ дарвинизма ¹⁾.

Что касается соціологіи, то здѣсь много заблужденій и много совершенно превратныхъ воззрѣній на все человѣческое существованіе внесъ кетлеизмъ, происшедшій изъ неправильныхъ постулатовъ „соціальной физики“ знаменитаго бельгійскаго астронома и соціолога Кетле.

Само названіе „соціальная физика“ характеризуетъ сполна заблужденія, созданныя кетлеизмомъ. Попытка навязать соціальнымъ явленіямъ при ихъ изслѣдованіи шаблоны физическихъ причинностей, со свойственною послѣднимъ непрерывною закономѣрностію и фатальною неизбѣжностью, создала столько печальныхъ заблужденій, которыя уже болѣе полустолѣтія тяготѣютъ надъ интеллигентными классами. Эти заблужденія произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе отрицанія свободы воли и свободы дѣйствія человѣка и подчиненія послѣдняго фатальной необходимости.

Александръ ф. - Эттингенъ основательно возражалъ на неправильныя допущенія кетлеизма въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Moralstatistik“ ²⁾. Н. В. Бугаевъ показалъ при-

1) Darwinismus und Philosophie. Dorpat. 1877.

2) Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für eine Socialethik. 3. Auflage. 732-+CLII стр. Erlangen. 1882.

веденными выше вкратцѣ философско-математическими изслѣдованіями, что понятіе свободы не исключается математическимъ детерминизмомъ, если въ послѣднемъ приняты въ расчетъ аритмологическія функціи.

П. А. Некрасовъ совершенно разрушилъ эти заблужденія, доказавъ строго математически, что свобода воли человѣка не только совмѣстима съ грандіозною закономѣрностію соціальныхъ явленій, но есть даже *conditio sine qua non* существованія этой закономѣрности. Это замѣчательное предложеніе П. А. Некрасовъ получилъ, какъ прямое слѣдствіе изъ главнаго условія теоремы Чебышева о среднеарифметической нѣсколькихъ величинъ: „Случайныя массовыя событія должны быть независимы другъ отъ друга; только въ этомъ случаѣ примѣненіе средне-арифметической даетъ вѣрные результаты, въ противномъ же случаѣ — никогда“.

Такъ какъ результаты примѣненія средне-арифметической къ явленіямъ соціальнымъ дали правильныя, повторяющіяся изъ года въ годъ числа, то надо признать, что въ человѣческой дѣятельности имѣется такой факторъ, который рационально изолируетъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Для поясненія этого рассмотримъ слѣдующій наглядный примѣръ.

Если въ какомъ-нибудь большомъ городѣ число пожаровъ отдѣльныхъ домовъ повторяется изъ года въ годъ лишь съ небольшими отклоненіями, то на основаніи главнаго условія теоремы Чебышева мы можемъ утверждать, что городъ имѣетъ рационально организованную изоляцію (брандмауэрами, значительными разстояніями, хорошими пожарными средствами и т. д.), т. е. что пожаръ одного дома есть случайное явленіе, независимое отъ пожара сосѣдняго дома.

Такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ методовъ теоріи вѣроятностей — аритмологическій методъ среднихъ величинъ примѣнимъ только въ томъ случаѣ, когда случайныя событія соціальной жизни матеріально разграничены, индивидуализированы, а ихъ связь остается лишь внѣ нашего чувственнаго міра, связь метафизическая, однако вполне закономѣрная, такъ

какъ она поддается точному изслѣдованію при помощи теоріи вѣроятностей. Эта связь рациональная, потому что она, какъ мы видимъ, познается при помощи теоріи вѣроятности, которая, по словамъ Лапласа, „есть ничто другое, какъ здравый смыслъ переложенный на счеты: она доставляетъ средства опредѣлять съ точностью то, что вѣрный умъ постигаетъ по инстинкту, часто не отдавая себѣ сознательнаго отчета“. Слѣдовательно, случайныя явленія въ соціальной жизни людей, кажушіяся на первый взглядъ неподчиненными никакому закону, при ближайшемъ разсмотрѣніи обладаютъ закономѣрностью, но закономѣрностью совсѣмъ особаго характера, не основанною на законѣ причинности, а покоящеюся на законахъ цѣлей, поставляемыхъ ограниченному уму чело-вѣка абсолютнымъ Интеллектомъ.

Несмотря на то, что эти новыя формы причинностей, проявляемыхъ духовною жизнью людей, подлежатъ аритмологическимъ и даже аналитическимъ методамъ изслѣдованія, для нихъ будутъ несомнѣнно выработаны спеціальныя вѣроятностныя методы, которые дадутъ возможность еще глубже проникнуть въ ихъ таинственныя свойства.

Современная теорія вѣроятностей убѣждаетъ насъ лишь въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые наиболее простые случаи этихъ формъ причинностей мыслимы математически. Въ геометріи тоже имѣются спеціальныя вопросы, которые не поддаются рѣшенію съ помощью аналитическихъ и аритмологическихъ методовъ, а требуютъ особыхъ чисто геометрическихъ приѣмовъ изслѣдованія.

Наши предыдущія изслѣдованія приводятъ насъ къ тому заключенію, что всего существуетъ три главныхъ класса математическихъ причинностей: 1) аналитическія или непрерывныя, 2) аритмологическія или прерывныя и 3) вѣроятностныя или свободныя причинности съ характеромъ телеологическимъ.

Дабы избѣжать вредной односторонности въ научныхъ

изслѣдованіяхъ явленій физическихъ и духовныхъ, необходимо имѣть въ виду всѣ эти три главныхъ класса математически мыслимыхъ причинностей. Съ такой точки зрѣнія сложнѣйшіе въ мірѣ процессы — жизненные процессы человѣка могутъ быть представлены безъ противорѣчій слѣдующей схемой.

Уже фізіологическіе процессы человѣка должны подлежать дѣйствию весьма разнообразныхъ аритмологическихъ причинностей, такъ какъ даже химическіе процессы, какъ мы показали выше, носятъ аритмологическій характеръ. Факторы внѣшняго міра могутъ дѣйствовать на фізіологическій механизмъ человѣка только въ томъ смыслѣ, что послѣдній въ извѣстные моменты принужденъ совершать вполне опредѣленные движенія, въ другіе же промежутки времени, повторяющіеся даже весьма часто, направленіе движенія можетъ быть неопредѣленнымъ — или въ одну сторону, или въ другую, или въ третью и т. д., при томъ безъ малѣйшаго нарушенія физическихъ законовъ. Такія причинныя соотношенія съ извѣстной долей свободы знакомы намъ изъ разсмотрѣнія функціи $y = E(2x + 3)$.

Подобное представленіе свободныхъ явленій міра, хотя въ довольно примитивной и неясной формѣ, мы находимъ у Гербарта въ его предисловіи ко 2-му тому метафизики: „Повсюду (въ его метафизикѣ) будетъ обнаруживаться, что объясненіе міра явленій подобно разрѣшенію уравненія съ помощью ихъ невозможныхъ корней, которые, хотя и невозможны, однако должны быть точно и вѣрно опредѣлены, дабы вычисленіе пунктуально достигло его цѣли“.

Въ вышеуказанныхъ критическихъ промежуткахъ времени, въ которыхъ направленіе движущагося подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ факторовъ фізіологическаго механизма остается неопредѣленнымъ, это направленіе выбирается взвѣшиваніемъ цѣлей, т. е. чисто духовной работой души и безъ примѣненія матеріальной энергіи. Здѣсь жизненный процессъ протекаетъ,

слѣдовательно, въ томъ или другомъ направленіи подѣ дѣйствіемъ причинностей вѣроятностныхъ.

Означенные критическіе моменты въ движеніи фізіологическаго механизма, которые столь благопріятны для свободнаго дѣйствія чловѣка, могутъ быть весьма часты, если организація индивидуума достигаетъ сравнительно высокой степени развитія, и весьма рѣдки, если индивидуумъ находится на низшей ступени развитія организма или если онъ обладаетъ различными тѣлесными недостатками.

Эти разсужденія приводятъ насъ прямо къ первой группѣ педагогическихъ недостатковъ дѣтей по классификаціи Штрюмпеля:

1. Группа недостатковъ, проистекающихъ изъ преобладанія тѣлесныхъ вліяній надъ психическими процессами.

Наши предыдущія изслѣдованія вполне выясняютъ, какое „преобладаніе тѣлесныхъ вліяній на психическіе процессы“ имѣется въ виду въ этой формулировкѣ Штрюмпеля. Низкое качество связи матеріальныхъ элементовъ живого организма, съ преобладаніемъ физическихъ, т. е. непрерывныхъ причинностей, похищаетъ у организма свободу проявленія его психическихъ свойствъ, давитъ его духовную самостоятельность и самодѣятельность и заставляетъ его быть игрушкой суровой физической природы. Такое именно „преобладаніе“ вліяній мертвой природы надъ психическими процессами въ живомъ организмѣ характеризуетъ первую штрюмпелевскую группу недостатковъ.

Въ своей „Die pädagogische Pathologie“ (S. 201) Штрюмпель перечисляетъ главнѣйшіе виды относящихся сюда недостатковъ дѣтей, съ которыми приходится считаться при обученіи и воспитаніи:

Изнѣженность, вялость, недостатокъ тѣлесной подвижности, любовь къ удобству, инертность, лѣность. — Застѣнчивость, склонность къ плачу, къ испугу, къ боязни, слабость — въ смыслѣ большой чувствительности и чрезмѣрной раздражимости,

вообще многія проявленія такъ называемой нервозности, которая уже у дѣтей бываетъ нерѣдко. — Недостатокъ чувствительности по отношенію внѣшнихъ вліяній какъ толчокъ, давленіе; нечистоплотность (Unreinlichkeit) именно въ отношеніи Secretionsorgane. — Лакомство, вообще наклонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, половыя заблужденія. — Вспыльчивость, кипятливость (sich leicht ereiferndes, aufbrausendes Wesen), наклонность сердиться, наклонность вдругъ разсердиться, частое удрученное состояніе и упадокъ духа, чрезмѣрная рѣзкость въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, слишкомъ неспокойное поведеніе, т. е. не быть въ состояніи смирно сидѣть или стоять, спокойно держать руки, пальцы и т. д., распушенность, смѣхъ не во время, неудержимая веселость. — Своеволіе съ шумными движеніями, съ крикомъ и плачемъ. — Недостатокъ или совершенное отсутствіе сочувствія печалямъ, страданіямъ, радостямъ другихъ. — Холодность (Empfindungskälte), наклонность къ жестокости, вообще грубость въ различныхъ видахъ. — Часть недостатковъ рѣчи и произношенія; и другіе.

Къ этой же группѣ Штрюмпель относитъ принадлежащіе болѣе медицинской патологіи недостатки: истерическія явленія, идіотическія состоянія и въ особенности всѣ случающіеся также въ дѣтскомъ возрастѣ психозы.

„Изъ самой сущности предположеннаго источника этихъ недостатковъ“, говоритъ Штрюмпель, „слѣдуетъ то, что обыкновенные недостатки этой группы должны быть отнесены къ различіямъ тѣлесной конституціи, прирожденнаго — des Naturells (также темперамента, если о немъ можетъ быть рѣчь относительно дѣтей), также аффектовъ, наклонностей, инстинктивныхъ стремленій (Triebe), чувственныхъ стремленій, страстей, задержекъ и ускоренностей движеній, вообще они должны быть отнесены также къ различіямъ въ состояніи тѣлеснаго здоровья. Здѣсь находитъ себѣ дѣйствительное оправданіе изреченіе „mens sana in corpore sano“, которое выражаетъ не цѣль педагогики, но существенное условіе, при

которомъ воспитаніе можетъ надѣяться достигнуть своихъ видовъ и цѣлей наиболѣе надежнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого съ означенными недостатками должно имѣть дѣло, наиболѣе и главнымъ образомъ при сообщеніи тѣлу силы и при укрѣпляющемъ тѣло и душу управленіи (Regierung) ребенкомъ“.

Въ полномъ согласіи съ этими принципами Штрюмпеля находятся педагогическія воззрѣнія Бугаева, которыя были высказаны послѣднимъ въ Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію средней школы¹⁾ и которыя суть прямые и послѣдовательно продуманные выводы изъ философско-аритмологическихъ изслѣдованій покойнаго математика. Въ этихъ своихъ воззрѣніяхъ Бугаевъ является горячимъ поборникомъ того, чтобы школа озаботилась воспитаніемъ и развитіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, потому что ощущенія даютъ реальное содержаніе и конкретную форму нашимъ представленіямъ, а, слѣдовательно, и нашимъ понятіямъ и сужденіямъ. Для развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ прежде всего требуется гигиеническій уходъ за ихъ отправленіемъ, а затѣмъ — упражненіе этихъ органовъ при помощи изученія такихъ предметовъ, гдѣ приходится прибѣгать къ наблюденію дѣйствительности, природы, дѣлать описанія, сравненія, гдѣ имѣются формы и краски. Даже общими мускульными упражненіями нельзя пренебрегать, такъ какъ они способствуютъ правильному развитію всего организма вообще и органовъ внѣшнихъ чувствъ въ частности.

„Здоровье, внѣшнія чувства и эмоціи, правильно развитыя воспитаніемъ и наблюденіемъ“, говоритъ Бугаевъ, „это та черноземная почва, на которой покоятся и самыя дарованія и великіе таланты“.

1) Труды этой комиссіи въ настоящее время напечатаны. Нѣкоторыя цитаты словъ Бугаева имѣются въ моемъ сочиненіи: „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы. Юрьевъ 1905.“

„Только на почвѣ правильно развитыхъ внѣшнихъ чувствъ можетъ сформироваться и большой здравый смысл — элементъ, столь необходимый для всякой личной и общественной жизни“.

„Повторяю, плохо развитыя внѣшнія чувства ослабляютъ содержаніе и силу интеллектуальныхъ проявленій человѣка“.

„Мало того, они притупляютъ и развитіе многихъ эмоцій, и въ особенности одной наиболѣе важной эмоціи — эстетической. Недаромъ говорятъ нѣкоторые художники, что искусство есть мышленіе въ образахъ“.

„Какъ же правильно развиться эстетическому чувству, если за мышленіемъ или вовсе не стоитъ, или стоитъ блѣдный и безсодержательный образъ“.

Продолжимъ наши изслѣдованія о дѣятельности человѣческаго организма и разсмотримъ форму связи фізіологическаго механизма съ душою. Послѣдняя, по Гербарту, есть существо реальное и въ соединеніи съ тѣлеснымъ механизмомъ она даетъ новый подвижной механизмъ, который Штрюмпель называетъ психическимъ механизмомъ; это есть ничто другое, какъ комплексъ представленій, образуемыхъ въ душѣ фізіологическими процессами.

Низкое качество соединеній въ этомъ механизмѣ обусловливаетъ вторую группу недостатковъ по классификаціи Штрюмпеля :

2. Группа недостатковъ, обусловливаемая нарушеніями равновѣсія (Störungen und Alterationen) и дефектами, которые появляются въ психическомъ механизмѣ изъ внутреннихъ основаній.

Штрюмпель перечисляетъ главнѣйшіе педагогическіе недостатки, относящіеся къ этой группѣ :

Затрудненное и недостаточное удержаніе видѣннаго, слышаннаго, вообще воспринятаго внѣшними чувствами, трудное и медленное заучиваніе наизусть. Затрудненное и медленное воспоминаніе, частое появленіе неправильной репродукціи, частое

смѣшиваніе одного съ другимъ въ актѣ представленія, слабая ограниченная и медленная репродукція, хотя быстрое схватываніе и удержаніе представленій, но и быстрое забываніе, и другіе, такъ называемые, недостатки памяти. — Слишкомъ быстрое теченіе представленій и скачкообразные переходы однихъ въ другія. Безсмысленная (*ausschweifende*) фантазія, склонность къ фантазмамъ (*Phantasmen*), съ чѣмъ родственны смѣшанные и между ними также возбуждающіе юморъ поступки дѣтей. — Невнимательность въ первичномъ смыслѣ, т. е. слабое и недостаточное увеличеніе дѣятельности представленія и отсюда же, такъ сказать, безпросвѣтность представленнаго, поверхностное отношеніе при смотрѣніи и слуханіи, вообще поверхностное разсмотрѣніе и наблюденіе. — Болтливость, склонность вмѣшиваться въ разговоры (*Naseweisheit*). Склонность къ разсѣянности, при чемъ представленія блуждаютъ безъ определенныхъ мотивовъ, забывчивость, перебѣганіе съ одного на другое (*Flüchtigkeit*) вслѣдствіе недостаточнаго углубленія въ представленіе. — Недостатокъ фантазіи среди представленій воспоминанія, т. е. трудность представить отсутствующее, недостатокъ фантазіи пространства, времени, чиселъ и ритма, неправильное или недостаточное чувство порядка какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Затрудненное и медленное пониманіе обыденной рѣчи вслѣдствіе недостаточнаго воспріятія (*Perception*) или недостаточнаго усвоенія (*Apperception*). — Затрудненное и медленное пониманіе грамматической и логической связи представленій, т. е. трудное образованіе понятій. — Недостатокъ воспримчивости для новыхъ представленій, отсутствіе интереса къ чему-нибудь, отсутствіе концентраціи актовъ представленій, выходящихъ изъ предѣловъ самыхъ обыкновенныхъ, т. е. отвердѣніе представленнаго безъ перехода въ стремленіе (интересъ), отвращеніе къ духовной работѣ, лѣность въ мышленіи. — Безпомощность даже въ самыхъ обыкновенныхъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ, неловкость при отсутствіи всякаго тѣлеснаго недостатка. — Нерѣшимость, блужданія безмотивныхъ представленій уже во время появленія

желанія. Недостатокъ памяти въ желаніяхъ. Капризы (Launenhaftigkeit) вслѣдствіе слишкомъ большого или слишкомъ продолжительнаго возбужденія при кажущейся обидѣ или отказѣ въ чемъ-нибудь. — Другая часть недостатковъ рѣчи и произношенія; и другіе.

Недостатки этой группы можно раздѣлить, по моему мнѣнію, на двѣ подгруппы: къ первой подгруппѣ принадлежатъ недостатки, характеризуемые слабостью напряженія представленія, т. е. недостаточностью ихъ интенсивности; ко второй подгруппѣ слѣдуетъ отнести недостатки, характеризуемые низкимъ качествомъ а р и т м о л о г и ч е с к и хъ связей, которыя господствуютъ во взаимныхъ соединеніяхъ представленій, т. е. низкимъ качествомъ такого рода, что движенія представленій при переходѣ ихъ въ стремленіе обладаютъ слишкомъ малой степенью свободы для того, чтобы имѣть возможность подчиниться внутреннимъ качествамъ души съ ихъ вѣроятностными причинностями. Это подраздѣленіе на двѣ подгруппы можно усмотрѣть и у Штрюмпеля въ слѣдующихъ его словахъ:

„Недостатки этой группы лежатъ, такимъ образомъ, преимущественно въ жизни представленій дитяти и въ ея недостаточной конституціи, — недостаточной для образованія логическихъ причинностей и для необходимыхъ сочетаній ихъ съ переходящими въ стремленіе и желаніе представленій. Поэтому они принимаются во вниманіе, насколько они имѣются налицо, для выясненія и оцѣнки такъ называемыхъ интеллектуальныхъ способностей въ предѣлахъ между малопонятностью, ограниченностью, полною тупостью и талантомъ, гениемъ. Вслѣдствіе этихъ основаній съ означенными ошибками приходится имѣть дѣло преимущественно при обученіи (Unterricht)“.

При воздѣйствіи вѣроятностныхъ причинностей на представленія, переходящія въ стремленіе и желанія, могутъ возникнуть недостатки, составляющіе третью группу классификаціи Штрюмпеля:

3. Г р у п п а н е д о с т а т к о в ѣ , п р о и с х о д я -

щихъ изъ неправильныхъ соотношеній между психическимъ механизмомъ и свободными причинностями, равно какъ и изъ дефектовъ послѣднихъ.

Вѣроятностныя причинности свободны, независимы отъ условій внѣшняго чувственнаго міра, какъ это мы видѣли изъ предложенія Чебышева-Некрасова, однако ихъ дѣйствія вполне закономѣрны и подлежатъ точнымъ математическимъ изслѣдованіямъ теоріи вѣроятностей. Эти дѣйствія не имѣютъ характера абсолютной необходимости причинностей физическихъ, они имѣютъ характеръ понужденій, мѣрныхъ вліяній¹⁾, хотя часто при благопріятныхъ условіяхъ вліяніе можетъ перейти въ необходимость. Здѣсь такимъ образомъ имѣетъ мѣсто главная задача воспитанія — создать и закрѣпить означенныя благопріятныя условія при воздѣйствіи вѣроятностныхъ причинностей на теченіе представленій и черезъ это на желанія и дѣйствія воспитанника. Эти наши соображенія дѣлаютъ вполне понятнымъ то, какъ осуществляется „понятіе о способности къ образованію (Bildsamkeit), которая есть переходъ отъ неопредѣленности къ постоянству“ (Herbart's Umriss der pädagogischen Vorlesungen. Einleitung § 3).

Возможность такого перехода отъ вѣроятностей и случайностей къ достовѣрностямъ и законностямъ при операціяхъ съ вѣроятностными причинностями доказывается многочисленными изслѣдованіями теоріи вѣроятностей и ея разнообразными приложеніями къ соціальнымъ явленіямъ. Нѣчто подобное имѣется также въ теоріи мнимыхъ количествъ, играющихъ столь важную роль въ изслѣдованіяхъ современной математики: здѣсь оперируютъ съ различными мнимыми количествами, а въ результатѣ получаютъ вполне реальныя величины.

1) О понятіи мѣры и направленія такихъ вліяній читатель можетъ найти въ моей статьѣ: „Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія.“ 2-е изд. стр. 29. Юрьевъ. 1904.

Родственность вѣроятностныхъ причинностей со способностями сужденія или, по терминологіи Штрюмпеля, со свободно дѣйствующими причинностями вполне устанавливается вышеприведенными словами Лапласа: „Теорія вѣроятностей въ сущности есть ничто иное, какъ здравый смыслъ, переложенный на счеты: она доставляетъ средство опредѣлять съ точностью то, что вѣрный умъ постигаетъ по инстинкту, часто не давая себѣ сознательнаго отчета“.

Штрюмпель различаетъ пять видовъ свободно дѣйствующихъ причинностей: 1) Причинность душевныхъ чувствованій (*die Kausalität des Gefühlslebens der Seele*), которая вызываетъ образы благоденствія и страданія, счастья и несчастнаго бытія; 2) логическая причинность (*die logische Kausalität*), которая обуславливаетъ своею дѣятельностью пониманіе и разумъ (*Verstand und Vernunft*); 3) эстетическая причинность (*die ästhetische Kausalität*), которая обуславливаетъ пониманіе и расположеніе къ вѣчно-прекрасному (*ewig Schönes*); 4) причинность совѣсти (*die Kausalität des Gewissens*), которая приводитъ къ сознанію вѣчно-нравственныхъ истинъ (*ewig sittliche Wahrheiten*); 5) причинность самопредѣленія или свободы воли (*die Kausalität der Selbstbestimmung oder der Willensfreiheit*), которая дѣлаетъ возможнымъ то, что опредѣленное другими причинностями общее сознаніе обратилось бы въ самостоятельную, стремящуюся къ совершенству личность¹⁾.

Вышеприведенныя слова Лапласа устанавливаютъ тождество разсматриваемыхъ въ теоріи вѣроятностей причинностей съ формами логической причинности Штрюмпеля. Возможно ли и другія свободно дѣйствующія причинности Штрюмпеля сполна вдвинуть въ шаблоны вѣроятностныхъ причинностей, въ этомъ

1) См. Strümpell „Psychologische Pädagogik“. Leipzig. 1880. Achtes Kapitel, S. 61—89.

при настоящемъ состояніи теоріи вѣроятностей приходится сомнѣваться. Тѣмъ не менѣе и тѣ, и другія обладаютъ значительнымъ родствомъ, такъ какъ соціальныя явленія, въ которыхъ дѣйствуютъ, конечно, всѣ виды свободныхъ причинностей души человѣка, подлежатъ изслѣдованіямъ методами теоріи вѣроятностей. Весьма возможно также, что теорія вѣроятностей при ея дальнѣйшемъ развитіи выработаетъ новые виды своихъ причинностей, которые будутъ болѣе родственны другимъ свободно дѣйствующимъ причинностямъ Штрюмпеля, чѣмъ ея современныя.

Общее свойство всѣхъ свободно дѣйствующихъ причинностей Штрюмпеля есть несомнѣнно цѣлесообразность ихъ дѣйствій. Даже у эстетической причинности нельзя не признать этого свойства, хотя цѣли прекраснаго часто бываютъ столь далеки нашему сознанію. „Красота“, говоритъ Кантъ, „есть форма цѣлесообразности нѣкотораго предмета, на сколько она воспринимается на послѣднемъ безъ представленія самой цѣли“ 1).

О родственномъ отношеніи между различными формами свободныхъ причинностей и о громадномъ значеніи для человѣческихъ желаній и дѣйствій эстетической причинности высказалъ Бугаевъ въ вышеупомянутой комиссіи весьма важныя мнѣнія, которыя стоятъ весьма близко къ гербартовскимъ воззрѣніямъ „объ эстетическомъ изображеніи міра, какъ главномъ занятіи воспитанія“ 2).

„Правильное развитіе эстетической эмоціи нужно не одному писателю и художнику; оно необходимо и ученому. Умственные операціи приобрѣтаютъ особую силу, когда онѣ сопро-

1) „Schönheit ist Form der Zweckmässigkeit eines Gegenstandes insofern sie ohne Vorstellung eines Zweckes an ihm wahrgenommen wird“.

2) Статья Гербарта „Ueber die ästhätische Darstellung der Welt als das Hauptgeschäft der Erziehung“ служитъ приложеніемъ къ его „Umriss pädagogischer Vorlesungen“ (Bartolomäi'sche Ausgabe, S. 391. Bd. I.).

вождаются стройностью и художественностью изложения. Ученному необходимо не только доказывать, но и убеждать“.

„Мы въ значительной степени замѣчаемъ упадокъ эстетическихъ эмоцій и на литературномъ стилѣ теперешнихъ писателей и на нашемъ неуваженіи къ родному языку. Богатый русскій языкъ загрязняется и обезличивается на нашихъ глазахъ“.

„Какъ далеко мы ушли въ этомъ направленіи отъ Пушкина и Лермонтова. Конечно, не вся вина въ этомъ лежитъ на одномъ утилитарномъ направленіи нашего общества. Значительная часть вины въ этомъ падаетъ на нашу школу, которая въ погонѣ за формами разныхъ языковъ позабыла то, что придаетъ особенную силу, конкретность, гармонию и художественную красоту рѣчи“.

„Эстетическія эмоціи нужны для облагороженія челоуѣка и для внесенія идеальнаго элемента въ наше общество. Онѣ необходимы также для правильнаго проявленія воли“.

„Идеи цѣлесообразности и активности лежатъ въ тѣсной связи съ эстетическими чувствами гармоніи, соответствія и свободнаго художественнаго творчества“.

„Не должно въ школѣ все направлять такъ, чтобы въ учащемся развивались только одни пассивные добродѣтели и таланты. Не одно пассивное знаніе имѣетъ значеніе. Для челоуѣка необходимо, чтобы знаніе было дѣятельно, чтобы оно могло приспособляться къ проявленію активной стороны челоуѣка“

„Знаніе должно служить на пользу окружающей среды, должно возбуждать волю къ дальнѣйшему самостоятельному и самодѣятельному развитію. Гдѣ нѣтъ активности, тамъ нѣтъ и творчества. Творчество же играетъ великую роль въ жизни каждаго общества“.

„Настоящая школа, воспитывая и отдавая предпочтеніе пассивной сторонѣ духа надъ активной, какъ бы обнаруживаетъ сочувствіе буддійской нравственности“.

„Наша христіанская точка зрѣнія требуетъ, чтобы челоуѣкъ свободно, самодѣятельно и самостоятельно стремился къ совершенствованію себя и другихъ“.

„Въ словахъ Спасителя „Царствіе Божіе завоевывается силою“ (усилиемъ) мы должны находить основаніе для пріученія нашихъ молодыхъ поколѣній къ свободному и самостоятельному развитію“.

Эти слова покойнаго математика приведены мною съ тою цѣлью, чтобы показать его глубоко продуманное мнѣніе о взаимномъ отношеніи свободныхъ причинностей человѣческой души и такимъ образомъ оправдать для послѣднихъ названіе вѣроятностныхъ, которое при современномъ состояніи теоріи вѣроятностей, строго говоря, можно приписать лишь логическимъ причинностямъ.

Теперь мы перейдемъ къ третьей группѣ недостатковъ дѣтей по классификаціи Штрюмпеля, которая была уже указана нами выше и теперь послѣ выясненія характера свободно дѣйствующихъ причинностей будетъ намъ болѣе понятною.

Недостатки этой группы проистекаютъ изъ низкаго качества новаго механизма, который, говоря кратко, занятъ вычисленіемъ вѣроятностей, взвѣшиваніемъ цѣлей, и который сообразно своимъ вычисленіямъ сообщаетъ психическому и фізіологическому механизму движеніе въ томъ или другомъ направленіи. Этому новому механизму можно дать названіе телеологическаго или цѣлеполагающаго механизма.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на одно мѣсто въ сочиненіи Штрюмпеля „Psychologische Pädagogik“ (S. 75), могущее повести къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ.

„Не незначительная часть“, говоритъ Штрюмпель, „прекраснаго, особенно все то, что связано съ однимъ развивающимся по величинѣ представленіемъ и что спеціально подходитъ подъ названіе высоко выдающагося (das Erhabene), дѣйствуетъ поднимающимъ образомъ (erhebend), т. е. освобождаетъ изъ-подъ давленія механизма и открываетъ сознаніе неограниченнаго и безконечнаго“. Собственно говоря здѣсь не должно быть рѣчи объ освобожденіи „изъ-подъ давленія механизма“, такъ какъ душа не обладаетъ

матеріальными силами; она можетъ лишь дѣйствовать въ томъ смыслѣ, что свобода аритмологическихъ связей въ психическомъ механизмѣ будетъ правильно использована для цѣлей ея свободныхъ причинностей, при чемъ принципъ сохраненія матеріальной энергіи не долженъ нарушаться. Правильное и цѣлесообразное направленіе въ психическомъ механизмѣ регулируется чувствомъ работы, какъ Бугаевъ въ своей статьѣ „О свободѣ воли“¹⁾ говоритъ: „Чувство работы имѣетъ высокое практическое значеніе. Оно присутствіемъ своимъ указываетъ, въ какой мѣрѣ мы руководимся реальными мотивами, способными къ осуществленію, а не побужденіями фиктивными и несообразными. Оно ослабленіемъ своимъ указываетъ, что воля дѣйствуетъ въ направленіи цѣлесообразномъ и вѣрномъ“.

Наши предыдущія разсмотрѣнія и интерпретаціи достаточно разъясняютъ намъ характеръ недостатковъ третьей группы, состоящихъ изъ различныхъ неуровновѣностей такъ сказать вычислительнаго аппарата для цѣлей движенія физиологическаго и психическаго механизмовъ. Такимъ образомъ намъ станутъ понятными и отдѣльные виды этихъ недостатковъ, перечисляемые Штрюмпелемъ въ его педагогической патологіи:

Неуживчивость въ обращеніи съ другими (*Unverträglichkeit*), склонность считать себя всегда правымъ (*Rechthaberei*), склонность къ ссорѣ, духъ противорѣчія. — Недостатокъ откровенности, замкнутость. — Лесть, ханжество, склонность вводить въ заблужденіе, лживость. — Склонность критиковать, обвинять, подводить подъ подозрѣніе, оклеветать. — Исканіе во всемъ собственной пользы, выгоды, обманъ, воровство. — Своеволие (*Eigensinn*), непослушаніе, неповиновеніе, упорство, *Hartnäckigkeit*, упрямство, *Verstocktheit*. — Нескромность, склонность мнить въ себѣ какое-нибудь высокое качество (*Eitelkeit, Eigendünkel*), хвастливость, величавое отно-

1) Труды Московскаго Психологическаго Общества. Вып. III, 1889.

шеніе къ слабѣйшимъ, гордость. — Зависть, радость потерямъ другихъ, месть, злостность (Bosheit). — Нелюбезность, неблагодарность. — Невѣжливое, рѣзкое, оскорбительное поведеніе, отсутствіе чувства приличія (Schicklichkeitssinn), чувства права, чувства чести, сознанія долга. — Слабость воли въ отношеніи выполненія намѣченнаго, недостатокъ въ постоянствѣ желанія, непослѣдовательность въ желаніи и въ отношеніи между желаніемъ и дѣйствіемъ. — Недостатокъ эстетическихъ чувствъ, вообще ограниченное или неправильное понятіе о прекрасномъ. — Недостатокъ чувствъ благожелательныхъ или ведущихъ къ отказу себѣ въ чемъ-нибудь или къ самопожертвованію, вообще недостатокъ чувствъ спеціально нравственныхъ. — Недостатокъ возбудимости къ религіозному настроенію. — Третья часть недостатковъ рѣчи и произношенія; и другіе.

Недостатки этой группы по самому ихъ характеру подлежатъ исправленію главнымъ образомъ при помощи воспитанія, что видно также изъ слѣдующихъ словъ Штрюмпеля.

„Недостатки этой группы приходятся главнымъ образомъ на счетъ образованія чувствованій и характера, вообще на счетъ оформливанія сознанія въ видѣ опредѣленной личности. Рядомъ съ управленіемъ и обученіемъ, вслѣдствіе этого, находитъ себѣ и воспитаніе въ собственномъ смыслѣ существенную задачу въ томъ, чтобы, соединившись съ патологіей и совместно съ обученіемъ, поддержать свое положительное вліяніе на развитіе всего лучшаго въ ребенкѣ, и все это въ концѣ концовъ преслѣдуетъ одну и ту же цѣль — подвести подъ власть разума, убѣжденія и руководимаго идеальными цѣлями желанія тѣлесный и психическій механизмъ“.

Не трудно обратить вниманіе на то, съ какою точностью классификація Штрюмпеля указываетъ тѣ области, въ которыхъ важное гербартовское подраздѣленіе педагогическихъ средствъ на управленіе, обученіе и воспитаніе въ собственномъ смыслѣ (Regierung, Unterricht und Zucht) находитъ свое

осуществленіе. Ни у самого Гербарта, ни у кого-либо изъ его послѣдователей нѣтъ такого яснаго представленія, какимъ образомъ при воздѣйствіи этими тремя видами педагогическихъ средствъ на воспитанника достигаются цѣли педагогики и какъ оправдывается черезъ это понятіе о способности къ образованію, т. е. переходъ отъ неопредѣленности къ желательному постоянству.

Наконецъ, остаются еще недостатки, происходящіе отъ неправильныхъ соотношеній между свободными причинностями, которые появляются главнымъ образомъ при дальнѣйшемъ развитіи ребенка — при переходѣ въ юношескій возрастъ, когда начинаетъ играть выдающуюся роль причинность самоопредѣленія. Эти недостатки Штрюмпель относитъ къ четвертой группѣ. Мы не будемъ на нихъ останавливаться: наши математическія интерпретаціи не могутъ дать точнаго представленія о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ формъ свободно дѣйствующихъ причинностей, такъ какъ сами формы этихъ причинностей еще не установлены точною наукою о случайныхъ явленіяхъ.

Въ заключеніе этой главы я позволяю себѣ еще разъ подчеркнуть главную мысль, содержащуюся въ ней, именно то, что классическія изслѣдованія Штрюмпеля о недостаткахъ дѣтей въ ихъ основныхъ идеяхъ нисколько не уклоняются отъ главныхъ принциповъ философскаго направленія Гербарта. Напротивъ того, здѣсь Штрюмпель вполне правильно и съ замѣчательнымъ талантомъ использовалъ идею Гербарта объ аритмологической закономерности (отъ которой послѣдній пытался отграничить лишь свою психологію), кромѣ того онъ дополнилъ ее введеніемъ понятія новой, вѣроятностной закономерности и далъ такимъ образомъ новый толчекъ развитію Гербартовскаго направленія.

Льщу себя надеждой, что эти мои изслѣдованія даютъ возможность смягчить слишкомъ рѣзкое обвиненіе противъ Штрюмпеля весьма извѣстнаго представителя модной экспе-

риментальной психологіи, берлинскаго профессора Т. Цигена¹⁾ въ томъ, что „Штрюмпель введеніемъ его свободно дѣйствующихъ причинностей“ — NB. деревянное желѣзо — изуродовалъ учение Гербарта до неузнаваемости (dass Strümpell die Herbart'sche Lehre durch Einführung seiner „freiwirkenden Kausalitäten“ — NB. ein hölzernes Eisen — bis zur Unkenntlichkeit entstellt hat.)

1) Das Verhältniß der Herbart'schen Psychologie zur physiologisch-experimentellen Psychologie. S. 71. Berlin 1900.
